

Д. 67
1700
№3

АРХИВНЫЕ КУРСЫ.

Лекціи, читанныя
въ 1918 году.

III.

ПЕТРОГРАДЪ.

2-я Государственная типографія. Галерная, 1.

1920.

27 СЕН 2006

19 АПР 2009

09.03.2017

27 МАЙ 2008

А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ.

ОЧЕРКЪ
РУССКОЙ ДИПЛОМАТИКИ
ЧАСТНЫХЪ АКТОВЪ.

Лекціи, читанныя слушателямъ „Архивныхъ Курсовъ“
при Петроградскомъ Археологическомъ Институтѣ
въ 1918 году.

Д 67

1700

N3

СВЕРЕНО

СВЕРЕНО
1919
г.КНИЖ. СВЯЗ. СССР
Гео. Пуш. Науч.-техн.
Библиотека929 $\frac{1}{67}$

„Очеркъ русской дипломатики частных актов“ составилъ изъ тѣхъ лекцій, которыя покойный А. С. Лаппо-Данилевскій читалъ въ октябрѣ-ноябрѣ 1918 г. на Архивныхъ курсахъ при Археологическомъ Институтѣ въ Петроградѣ. Принявъ тогда же сдѣланное ему предложеніе напечатать упомянутыя лекціи, А. С. въ послѣдующіе мѣсяцы приступилъ къ подготовкѣ ихъ для печати, но успѣлъ до своей болѣзни, а отчасти и во время ея въ январѣ 1919 г. въ значительной степени подготовить лишь ту часть „Очерка“, которая напечатана ниже на страницахъ 3—66; остальная часть не подвергалась тщательной авторской обработкѣ и издается почти въ томъ видѣ, какой она имѣетъ въ первоначальной редакціи; опущены лишь наброски критическихъ замѣчаній А. С. по поводу статьи С. А. Шумакова о грамотахъ и записяхъ, помѣщенной въ четвертомъ выпускѣ „Обзора грамотъ Коллегіи Экономіи“ (ср. с. 80), и такія же замѣчанія по поводу акта, напечатаннаго на с. 117. Въ немногихъ случаяхъ для связи текста пришлось, однако, дополнить его отдѣльными словами, поставленными въ ломаные скобки; въ нѣсколькихъ случаяхъ явные описки исправлены мною.

Что касается примѣчаній, то большинство изъ нихъ вывѣрено и дополнено мною необходимыми библиографическими указаніями; на стр. 89 прибавлена ссылка на статью В. К. Трутовскаго о „рядной Тѣшатѣ“.

Привіятыя мною сокращенія при ссылкахъ на общеизвѣстные сборники актовъ не требуютъ, кажется, поясненій; цитируемый нерѣдко „Сборн. грам. Коллегіи Экономіи“, т. I, есть тотъ сборникъ грамотъ Коллегіи Экономіи по Двинскому уѣзду, который былъ напечатанъ Академіей Наукъ по инициативѣ А. С. и при его жизни доведенъ до листа 43-го. Отсутствующее въ рукописи „оглавленіе“ составлено мною.

А. Андреевъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Время, которое мы переживаемъ, не особенно располагаетъ къ отвлеченнымъ научнымъ занятіямъ, но оно возлагаетъ на насъ весьма серьезныя обязанности: для тѣхъ изъ насъ, которые дорожатъ культурой, онѣ состоятъ прежде всего въ томъ, чтобы соблюсти и развить ея начала въ нашей жизни.

Одной изъ такихъ обязанностей, къ исполненію которой всѣ мы, историки и архивисты, спеціально призваны, является сохраненіе многовѣкового нашего культурнаго наслѣдія, запечатлѣннаго въ архивныхъ документахъ. Архивные документы включаютъ, главнымъ образомъ, публичныя и частныя акты; а потому нѣсколько лекцій, посвященныхъ выясненію научнаго значенія не только публичныхъ, но и частныхъ актовъ, принциповъ и методовъ ихъ изученія, задачъ и приѣмовъ ихъ храненія и т. п., можетъ быть, не покажутся вамъ излишними.

Никто изъ васъ, вѣроятно, не сомнѣвается въ значеніи публичныхъ актовъ; но въ вашей средѣ могутъ найтись скептики, которые усумнятся въ томъ, есть ли достаточное основаніе настаивать на научной цѣнности частныхъ актовъ, стоитъ ли историку подробно останавливаться на изученіи какихъ-либо духовныхъ и данныхъ, служилыхъ кабалъ и жилыхъ записей, купчихъ и закладныхъ и т. п., и нужно ли

всемѣрно заботиться о ихъ храненіи и регистраціи, описаніи и изданіи и т. п.

Во избѣжаніе недоразумѣній, которыя могутъ возникнуть на почвѣ такихъ сомнѣній, я попытаюсь предварительно объяснить вамъ, въ чемъ именно состоитъ ученіе объ историческихъ источникахъ и въ какомъ отношеніи оно находится къ той его отрасли, которая называется дипломатикой, а также укажу вамъ на ея русскіе источники и пособія, въ особенности примѣнительно къ частнымъ актамъ. Вслѣдъ за тѣмъ я перейду къ краткому изложенію тѣхъ основныхъ частей дипломатики, которыя мнѣ казалось бы желательнымъ различать, а именно: документальнаго источниковѣдѣнія и документальнаго построения актовъ. Документальное источниковѣдѣніе изслѣдуетъ ихъ въ качествѣ источниковъ, подлежащихъ интерпретаціи и критикѣ; документальное построение рассматриваетъ ихъ въ качествѣ явленій, нуждающихся въ анализѣ и синтезѣ. Принципы и методы обѣихъ частей получаютъ, конечно, болѣе или менѣе широкое примѣненіе къ изученію всякаго рода документальныхъ матеріаловъ, въ томъ числѣ и къ тѣмъ частнымъ актамъ, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ русской исторіи. Въ заключеніе я позволю себѣ, на основаніи вышеизложенной характеристики, обратить ваше вниманіе на научное значеніе частныхъ актовъ для пониманія нашей исторической дѣйствительности и тѣмъ самымъ надѣюсь оправдать передъ вами цѣлесообразность того краткаго курса по русской дипломатикѣ частныхъ актовъ, который я намѣренъ предложить вамъ въ теченіе ближайшихъ нашихъ совмѣстныхъ занятій.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Общее понятіе о дипломатикѣ и ея положеніи въ русской исторической наукѣ.

Вообще, принципы и методы изученія историческихъ источниковъ, разумѣется, прилагаются и къ тѣмъ изъ нихъ, которые называются документами и актами; безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ разъясненій нельзя, однако, приступить къ работамъ подобнаго рода: они подготовятъ насъ къ болѣе правильному пониманію той отрасли историческаго знанія, которая получила наименованіе „дипломатики“, и помогутъ намъ разобраться въ ея источникахъ и пособіяхъ, главнымъ образомъ, тѣхъ, которые относятся къ русской исторіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Предметъ дипломатики: изученіе документовъ и актовъ.

§ 1. Понятіе о документѣ и объ актѣ.

Въ многообразномъ составѣ историческаго матеріала, отображающаго психическую дѣятельность человѣка, можно различать два основныхъ вида источниковъ: смотря по тому значенію, какое они имѣютъ для познанія исторической дѣйствительности, такіе источники соотвѣтственно называются историческими остатками и преданіями¹⁾.

¹⁾ Въ новѣйшей французской литературѣ выраженіе „историческій источникъ“ иногда замѣняется терминомъ „документъ“ (document), причемъ подъ

Въ самомъ дѣлѣ, съ познавательной точки зрѣнія легко придти къ заключенію, что историкъ можетъ изучать факты двоякимъ образомъ: или черезъ посредство собственнаго воспріятія остатковъ того именно факта, который его интересуетъ; или черезъ посредство результатовъ чужихъ воспріятій даннаго факта, реализованныхъ въ тѣхъ или иныхъ формахъ и такимъ образомъ доступныхъ его собственному изученію. Съ такой познавательно-исторической точки зрѣнія, значитъ, нужно различать два основныхъ вида источниковъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда историкъ можетъ смотрѣть на источникъ, какъ на остатокъ изучаемаго имъ историческаго факта, онъ получаетъ возможность непосредственно заключить по нему о томъ, что и фактъ, остатокъ котораго доступенъ его изслѣдованію, дѣйствительно существовалъ; такого рода источники я буду называть историческими остатками. Въ тѣхъ случаяхъ, когда историкъ усматриваетъ въ источникѣ только преданіе объ историческомъ фактѣ, а не его остатокъ, онъ еще не можетъ, однако, непосредственно заключить по нему о томъ, что и фактъ, извѣстный ему лишь черезъ посредство чужого о немъ показанія, сохранившагося въ источникѣ, дѣйствительно существовалъ; слѣдовательно, прежде чѣмъ утверждать дѣйствительность его существованія, историкъ долженъ установить, на какомъ основаніи и въ какой мѣрѣ онъ можетъ довѣрять преданію о фактѣ; такого рода источники я буду называть историческими преданіями.

Итакъ, съ познавательной точки зрѣнія, принимая во вниманіе степень близости познающаго субъекта, т. е. историка, къ объекту его изученія или степень непосредственности

„документомъ“ разумѣютъ „слѣды человѣческихъ мыслей и дѣйствій“; такіе слѣды могутъ быть „непосредственными“ (вещественными) и „посредственными“ (письменными); см., напримѣръ, *Ch. V. Langlois et Ch. Seignobos, Introduction aux études historiques, Par. 1898, p. 1. Ch. Seignobos, La méthode historique appliquée aux sciences sociales, Par. 1901, pp. 17—19.* Едва ли желательна, однако, пользоваться такимъ чересмѣрно широкимъ словоупотребленіемъ: одинъ изъ выше-названныхъ авторовъ самъ замѣчаетъ, что термину „документъ“ часто придаютъ болѣе узкое значеніе „писанія“; см. *Ch. Seignobos, Op. cit., pp. 19, 43.*

его знанія о такомъ историческомъ фактѣ, можно установить два основныхъ вида источниковъ: историческіе остатки и историческія преданія.

Нельзя смѣшивать ту познавательную точку зрѣнія, которая лежитъ въ основѣ только что указаннаго дѣленія, съ реалистической: послѣдняя ведетъ къ положительному различенію объективно данныхъ источниковъ, что обыкновенно и дѣлается въ конкретно-историческихъ работахъ. Въ такомъ случаѣ дѣленіе историческихъ источниковъ на остатки и преданія ставится въ зависимость отъ того, что именно разумѣтъ подъ объективно даннымъ историкъ остаткомъ или преданіемъ, и можетъ быть характеризовано слѣдующимъ образомъ.

Подъ историческимъ остаткомъ можно разумѣть непосредственный результатъ той самой дѣятельности человѣка, которую историкъ долженъ принимать во вниманіе при построеніи исторической дѣйствительности, включающей и означенный результатъ; такой остатокъ есть, въ сущности, часть того самаго историческаго факта, который изучается историкомъ; слѣдовательно, можно сказать, что въ случаяхъ подобнаго рода историческій фактъ какъ бы самъ о себѣ отчасти свидѣтельствуетъ передъ историкомъ. Подъ историческимъ преданіемъ можно разумѣть отраженіе какого-нибудь историческаго факта въ источникѣ; послѣдній не остатокъ даннаго факта, а результатъ того впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на автора преданія, реализовавшаго его въ данномъ матеріальномъ образѣ. Иными словами говоря, остатокъ есть слѣдствіе причинъ, въ совокупности съ другими вызвавшихъ тотъ самый фактъ, который изучается; преданіе же есть послѣдствіе этого факта: фактъ вліяетъ на данную личность; подъ его впечатлѣніемъ она запоминаетъ его или оцѣниваетъ его въ преданіи¹⁾.

Въ видѣ примѣра можно привести хотя бы слѣдующій: колонна дорійскаго храма въ Олимпіи есть часть того самаго факта, который насъ интересуетъ, и, слѣдовательно, является

¹⁾ А. Лаппо-Данилевскій, *Методологія исторіи*, С.-Пб. 1913 г., в. II. сс. 385—387.

историческимъ остаткомъ; описаніе того же храма, сохранившееся у Павзанія, напротивъ, есть только послѣдствіе этого факта и оказывается историческимъ преданіемъ о немъ. Возьмемъ другой примѣръ, почерпнутый изъ нашей отечественной исторіографіи: извѣстный договоръ 945 года, заключенный между царемъ Романомъ и княземъ Игоремъ, начинающійся словами: „мы отъ рода Рускаго послы и госте: Иворъ, посолъ Игоревъ великаго князя Рускаго...“ п т. д., — историческій остатокъ, такъ какъ является результатомъ тѣхъ именно отношеній между русскими и греками, которыя мы въ данный моментъ изучаемъ; рассказъ лѣтописи о мирѣ между царемъ Романомъ и княземъ Игоремъ, о прибытіи въ 945 г. греческихъ пословъ къ великому князю русскому, о „ротѣ“ обонхъ государей и т. д., напротивъ, историческое преданіе, ибо въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ фактомъ и даже не съ частью этого факта, а съ впечатлѣніемъ, которое этотъ фактъ произвелъ на данное лицо — лѣтописца и которое отразилось въ его повѣствованіи.

Вышеуказанное дѣленіе историческихъ источниковъ перекрѣпчивается другимъ, имѣющимъ въ виду ихъ содержаніе: можно различать источники съ фактическимъ содержаніемъ и источники съ нормативнымъ содержаніемъ, т. е. такіе, которые содержатъ показанія о фактахъ, и такіе, которые содержатъ показанія о какихъ-либо нормахъ или правилахъ: логическихъ, этическихъ, эстетическихъ, техническихъ и т. п.; къ числу источниковъ съ нормативнымъ содержаніемъ легко отнести и тѣ, которые имѣютъ правовое содержаніе. Средневѣковыя реальныя энциклопедіи представлялись, напримѣръ, сборниками правилъ касательно тѣхъ дисциплинъ, которымъ обучали въ школахъ: *Satyricon* *Marci* *Manus* а *Capella* (изъ Каролингскаго, середины V вѣка) содержалъ, напримѣръ, школьныя науки тривіума (грамматику, риторику и діалектику) и квадрилліума (геометрію, арифметику, астрономію и музыку, со включеніемъ поэтики). Нашъ Домострой также заключалъ въ себѣ скорѣе правила о томъ, каковы должны быть отношенія между

мужемъ и женой, между родителями и дѣтьми, а также прочими домочадцами и слугами, какъ содержать свое хозяйство и вести себя въ общественной жизни и т. п., чѣмъ изображеніе дѣйствительно существовавшего въ то время семейнаго и общественнаго быта.

Систематически пользуясь вышеуказанными критеріями дѣленія историческихъ источниковъ по ихъ познавательному значенію и по ихъ содержанію, разумѣется, часто смѣшиваемыхъ на практикѣ, легко придти и къ болѣе точному пониманію тѣхъ изъ нихъ, которые называются документами.

Вообще, принимая во вниманіе дѣленіе историческихъ источниковъ на остатки и преданія, можно въ самомъ широкомъ смыслѣ разумѣть подъ документомъ историческій остатокъ, обозначающій соотвѣтственное его содержаніе преимущественно въ письменной формѣ¹⁾, хотя въ древнѣйшее время далеко не всякое правоотношеніе получало такое именно выраженіе и часто укрѣплялось лишь какимъ-либо символическимъ дѣйствіемъ, напримѣръ, клятвою, рукобитіемъ и т. п., однако, самое понятіе о документѣ обыкновенно связывалось съ его письменной формой. Такое пониманіе отражалось въ старинномъ нашемъ словоупотребленіи: уже съ древнѣйшаго времени у насъ употребляли, въ сущности, однозначущее съ терминомъ документъ слово „грамота“,

¹⁾ Въ нѣмецкой литературѣ терминъ „*Urkunde*“ употребляется въ болѣе, широкое значеніе; онъ обозначаетъ всякій матеріальный предметъ, служащій для показанія или свидѣтельствованія о чемъ либо, причемъ, однако, значительно суживается въ его примѣненіи къ „правовой жизни“; съ такой точкой зрѣнія подъ понятіемъ „*Urkunde*“ подводятся, напр., межевыя знаки, таможенныя пломбы и т. п., а подъ понятіемъ о „подложныхъ документахъ“ и поддѣлку этихъ предметовъ, что сохранилось до позднѣйшаго времени въ словоупотребленіи нѣкоторыхъ нѣмецкихъ уголовныхъ кодексовъ. Впрочемъ, терминологія подобнаго рода стала довольно рѣдкой, и подъ словомъ „*Urkunde*“ теперь чаще всего разумѣютъ писанный документъ; см. *F. Rietsch*, *Handbuch der Urkundenwissenschaft*, 2 Aufl. Berlin, 1904, SS. 1—6. Въ англійской литературѣ „*record*“ уже употребляется въ послѣднемъ смыслѣ и, въ особенности, примѣняется къ актамъ; см. еще ниже с. 15. Матеріальные предметы, свидѣтельствующіе о правовомъ значеніи даннаго дѣйствія, можно называть описательно, напр., знаками удостовѣренія (печати) и т. п.

которое явно указывает на письменную его форму (γράμμα — черта); та же связь сохранилась и в терминологии позднейшего времени¹⁾.

В самом деле термин „грамота“ мог обозначать самые разнообразные документальные источники, например, письма, деловые бумаги, акты, имеющие правовое значение, и т. п.²⁾.

Вообще, называя письменные остатки культуры „документами“, мы часто причисляем к ним письма и т. п.; мы говорим, например, в таком смысле о письмах Цицерона к Аттику или о письмах Ивана Грозного к князю А. Курбскому и т. п. В древнем нашем быту для тех же целей пользовались словом: „грамота“. Старинные наши формулярники содержат, например, образцы „грамоток“, т. е. писем к разным лицам: к отцу, к матери и к другим членам семьи, к должностным лицам и т. п.³⁾. Аналогичное словоупотребление встречается и в отдельных памятниках: князь Владимир Мономах сообщает, например, Олегу Святославичу в 1096 году: „написах ти грамоту, аще ю приимеши с добром, ли с

¹⁾ В некоторых местностях Московского государства, вместо термина „грамота“ (в широком смысле), употребляли термин „письмо“, хотя, впрочем, такое название для обозначения архивных документов встречается „очень редко“. В смётной книге города Торонца 1510 г., напр., значится: „въ житиши — писмо въ сундуки и въ коробыхъ: государевы грамоты и отписки розных годовъ и судные и всякие дела“; или в смётной книге Великих Лук 1589 г. замечено, что „письма старые прежних воевод“ перенесены были из приказной избы на гостинный двор; см. *Н. Оглоблин*, *Провинциальные архивы в XVII в.*, в Сборник статей по Архивоведению, изд. под ред. И. Зубарева. С.-Пб. 1910, т. I, ч. I, сс. 123—124.

²⁾ По определению нашей Академии Наук, документ — „это письменный акт, служащий доказательством или свидетельством чего-либо; деловая бумага, относящаяся к канцелярскому производству“; см. *Словарь русского языка*, составленный Вторым Отделением Академии Наук, С.-П. 1895 г., т. I, с. 1088. Определение это не совсем удовлетворительно, так как в нем отождествляются термины: „документ“ и „акт“, которые, однако, не совпадают. Об обязательности письменной формы для важнейших частных актов см. ниже.

³⁾ Старинные „формулярники“, сообщенные *Н. Калачевым*, в Лѣт. зан. Археогр. Ком. С.-Пб. 1862 г., вып. I, сс. 34—49.

поруганьем, свое-же оузрю на твоёмъ писаньи“; в одном из старейших Златоструев мы читаем: „Павелъ принимаше и посылаше всюдоу грамоты“ (γράμματα, litteras); в повести Кирилла Туровского к Василию, игумену Печерскому: „а о немъ-же, господине, прислалъ ми еси грамоту“ и т. п. Грамотами назывались также письма с несколько более официальным содержанием; такова, например, „милостивая грамота“ царя Алексея Михайловича Вологодскому архиепископу Симону 1671 года, в которой он обращается к архиепископу со следующими словами:

„писалъ ты къ намъ, великому государю, что послалъ про нашъ великого государя обиходъ сосудъ рыжиковъ вологодскихъ, за своею печатью; и мы, великий государь, указали тебѣ рыжики принять, а тебя, богомольца нашего, за то милостиво похваляемъ; писанъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, в нашихъ царскихъ палатахъ, лѣта 7179 марта въ 8 день“¹⁾.

Кроме писем, к документам или грамотам можно причислить и публичные и частные акты.

Понятие о документе в вышеуказанном широком смысле получает уже некоторую дальнейшую квалификацию, если связывать его с известным содержанием, в особенности деловым. В таком смысле документом называется, например, бумага, касающаяся фактической деятельности какого-либо учреждения или лица. Сюда можно отнести, например, деловые письма, росписи и описи имущества и тому подобные документы, которые не засвидетельствованные; таковы, например, письмо архиепископа Вологодского Маркелла думному дворянину Ивану Афанасьевичу Гавреневу с уведомлением о покупке, по его поручению, соли и об отправке ее в Москву, 1653 года; „роспись архиепископскихъ селъ Стефановскаго, Григорьевскаго, Цыбоева, что в которомъ селѣ высеяно въ поляхъ овса и ячменя и пше-

¹⁾ Доп. к А. И., т. VI, № 27. Ср. *М. Курдюмов*, *Описание коллекции П. И. Саввантова*, в Лѣт. зан. Археогр. Ком., в. 27 (1915 г.), №№ 960 и 1007.

ницы“, при посельскихъ старцахъ Антоніѣ и Аѳанасіѣ, 1685 года; извѣстная опись книгамъ Спасской библіотеки 1690 года и т. п. ¹⁾).

Въ менѣе широкомъ и болѣе опредѣленномъ смыслѣ подѣ документомъ слѣдуетъ разумѣть историческій остатокъ съ нормативнымъ, въ особенности съ правовымъ содержаніемъ, при чемъ оно облекается обыкновенно въ закрѣпляющую его письменную форму. Такой нормативный характеръ обнаруживается, напримѣръ, въ особаго рода документахъ, называемыхъ „прощальными грамотами“: хотя онѣ и составлялись духовными лицами на случай смерти и выражали какъ бы послѣднюю ихъ волю, однако, ихъ нельзя причислить къ актамъ, извѣстнымъ подѣ наименованіемъ духовныхъ: „прощальныя грамоты“ или „завѣты“ состоятъ изъ нравственныхъ наставленій, преподанныхъ духовными лицами своей паствѣ и, въ сущности, не содержатъ никакихъ имущественныхъ распоряженій; таковы, напримѣръ, прощальныя грамоты митрополитовъ Кипріяна 1406 г., Іовы 1461 г. и т. п. ²⁾).

Нормативный характеръ проявляется еще яснѣе въ документахъ съ правовымъ содержаніемъ. Таково, напримѣръ, „письмо князя Дмитрія Петровича Львова архіепископу Вологодскому и Великопермскому Маркеллу 1653 года, съ препровожденіемъ тридцати червонцевъ на поминъ души дяди его, князя Алексѣя Михайловича Львова, и родителей его и съ просьбою дозволить ему, князю Дмитрію, невозбранно ходить въ церковь на Московскомъ архіерейскомъ подворьи“ ³⁾).

Вышеприведенное письмо, какъ видно, довольно близко подходитъ къ вкладной, хотя и не имѣетъ ея формальнаго вида.

¹⁾ А. Ю. Б., т. III, № 320. М. Курдюмовъ, Опис. коллекціи П. И. Саввантова, въ Лѣтоп. зан. Археогр. Ком., в. 27 (1915 г.), № 351.

²⁾ А. Ю. № 428. А. Ю. Б., т. I, № 83. П. С. Р. Л., т. XXI, с. 441. Библиогр. Лѣтоп., в. III, с. 167. I. Вѣрюжскій, Историческія сказанія о жизни святыхъ, подвижавшихся въ Вологодской епархіи, Вологда 1880 г., сс. 385—386: „завѣтъ“ преподобнаго Иннокентія Комельскаго († 1521 г. марта 19).

³⁾ М. Курдюмовъ, Описаніе коллекціи П. И. Саввантова, въ Лѣтоп. зан. Археогр. Ком., в. 27 (1915 г.), № 294.

Въ виду того, что терминъ „документъ“ можетъ имѣть нѣсколько разнообразныхъ значеній, приходится или каждый разъ оговаривать то изъ нихъ, которое придается ему въ данномъ случаѣ, или, подвергнувъ его дальнѣйшей квалифікаціи, пользоваться другимъ болѣе опредѣленнымъ терминомъ для ея обозначенія. Такое ограниченіе легко сдѣлать, если принять во вниманіе лишь тотъ видъ документовъ, которые имѣютъ правовое значеніе: документы или „грамоты“ съ правозначущимъ содержаніемъ, т. е. такіе, которые облекаютъ извѣстное правоотношеніе — правительственное постановленіе или юридическую сдѣлку — въ письменную форму, можно называть актами въ широкомъ смыслѣ. Сюда относятся даже памятники законодательства, въ родѣ, напримѣръ, Новгородской судной „грамоты“, Псковской судной „грамоты“ и т. п., и, во всякомъ случаѣ, болѣе спеціальныя виды актовъ, извѣстныхъ подѣ наименованіемъ: жалованныхъ, тарханскихъ, несудимыхъ, правыхъ или же купчихъ, мѣновныхъ, рядныхъ, духовныхъ ¹⁾ и т. п.

§ 2. Акты съ освѣдомительнымъ и акты съ удостовѣрительнымъ характеромъ.

Въ составѣ актовъ слѣдуетъ различать акты съ декларативнымъ или освѣдомительнымъ характеромъ и акты съ конститутивнымъ или удостовѣрительнымъ характеромъ.

Актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ имѣетъ меньшее правовое значеніе, чѣмъ актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ. Актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ служитъ, главнымъ образомъ, для показанія о состоявшемся правоотношеніи; онъ пишется для запечатлѣнія въ памяти тѣхъ дѣйствій или событій, которыя породили его. Актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ, напротивъ, является основаніемъ для признанія правоотношенія состоявшимся; онъ пишется

¹⁾ А. Э., т. I, № 92 (ст. 41). Псковская Судная Грамота, изд. Археогр. Ком. СПб. 1914, с. 1.

для закрѣпленія тѣхъ элементовъ или условій, изъ которыхъ оно состоитъ. Въ самомъ дѣлѣ, актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ есть письменное показаніе о такомъ правоотношеніи, которое уже произошло въ дѣйствительности и совершеніе котораго онъ долженъ, въ случаѣ нужды, обнаружить, облегчивъ его доказательство черезъ посредство опроса и присяги свидѣтелей того, что приходило, и составителей акта, если они упомянуты въ немъ. Актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ, напротивъ, есть письменное свидѣтельство, на основаніи котораго правоотношеніе устанавливается во всей полнотѣ его юридическаго значенія и безъ котораго оно не можетъ быть признано дѣйствительнымъ. Въ связи съ указаннымъ различіемъ актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ получаетъ обыкновенно иную форму, чѣмъ актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ: тѣснѣе связанный съ бытомъ, чѣмъ съ правомъ, актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ составляется въ болѣе свободной формѣ, чѣмъ актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ; послѣдній, напротивъ, требуетъ возможно болѣе точной и строгой формулировки. Естественно, что при такихъ условіяхъ актъ, смотря по принадлежности его къ тому, а не иному виду, особенно частный, играетъ различную роль и въ судебномъ процессѣ: актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ, будучи не удостовѣреннымъ, можетъ быть пригоднымъ для судебного разбирательства, но не въ качествѣ судебного доказательства; актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ, напротивъ, имѣетъ юридическую силу и становится, съ теченіемъ времени, важнѣйшимъ судебнымъ доказательствомъ¹⁾.

¹⁾ I. Ficker, Beiträge zur Urkundenlehre, Innsbruck 1877, Bd. 1, SS. 60-63, 226-266, 340-345. O. Posse, Die Lehre von Privaturkunden, Lpz. 1887, SS. 66-75, 82-84; вообще, слѣдую примѣру Зиккеля (Acta reg. et imp. Karol. 1, 2), авторъ придаетъ термину „Urkunde“ значеніе, аналогичное съ тѣмъ, какое у насъ приписывается термину „актъ“, и, наоборотъ, сближаетъ актъ съ notitia (см. ниже). Жюри, напротивъ, признаетъ терминъ актъ „наиболѣе всеобъемлющимъ изъ тѣхъ, которые можно употреблять для обозначенія совокупности дипломатическихъ источниковъ“, см. A. Giry, Manuel de diplomatique, Par. 1894. p. 10; но такое словоупотребленіе едва-ли соответствуетъ тому, которое принимаютъ, напримѣръ,

Въ западно-европейской дипломатикѣ подобное различіе проводилось, впрочемъ, не безъ нѣкоторыхъ колебаній и отразилось въ болѣе или менѣе устойчивой терминологіи: освѣдомительный актъ извѣстенъ былъ подъ наименованіемъ „notitia“, notice или memoratorium (Beweisurkunde), удостовѣрительный актъ—подъ наименованіемъ carta (charte, Geschäftsurkunde), хотя значеніе такихъ терминовъ не всегда было одинаковымъ, и различіе между ними оставалось довольно текучимъ¹⁾.

Въ нашей старинной дѣловой практикѣ нѣкоторое различіе между освѣдомительнымъ актомъ и удостовѣрительнымъ актомъ, вѣроятно, намекающее на послѣдовательное развитіе ихъ во времени, также обнаружилось, по крайней мѣрѣ, отчасти, хотя соответствующая ему терминологія далеко еще не установилась.

Впрочемъ, освѣдомительный актъ часто назывался, подобно средневѣковой „notitia“—„memoratorium“—„памятью“.

Въ приказномъ дѣлопроизводствѣ, по крайней мѣрѣ позднѣйшаго времени, „память“ отличалась, напримѣръ, отъ „указа“: въ 1677 году „великій государь указалъ изъ Розряду во всѣ приказы, гдѣ по его великаго государя указу сидятъ думные люди, въ памятяхъ писать къ нимъ указомъ, а памятьми къ нимъ ни къ кому не писать“²⁾.

составители „Французскихъ Пандектъ“, говоря объ „actes authentiques“, „actes de l'état civil“, „actes notariés“ и т. п.; см. Pandectes françaises de M. Rivière et R. Fremont, Par. 1886, t. 1, pp. 483, 552, 647. Англійское выраженіе „act“ обыкновенно служитъ для означенія декрета, исходящаго отъ какого-либо законодательнаго учрежденія, парламента и т. п. Вышеупотребленные термины: „актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ“ и „актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ“ указываютъ лишь на характерный признакъ каждаго изъ видовъ, что не исключаетъ нѣкотораго смѣшенія ихъ въ дѣйствительности; ниже тѣ же виды называются сокращенно: освѣдомительными и удостовѣрительными актами.

¹⁾ H. Brunner, Carta und Notitia, вѣ Festgabe für Mommsen, Berl. 1877. Ср. его же, Zur Rechtsgeschichte der römischen und germanischen Urkunden, Berl. 1880, Bd. 1, SS. 8-17, 211-244.

²⁾ П. С. З., т. II, № 677 (1677 г. февраля 23). Г. Шумаковъ пришелъ къ заключенію, что „память“—одинъ изъ „прихотливѣйшихъ и неустойчивѣйшихъ древнерусскихъ юридическихъ терминовъ“, но самъ онъ отмѣчаетъ, по крайней мѣрѣ для частной памяти, весьма существенные признаки, на которые будетъ указано ниже; см. С. Шумаковъ, Обзоръ грам. Кол. Экон., в. IV, с. 1.

Освѣдомительный характеръ „памяти“ въ области публичнаго права, дѣйствительно, обнаруживался иногда довольно наглядно. Присутственные мѣста сносились между собой по поводу тѣхъ или иныхъ состоявшихся указовъ или распоряженій правительства при помощи „памятей“: государевы указы и боярскіе приговоры, напримѣръ, вносились въ указныя книги перѣдко по „памятямъ“, которыя дѣяки присылали въ соотвѣтствующіе приказы. Одинъ изъ иностранцевъ, посѣтившихъ Москву въ серединѣ 1650-хъ годовъ, рассказываетъ, напримѣръ, что царю „докладываютъ всѣ прошенія (челобитчиковъ), читая ихъ передъ нимъ“: „на какихъ пожелаетъ, онъ [?] дѣлаетъ надпись, чтобы было исполнено“; челобитныя передаются въ особый приказъ, куда челобитчики являются справиться о нихъ; если на челобитной „сдѣлана надпись объ исполненіи, то онъ идетъ съ нею къ визирю въ Посольскій приказъ и подаетъ ее ему, и тотъ, сдѣлавъ на ней надпись, передаетъ одному изъ секретарей, который пишетъ по ней память, т. е. записку государевенному казначею, чтобы онъ выдалъ тому человѣку то-то, согласно приказанію царя, съ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа“¹⁾.

Такой же порядокъ соблюдался и относительно царскихъ указовъ: по случаю „состоятельнаго 208 года указу“ о писаніи крѣпостей, напримѣръ, велѣно было „о состояніи того нашего великаго государя указу послать памяти и съ статей списки во всѣ приказы и Ратушу...“²⁾. Аналогичная формула установилась и для сношеній присутственных мѣстъ или органовъ правительственной власти между собою. „Наказныя памяти“ XVII вѣка обыкновенно начинались словами: „по государеву цареву и великаго князя указу память“ такому то должностному лицу объ исполненіи того-то, причемъ

¹⁾ Павелъ Алеппскій, Путешествіе патріарха Макарія въ Россію, пер. Г. Муркоса. въ Чт. М. О. И. и Др. 1898 г., кн. IV, сс. 142-143. Если понимать приносимое извѣстіе въ томъ смыслѣ, что самъ царь писалъ свои резолюціи на челобитныхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ видѣ общаго правила, оно не вѣрно; возможно, что здѣсь рѣчь идетъ о докладчикѣ.

²⁾ П. С. З., т. IV, № 1833.

иногда дополнительно дѣлалась ссылка и на „приказъ“ воеводы, напримѣръ: „лѣта 7143 маія 29 день, по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Руссіи указу и по приказу [соликамскаго] воеводы Захарья Григорьевича Шишкина память въ Ужгинской погостъ земскимъ людемъ, судейкѣ Поспѣлкѣ Васильеву съ товарищи“ предписываетъ имъ „сискать“ Микитку Агаѣонова, знающаго, гдѣ въ Ужгинскомъ уѣздѣ „Чюцкіе люди дѣливали оловянную руду“ и водится краска, и послать его туда вмѣстѣ съ двумя посадскими людьми „для государева дѣла“ и т. п.¹⁾ Такимъ же характеромъ отличались и тѣ подписанныя дѣяками „приставныя памяти“, которыя, въ видѣ предварительнаго увѣдомленія судьи о вчинаніи иска, подавались истцами за своими руками и по которымъ пристава сыскивали отвѣтчиковъ, давали ихъ на поруки и къ суду сročили ихъ безволокивно, напримѣръ, „память приставу“ о дачѣ ему на поруки Якова Еропкина въ насильственномъ владѣніи и пользованіи землей Ѳеодора Микулаева, конца XVII вѣка и др.²⁾ Въ видѣ „памятей“, наконецъ, могли составляться и „правыя“, напримѣръ, та, которая была выдана земскимъ судьей Алексѣемъ Самойловымъ Подвинской чети Селецкой волости церковному старостѣ Богдану Травникову и всѣмъ крестьянамъ, 1654 года; она сообщала о томъ, что

„по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу и по грамотѣ и по другой

¹⁾ Уложение, X, 142; XVIII, 46 и др. А. Ю. № № 351-352, 354-357. А. Ю. Б., т. II, № № 230 XI; 233. А. И., т. III, № № 232, 236. А. Г. Р., т. II, № 115, с. 31. Р. И. Б., т. XII, ст. 571. Наказныя памяти получали иногда характеръ инструкцій; см. Уложение, XXI, 4; ср. А. Ю. № 336; Р. И. Б., т. XIV, ст. 41 233, 327. Памяти по разнымъ дѣламъ см. въ А. Ю. № 347.

²⁾ Уложение, X, 100, 137, 139 и др. А. Ю. № № 55, 56. А. Ю. Б., т. II, № 235. Ср. Г. Котошихинъ, О Россіи, VII, 37-40. Значеніе „добѣжей памяти“ (ср. Уложение, X, 120 и 141) выясняется хотя-бы изъ слѣдующаго текста: „и по ихъ де испову челобитью и съ приказу Большого Дворца посылаѣть по наказу отъ мѣста подъячей для досмотру порченныхъ гранныхъ признакъ и досмотру своего добѣзжую память онъ, подъячей, за руками окольныхъ людей и за своею рукою въ приказъ Большого Дворца подаль“. См. А. Г. Р., т. II, № 177, ст. 727. Р. И. Б., т. XII, ст. 707; ср. еще Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 76, ст. 79.

святителской грамотѣ, земской четвертной судья Алексѣй Самойловъ отвелъ, по прежней государевѣ грамотѣ блаженные памяти государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи и по воеводцкой отводной памяти воеводы Степана Стрешнева да Еуеимья Филатова, и по пынѣшней государевѣ грамотѣ и по святителской [г. е. патріарха Никопа] нарейку Островки, Анятокъ тоже [взятую въ тягло себѣ крестьяниномъ той же чети Заостровской волости Васкою Зыковымъ], отвелъ и велѣлъ владѣть въ церкви Ильи пророка причетникомъ попрежнему..., а Васкѣ Зыкову въ той землѣ отказалъ владѣть и вступатца не велѣлъ¹⁾.

Эта „правая память“ была написана, какъ видно, по состоявшемуся, на основаніи царскихъ и святительскихъ грамотъ, отводѣ спорной земли, занятой Васкою Зыковымъ, прежнему ея владѣльцу—церкви Ильи пророка¹⁾.

Въ области частнаго права актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ также отличался отъ акта съ удостовѣрительнымъ характеромъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, впрочемъ, далеко не всегда ясно установленныхъ.

Въ древней нашей письменности уже существовали, напомнимъ, термины: „доска“ и „память“, подъ которыми могли скрываться и освѣдомительные акты.

Въ самомъ дѣлѣ, термину „доска“ (дѣска, πίναξ, tabula), кромѣ буквального смысла, придавали еще и другіе, которые позволяютъ сближать ее съ документомъ. Въ средніе вѣка обычай писать на досчатыхъ (или рѣже изъ слоновой кости) табличкахъ, покрытыхъ слоемъ воска, былъ очень распространеннымъ и продолжалъ переживать даже въ позднѣйшее время: онѣ преимущественно служили для временныхъ замѣтокъ, въ особенности для записыванія счетовъ. Въ такомъ же смыслѣ тотъ же терминъ употреблялся и въ нашей древней пись-

¹⁾ А. Ю. Б., т. II, № 234. Можно было вызвать память въ приемѣ другой памяти, о чемъ см. тамъ-же, т. II, № 236. Въ XVIII вѣкѣ вмѣсто термина „память“ стали употреблять соответствующій ей терминъ „промеморія“; ср. Записку о сношеніяхъ правительственныхъ мѣстъ, въ Гос. Арх. XVI, 170, п. 2.

менности, хотя-бы, напомнимъ, въ Кормчей книгѣ 1100 года, которая при изложеніи правилъ Трульского вселенскаго собора упоминаетъ о „писанныхъ на дѣскахъ“ (ἐν πίναξιν, in tabulis); Никифоръ, митрополитъ кievскій, въ своемъ посланіи къ Володимеру Всеволодовичу, говоря о Моисеѣ, писалъ: „сѣшедь съ горы, яже ношаше дѣскы законныи (т. е. скрижали завѣта), съкроуши“ и т. п. Далѣе, терминъ „доска“ употреблялся также въ смыслѣ: „писаніе“, „напись“, что видно, напомнимъ, изъ слѣдующихъ выраженій въ Патерики Синайскомъ XI вѣка: „обрѣтохомъ-же на немъ и дѣски написаны тако: оумброхъ азъ“ (πτοχία γεγραμμένα οὐτως, chartam inscriptam); или въ выпискахъ Ѳеодора Студита изъ Кормчей XIII вѣка: „иже обрящется въ доскахъ написано ино что книжно и лексиконъ и къ брату написаніе какому, развѣ ему-же учится стихерамъ или сѣдилнамъ, да отлучится три дня“. Наконецъ, подъ доскою разумѣли иногда и письменный документъ: въ Новгородской лѣтописи по Синодальному списку мы читаемъ, напомнимъ, подъ 6717 годомъ, при описаніи расправы, учипенной новгородцами надъ посадникомъ Дмитріемъ и его братьей: „А Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житіи ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изискаша и поимаша бещисла, а избытъ роздѣлиша..., а что на дѣщкахъ, а то князю оставиша“; и ниже: „тѣгда даша посадьничьство Твърдиславу Михалковицю, и даша дѣщкы Дмитровы Святославу: а бѣше на нихъ (въ списокѣ Археографической Комиссіи XV вѣка прибавлено: „писано“) бещисла“. Въ Суздальской лѣтописи тѣ же событія подъ тѣмъ же годомъ рассказаны слѣдующимъ образомъ: „И дворъ его и села пограбиша, а что ся на дѣскахъ осталось въ письмѣ, а то все князю“; и „приде въ недѣлю мясопустную, и даша князю дѣскы Дмитровы, а бѣше на нихъ богатства бещъ числа“¹⁾.

¹⁾ H. Wattenbach, Das Schriftwesen in Mittelalter, 2 Aufl, SS. 44-74. И. Срезневскій, Матеріалы, т. I, ст. 761-762. Авторъ „Матеріаловъ“ оставилъ безъ вниманія текстъ изъ Новгородской лѣтописи по Синодальному списку; см. изд. Археогр. Ком., С.-Пб. 1888 г., с. 191. Иосифъ Волоколамскій въ X главѣ своего

Итакъ, можно думать, что въ старину терминомъ „доска“ означали также „писаніе“ или документъ, который могъ имѣть характеръ и освѣдомительнаго акта.

Уже въ древности, наряду съ терминомъ „доска“, стали употреблять другое выраженіе, получившее довольно широкое распространеніе въ позднѣйшее время: въ переводѣ одного изъ словъ Григорія Назіанзина, по списку XI вѣка, греческій терминъ „ὑπομνήμα“ передается словомъ „память“, въ смыслѣ „напоминанія“ о чемъ-либо; то же выраженіе могло означать и записку для памяти, что видно хотя-бы изъ слѣдующаго текста твореній Кирилла Туровскаго XII вѣка: „да не зѣбѣ ихъ запрети, понеже лѣта и мѣсяци, и времена, и дни, и часы, и праздници съ памятью имуть исписаны, съгрѣшихомъ когда“¹⁾. Позднѣе терминъ „память“ получилъ нѣкоторое примѣненіе и для означенія актовъ съ освѣдомительнымъ характеромъ.

Впрочемъ, въ старинномъ нашемъ законодательствѣ акты съ освѣдомительнымъ характеромъ, вѣроятно, причислялись къ домашнимъ актамъ, которые противопоставлялись актамъ, публично засвидѣтельствованнымъ. Наиболѣе развитый изъ старѣйшихъ памятниковъ подобнаго рода—Псковская Судная Грамота противопоставляетъ „доску“ или актъ, повидимому, еще не облеченный въ надлежащую форму, вѣроятно, публично не засвидѣтельствованный, записи, которая, по крайней мѣрѣ, судя по одной изъ ея статей, оказывается актомъ „положеннымъ въ ларь“ Св. Троицы, т. е. публично засвидѣтельствованнымъ. Здѣсь мы читаемъ:

„А кто положитъ доску на мрътваго о зблуденіи, а иметъ искати на приказниковъ того соблюденія, серебра или платія, или круты, или иного чего животнаго, а тотъ оумръшей съ поряднею, и рукописаніе оу него

Устава упоминаетъ о книгахъ, писанныхъ на берестѣ въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ. Въ Публичной Библиотекѣ, по словамъ митр. Евгенія, есть расписка XVII-XVIII в. на берестѣ (Труды Имп. Общ. Ист. и Др., ч. III, сс. 26-27). О дѣлахъ, писанныхъ на берестѣ въ Сибири, еще въ XVIII вѣкѣ (1776 г.), см. П. С. З., т. XX, № 14538. Ср. еще К. Неволинъ, Сочиненія, т. IV, с. 50.

¹⁾ И. Срезневскій, Матеріалы, т. II, ст. 871-873.

написано и въ ларь положено; ино на тыхъ приказникахъ не искати чрезъ рукописаніе, ни зсудіа безъ заклада и безъ записи, и на приказникахъ не искати ничего; а толко будетъ закладъ, или записи, ино волно искати по записи. И кто животоу владѣеть по записи, или по закладу, а оу приказниковъ умръшаго, а не будетъ заклада, ни записи оумръшаго на кого, ино имъ не искати ничегожъ, ни съ судіа, ни торговли, ни зблуденія, ничегожъ“¹⁾.

Аналогичное противопоставленіе между „доской“ и записью Псковская Судная Грамота проводитъ и въ другихъ статьяхъ: онѣ касаются долговыхъ обязательствъ, допускаемыхъ по „доскамъ“ лишь въ размѣрѣ не болѣе рубля и, въ противномъ случаѣ, заключаемыхъ съ записью; различаетъ обязательства, принятыя на себя „изорниками“ по доскамъ и по записямъ, которыя, въ такихъ случаяхъ, однѣ только признаются судебными доказательствами, и т. п.²⁾. Въ Московской практикѣ подобное же различіе проводилось, преимущественно, между „письмомъ“ или „памятью“ и „крѣпостью“. Уложеніе, напримѣръ, противопоставляетъ „письма“ или „памяти“—„крѣпостямъ“: говоря о холопахъ, бѣжавшихъ отъ своихъ господъ, оно отказываетъ въ искѣ, основанномъ на одной только „грамотѣ“ или на „письмѣ“, а не на кабалѣ, въ слѣдующей статьѣ:

„А которой человекъ живетъ у кого бескабально, а грамотѣ онъ умѣетъ, и учнетъ тотъ человекъ во всякихъ писмахъ писатися холопомъ того человека, у кого онъ живетъ бескабально, а послѣ того онъ у того человека жити не похочетъ, и отшедъ отъ него дастъ кому иному служилую кабалу, и тотъ человекъ крѣпокъ тому, кому онъ дастъ на себя кабалу. А будетъ тотъ у кого онъ жилъ бескабально до той кабалы учнетъ на него

¹⁾ Псковская Судная Грамота, изд. Археограф. Ком., С.-Пб. 1914, ст. 14. Ср. выраженіе „закладная доска“, тамъ же, ст. 28.

²⁾ Псковская Судная Грамота, ст. 14, 19, 30, 75, 93; ср. еще ст. 28-29; нѣкоторыя исключенія въ пользу торговыхъ оборотовъ—въ ст. 38; ср. ст. 103.

бити челомъ, и станетъ его уличать по грамоткамъ руки его, и ему отказать, потому безъ кабалы держать не вѣдно. А что онъ въ писмахъ писался холопомъ того челоуѣка, у кого онъ жилъ бескабально, и тѣхъ писемъ такимъ людямъ въ крѣпости не ставить“¹⁾.

Аналогичное же различіе Уложеніе проводитъ, главнымъ образомъ, между „памятями“ и „крѣпостями“; впрочемъ, различіе это носитъ нѣсколько случайный характеръ и обнаруживается здѣсь менѣе рельефно, чѣмъ въ Псковской Судной Грамотѣ, хотя бы въ слѣдующей статьѣ:

„А вотчинные и дворовые купчіе, и закладные и даные, и иные всякіе крѣпости въ большихъ дѣлѣхъ всякихъ чиновъ людямъ, велѣтъ на Москвѣ и въ городѣхъ писати, и въ послушѣхъ писатися, на площади площаднымъ подъячимъ. А въ селѣхъ и въ деревняхъ и по подворьямъ, такихъ крѣпостей въ большихъ дѣлѣхъ, опричь сговорныхъ свадебныхъ записей и духовныхъ и заемныхъ памятей никому не писати“²⁾.

Такое различіе отчасти проводилось не только въ законѣ, но и на практикѣ: въ гражданскомъ оборотѣ того времени можно также отмѣтить акты съ освѣдомительнымъ характеромъ, отличные отъ удостовѣрительныхъ: такой характеръ ихъ обнаруживается довольно наглядно въ нѣкоторыхъ изъ сохранившихся намъ образцовъ.

Въ одномъ изъ сборниковъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря мы встрѣчаемъ, напримѣръ, (въ списокѣ) слѣдующую „данную“, относящуюся, можетъ быть, къ XIV вѣку:

„Княж Федоровъ Бѣлозерскаго бояринъ былъ Семен

¹⁾ Уложеніе, XX, 18

²⁾ Уложеніе, X, 250. Уложеніе упоминаетъ также о другихъ крѣпостяхъ, напримѣръ, о духовныхъ и о крѣпостяхъ на холоповъ; оно говоритъ и о записяхъ: сговорныхъ и ричныхъ, жилыхъ и порядныхъ, поступныхъ и заемныхъ, поручныхъ и третейскихъ, а также мировыхъ, которыми мировая сдѣлка „укрѣпляется“; см. Уложеніе, XV, 1 и 2; XX, 21, 32 и 61. Въ дѣловой практикѣ того времени одинъ и тотъ же актъ назывался иногда и „памятью“ и „записью“— см. А. Ю. Б., т. I, № 112, III. Ср. еще „Сотницы, грамоты и записи“ С. Шумакова, М. 1904 г., в. III, сс. 114—116.

Баба в Чюровскихъ а тѣ пожни были того боярина Семена и у того Семена женился Иванъ Есипль с-Брдомы и тѣ пожни далъ в приданыхъ и на того Ивана ударила бѣда и тот Иванъ тѣ пожни продалъ попу Савѣ Ирдомскому и у того попа отрода не было и его попад(ь)я Настас(ь)я велѣла тѣ пожни дати в Кирилов монастырь по своихъ душахъ“¹⁾.

Аналогичнымъ, хотя и нѣсколько болѣе опредѣленнымъ характеромъ отличается купчая Ивана Евсевіева, писанная до 1427 года, слѣдующаго содержанія:

„Се яз Кирило игуменъ купилъ есмь у Иванъ у Евсѣвиева сна въ домъ Прчстыи Бци и чстнаго Ея успенія и своей брата и кто будетъ по мнѣ игуменъ землю Захарыинскую со всѣми оучастки, что потянуло къ той земли, и с пожняи и куды топоръ ходилъ и куды коса ходила, и с наволокомъ с Зоринскимъ, что на Порозобицѣ на рѣки“²⁾.

Нѣсколько болѣе развитымъ представляется намъ актъ объ отдачѣ Иваномъ Лихаревымъ Николаевскому Корельскому монастырю части сугреба разсолу въ варницѣ на Великихъ мѣстахъ; приведемъ его полностью:

„Лѣта 7000 шестьдесятъ шестаго по духовной грамоте после своего живота Иванъ Есиповъ сынъ Лихарева по души по своей подписалъ в монастырь в Корельское к Николе чудотворцю в домъ на Великихъ мѣстѣхъ въ Григорьевской варницы Кологривова по Иванову письму Заболоцкаго с товарищы росолу четверть другонатцатаго сугреба; а в сябрѣхъ та четверть с Терентиемъ да с Семеномъ з Григорьевыми дѣтьми Кологривова и зс Куриломъ с Орломъ и с Туоаемъ с-Ивановыми дѣтьми Дороеѣва. А тѣмъ росоломъ владѣти строителю Курьяку з братиею по духов-

¹⁾ Сборн. актовъ Кирилло - Бѣлозерскаго монастыря, рукоп С.-Пб. Духовной Академіи А¹/₁₆ л. 313. Изъ Бѣлозерскихъ книгъ съ именемъ Ѳедора извѣстны: Ѳедоръ Михайловичъ (1293—1314 г.г.) и Ѳедоръ Романовичъ (1375—1380 г.г.).

²⁾ Д. Мейчикъ, Грамоты XIV и XV в.в. Моск. Арх. Мян. Юст., М. 1883, с. 120.

ной по Иванову. А поминати имъ Ивана да Осифа, да Дарию скимницу да Ивана“ ¹⁾).

Акты подобного рода, какъ видно, имѣютъ скорѣе освѣдомительный характеръ: во всякомъ случаѣ они могутъ быть лишены удостовѣрительной части. Дѣйствительно, большинство частныхъ „памятей“ обыкновенно писалось безъ послуховъ. Съ такой точки зрѣнія любопытны два акта, составленные однимъ и тѣмъ же лицомъ, вологжанномъ Петромъ Александровымъ, и касающіеся одного и того же предмета, а именно, выкупа его изъ неволи, 1664 г.: одинъ изъ нихъ названъ „памятью“ и не содержитъ никакихъ указаній на послуховъ; другой именуется „записью“ и засвидѣтельствованъ двумя послухами ²⁾. Встрѣчаются и такіе „памяти“, въ которыхъ нѣтъ указаній ни на писца, ни на дату, напримѣръ, „память“ Меньшого Иванова сына Лихарева объ отказѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь его „сестрой“ Евфимьей Андреевой дочерью Лихарева ея деревни Алашмана и пустоши Михайловской, относящаяся, судя по косвеннымъ даннымъ, приблизительно къ срединѣ XVI вѣка. Форма памяти слѣдующая: „Память Меньшому... Приказала ему сестра... отказать въ домъ... деревню... да пустошь... А пожаловати имъ написати въ сенаникъ“ такихъ-то лицъ. На оборотѣ подпись Меньшого Иванова сына Лихарева ³⁾.

Аналогичное значеніе, вѣроятно, имѣли тѣ „памяти“, которыя, въ сущности, должны были напоминать о другихъ удостовѣренныхъ актахъ. По случаю женитьбы на Настасьѣ Ѳедоровнѣ Плещеевой князь Иванъ Васильевичъ Оболенскій заключилъ, напримѣръ, съ ея матерью Акинсѣей Ѳедоровной рядную, въ 1514 (7022) году, и „взялъ ее къ себѣ“; въ совершеніи сдѣлки былъ, однако, заинтересованъ еще какой-то „Дмитрей“; князь Иванъ Васильевичъ велѣлъ написать „память съ рядные“ „человѣку“ Ивана Григорьевича Собакина

¹⁾ Сб. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 155.

²⁾ Извѣстія С.-Пб. Археологическаго Общества, т. IV (1863 г.), ст. 372. С. Шумаковъ, Обзоръ, в. IV, с. 1.

³⁾ С. Шумаковъ, Обзоръ, в. II, с. 5.

„Слѣпоу“ и далъ „память съ рядные“ Дмитрею, присовокупивъ: „а какъ будетъ надобна [подлинная рядная?], и мнѣ ее дати Дмитрею“ ¹⁾. Впрочемъ, частныя памяти играли иногда роль предварительныхъ или дополнительныхъ актовъ. Въ видѣ примѣра приведемъ хотя бы „память“ властей Клоновскаго монастыря въ полученіи ими части вклада Петра Отуфьева, 1618 года марта 13 дня, слѣдующаго содержанія:

„Память Клоновскаго монастыря священнику Митрофану... [дальше перечисленіе остальныхъ монастырскихъ властей] и всей братіи Клоновскаго монастыря. Положилъ вкладомъ Пречистые Богородицы Похвалы да Николы Чюдотворцу (sic) въ Клоновской монастырь Петръ Отуфьевъ сынъ Шенкурского стану Поцкіе волости сѣдло да кафтанъ за пол-третья рубли, да денегъ пол-четверта рубли, а достали донести четыре рубли. А какъ тотъ Петръ донесетъ досталь, и намъ ему дати вкладная, а память у него вынати. Въ томъ ему и память дали. А память писалъ монастырской дьячекъ Семейка Онисимовъ лѣта 7126 марта въ 13 день“.

На оборотѣ той же памяти значится:

„Къ сей памяти черной попъ Митрофанъ и въ дѣтей своихъ духовныхъ мѣсто и въ братіи всей руку приложилъ“ ²⁾.

Память о вкладѣ здѣсь, какъ видно, противопоставляется въ качествѣ предварительнаго акта (снабженнаго уже, впрочемъ, подписью самого вкладоприпимателя) вкладной, которая должна была имѣть значеніе окончательнаго удостовѣрительнаго акта.

Возьмемъ другой примѣръ, указывающій, можетъ быть, на дополнительную роль, какую могла играть память. Въ

¹⁾ Акты М. Дьяконова, в. II, № 2. Ср. еще „память з духовные грамоты“ князя Михаила Васильевича Горбатого; духовная была явлена митрополиту Даниилу въ 7043 году іюля 17; „память з духовные“ помѣчена 7044 годомъ; см. Владимірскаго Сборника К. Тихонова, сс. 128—130.

²⁾ Р. И. Б., т. XIV, ст. 323 — 324. Г. Шумаковъ указываетъ еще на то, что первоначальный набросокъ „записи“ назывался иногда памятью; см. С. Шумаковъ, Мѣта, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1906 г., ноябрь, с. 126.

одномъ изъ актовъ Гледенскаго монастыря, вѣроятно, 1630-хъ годовъ, мы читаемъ:

„Се язъ Торопъ да Артемей порядилися есмь у Троицкихъ старцовъ на Вотложмѣ въ Заболоцкую деревню на ихъ треть, а порука по Торопѣ да по Артемѣ Микифоръ Наумовъ сынъ Тарасовыхъ да Калина Алексѣевъ сынъ кузнецъ, крестьяня Вотложемскіе волости. А послухи велили ся писать: Архипъ Доментьевъ сынъ серебряникъ да Василей Митрофановъ сынъ Щеткинъ. Сію паметцу писалъ Суря Огаѣоновъ Мокрецевъ“.

Одинъ изъ новѣйшихъ извѣстныхъ ученыхъ называетъ вышеприведенный актъ порядной, причемъ самъ отмѣчаетъ „поразительную ея краткость“ и добавляетъ: „очевидно, что такая запись могла подтвердить лишь наличность договора о поселеніи, самыя условія котораго опредѣлялись словесно, согласно мѣстнымъ условіямъ“. Самъ актъ называетъ себя, однако, „паметцой“, а не порядной записью, что и объясняетъ, по крайней мѣрѣ отчасти, ея отличие отъ порядной записи, имѣвшей силу крѣпости¹⁾.

Можно указать и на такія „памяти“, которыя имѣли значеніе домашнихъ актовъ и, напримѣръ, называли себя „отписями“, т. е. росписками, что видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго акта:

„Память мнѣ, Ивану Петрову сыну Неклюдову. Взялъ я, Иванъ, у Михайловыхъ крестьянъ Соловцова съ трехъ дымовъ, да у Исаевыхъ крестьянъ Неклюдова съ четырехъ дымовъ, да у Даниловыхъ крестьянъ Неклюдова съ дву дымовъ, государевъ запасъ рожь и сухарей, нынѣшняго 172 году, по два четверика съ дыму, и отвести мнѣ Ивану тотъ государевъ запасъ въ Вязьму и отдать въ государеву казну. Да я жъ, Иванъ, взялъ и своихъ крестьянъ Государевъ запасъ съ трехъ

¹⁾ Р. И. Б., т. XIV, ст. 948 — 955. М. Дьяконовъ, Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси, изд. 4-ое, с. 317. „Паметца“ могла быть присоединена къ порядной 1634 года по случаю перевода всего поряда на Торопа Ворачева, въ 1639 году.

дымовъ, и мнѣ Ивану тотъ весь запасъ отдать въ государеву казну въ Вязьмѣ и убытку никакого не довести. А взялъ я тотъ запасъ съ деревни Лущпомры; въ томъ я, Иванъ, и отписъ далъ. А отписъ писалъ Михайловъ человекъ Васильевича Симонова Якушко Михайловъ“¹⁾.

Акты съ освѣдомительнымъ характеромъ, извѣстные подъ наименованіемъ „памятей“, отличались, какъ видно, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной степени, отъ актовъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ, въ особенности тѣхъ, которые назывались „указами“ и „крѣпостями“. Примѣромъ удостовѣрительнаго акта можетъ служить любая великокняжеская или частная грамота, надлежащимъ образомъ удостовѣренная: древнѣйшая изъ сохранившихся въ подлинникѣ пергамина грамота великаго князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславовича Юрьеву монастырю, 1130 года; купчая Аптонія Римлянина, писанная въ 1147 году, но извѣстная лишь въ спискѣ, свидѣтельствованномъ царемъ Иваномъ Грознымъ 15 августа 1573 года, и подобные имъ акты можно признать удостовѣрительными. Само собой разумѣется, что тѣ акты, которымъ придавали наибольшее значеніе преимущественно и получали удостовѣрительный характеръ, напримѣръ: государевы указы и боярскіе приговоры, вносимые въ особыя „указныя книги“; уставныя и жалованныя, тарханныя и несудимыя, правыя грамоты и т. п.²⁾; крѣпости, укрѣплявшія разныя сдѣлки, въ особенности на „людей“ и недвижимыя имущества, какъ-то: полныя и слу-

¹⁾ Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа Казанскаго дворца, Каз. 1882 г., т. I, с. 241. Ср. А. Ю. Б., т. II, № 230, II.

²⁾ А. И., т. I, № 154, ст. 3 (1555 г.) и др. Подлинныя государевы указы выѣстъ съ подлинными памятями, по крайней мѣрѣ судя по практикѣ Помѣстнаго Приказа, вклеивались въ „столпы“; см. Указн. кн. Помѣстн. Прик., изд. В. Сторожевымъ, въ: Опис. докум. и бум. Моск. Арх. Мпп. Юст., кн. VI, с. 135. Терминъ „указная книга“ см., напримѣръ, въ А. И., т. III, № 232 и въ А. Г. Р. т. II, с. 606. Въ древне-русскомъ языкѣ слово „указъ“ употреблялось иногда въ смыслѣ „доказательство“; въ Изборникѣ, по рукописи XIII вѣка, напримѣръ, мы читаемъ: „краючеся ножи до крове и исплняютъ капища кровью, мѹужства оуказы стварающе“, см. И. Срезневскій, Матеріалы, т. I, ст. 1177.

жилия кабалы, купчая и закладныя, данныя и духовныя и т. п. ¹⁾). Удостоверительныя акты противопоставлялись освѣдомительнымъ, напримѣръ, указы—памятямъ, а также „крѣпости“ — „письмамъ“, на что уже было обращено вниманіе выше ²⁾); апалогичное противопоставленіе между тѣми крѣпостями или записями, которыя удостовѣрены органами правительственной власти, и тѣми, которыя вопреки государевымъ указамъ, остались не засвидѣтельствованными, дѣлается въ Уложеніи. Здѣсь мы читаемъ, напримѣръ:

„А кто новокрещена приметъ къ себѣ въ службу и крѣпость на него возьметъ, а въ приказѣ той крѣпости не запишетъ, а после того тотъ новокрещенъ отъ него збежитъ, и онъ по той незаписной крѣпости учнетъ на немъ искать сносу: и тѣмъ крѣпостямъ не вѣрити, и въ сносѣ на тѣхъ новокрещеновъ суда никому не давати, потому что та крѣпость взята не по государеву указу“; или: „а которые всякихъ чиновъ люди владѣютъ помѣстьи по здаточнымъ записямъ, а государю они о тѣхъ помѣстьяхъ не били челомъ, и въ Помѣстномъ приказѣ тѣ помѣстья за ними не справлены, и тѣ у нихъ помѣстья отнимати и отдавати въ роздачу челобитчикомъ, потому что они тѣми помѣстьи владѣютъ по здаточнымъ записямъ безъ государева указа“ ³⁾).

Вообще, въ качествѣ удостовѣрительнаго акта, крѣпость призывалась вполне достаточнымъ судебнымъ доказательствомъ, что и было формулировано Уложеніемъ въ слѣдующей статьѣ:

„А будетъ кто кому давъ на себя какую крѣпость нибудь, и учнетъ ту крѣпость на судѣ лживить, а та крѣпость за его рукою, и писана та крѣпость на площади, и въ послушѣхъ въ той крѣпости написаны площадные подъячіе, а до суда на ту крѣпость челобитья

¹⁾ П. С. З., т. II, № 1074; т. IV, № 1833 и др.

²⁾ См. выше, с. 21.

³⁾ Уложеніе, XVI, 12; XX, 38. Объ отношеніи такого дѣленія частныхъ актовъ къ различнымъ способамъ ихъ укрѣпленія см. ниже отд. III, гл. I.

его и явокъ не бываю, и такимъ отвѣтчикомъ не вѣрити, и велѣти на нихъ по такимъ крѣпостямъ исцовы иски править и отдавать исцомъ“ ¹⁾).

Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что различіе, проводимое между актами съ освѣдомительнымъ и актами съ удостовѣрительнымъ характеромъ, по крайней мѣрѣ примѣнительно къ отдѣльнымъ случаямъ, все же оставалось довольно слабо развитымъ и слишкомъ мало отразилось въ терминологіи: терминъ „память“, напримѣръ, покрывалъ собою акты разнороднаго значенія. Воеводскія наказныя и приставныя памяти назывались иногда наказами и снабжались воеводскими печатами и т. п. ²⁾); памяти XVI—XVII в.в. также засвидѣтельствованы приложеніемъ печатей или рукоприкладствомъ послуховъ и т. п.; встрѣчаются указанія и на доказательную силу актовъ, именуемыхъ „памятями“: „полюбовная память“ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и крестьянъ Козмодемьянской волости о размежеваніи земель, 1657 года, напримѣръ, была положена въ монастырскую „крѣпостную казну“ „впредь для спору“: въ случаѣ такой споръ о „земляномъ дѣлѣ“ возникнетъ, его надлежитъ „вершить по той памяти“ ³⁾). Естественно, что при такихъ условіяхъ частныя памяти даже назывались иногда крѣпостями; такъ, напримѣръ, крестьянинъ Ѳаддей Достоваловыхъ, по „памяти“ отлавая въ 1683 году Михаило-Архангельскому монастырю, за свой заемный кабальный долгъ, память на Дмитрія Малкова на его пожню, по которой онъ, Ѳаддей Достоваловыхъ,

¹⁾ Уложеніе, X, 253. Въмѣстѣ съ тѣмъ Уложеніе различаетъ гражданскіе иски, имѣющіе крѣпостное основаніе, отъ тѣхъ, которые такового не имѣютъ; см., напримѣръ, Уложеніе, XVIII, 34 и 36. Ср. К. Кавелинъ, Сочиненія, С.-Пб. 1900 г., т. IV, ст. 310—312. С. Пазманъ, О судебныхъ доказательствахъ, М. 1851 г., сс. 201—208.

²⁾ Акты А. Юшкова, № 250; Уложеніе, XVIII, 46.

³⁾ Сборн. Кирилло-Бѣлозерскаго мон. въ С.-Пб. Дух. Акад., № А ^{1/17}, лл. 367 об.—368 об. Акты Велико-Устюжскаго Михаило-Архангельскаго монастыря. изд. В. Шляпникова, Великій Устюгъ 1912 г., ч. I, №№ 18, 33, 35, 62, 171, 177. Впрочемъ, такіе случаи указываютъ лишь на то, что частныя памяти могли быть засвидѣтельствованы, а не на то, что онѣ, въ качествѣ таковыхъ, должны были быть удостовѣрены.

владѣлъ ею и, предоставляя монастырю на томъ же основаніи впредь владѣть ею вѣчно или продать, промѣнять и заложить ее безпечно, присовокупилъ: „да и свою письменную крѣпость, почему тою пожнею я, Оаддей, владѣлъ, съ сею памятью отдалъ я къ нимъ же въ Архангельскій монастырь впредь для справки“¹⁾).

§ 3. Акты публичные и частные.

Нѣкоторое различіе между актами по степени ихъ правового значенія: освѣдомительнаго или удостовѣрительнаго, какъ видно, сознавалось примѣнительно къ разнымъ ихъ видамъ: и къ публичнымъ, и, въ особенности, къ частнымъ актамъ.

Такое дѣленіе, разумѣется, болѣе замѣтное относительно удостовѣрительныхъ, чѣмъ освѣдомительныхъ актовъ, находится, прежде всего, въ зависимости отъ той границы, которая проводится между публичнымъ и частнымъ правомъ. Въ виду того, что въ нижеслѣдующемъ изложеніи намъ придется имѣть дѣло преимущественно съ частными, а не съ публичными актами, намъ нельзя не коснуться здѣсь этой проблемы, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, для того, чтобы имѣть возможность изъ общей совокупности актовъ, публичныхъ и частныхъ, выдѣлить послѣдніе и сдѣлать ихъ предметомъ спеціальнаго нашего изученія. Проблему подобнаго рода можно ставить съ двойкой точки зрѣнія: догматической и исторической; недостаточно указать на общій критерій ихъ различенія; необходимо выяснитъ, въ какой мѣрѣ онъ, въ той или иной формѣ, дѣйствительно примѣнялся въ старинномъ рускомъ правѣ и видоизмѣнялся по мѣрѣ его развитія.

До сихъ поръ основной критерій, какого придерживаются при разграниченіи права публичнаго отъ частнаго, остается, однако, довольно спорнымъ. Не останавливаясь здѣсь на раз-

¹⁾ Акты Велико-Устюжскаго Михаило-Архангельскаго монастыря, изд. В. Шалыгинъ, ч. I, № 174.

смотрѣніи той разнообразной постановки, какой данная проблема подвергалась въ теченіе почти двухъ тысячелѣтій, достаточно замѣтитъ, что она должна ставиться согласно съ нормативнымъ пониманіемъ права и указать на различіе тѣхъ „заданій“, какія, въ сущности, соотвѣтственно и преимущественно характеризуютъ каждую изъ указанныхъ отраслей права, дѣйствующаго въ предѣлахъ данной цѣлокупности. Задача публичнаго права состоитъ въ томъ, чтобы установить тѣ нормы, которыя регулируютъ, въ виду общаго блага единаго общественнаго цѣлаго, отношенія между общей волей и волей „всѣхъ и каждаго“ изъ его членовъ; задача частнаго права состоитъ въ томъ, чтобы установить, не нарушая такого условія, тѣ нормы, которыя регулируютъ, въ виду частной выгоды принадлежащихъ къ нему отдѣльныхъ лицъ, отношенія ихъ волеизъявленій другъ къ другу. Въ связи съ указаннымъ различіемъ между публично-правовыми и частно-правовыми нормами находится и различіе въ ихъ реализаціи: норма публичнаго права осуществляется въ порядкѣ общаго требованія, норма же частнаго права—въ порядкѣ частнаго произволенія, выражаемыхъ въ соотвѣтственныхъ дѣйствіяхъ¹⁾).

Нормативное разграниченіе основныхъ областей права часто смѣшивается съ различіемъ ихъ по ихъ содержанію или по другому болѣе или менѣе общему производному признаку, въ особенности по способу судебной защиты. Въ самомъ дѣлѣ, представители современнаго правовѣдѣнія указываютъ, напримѣръ, на то, что цѣлью публичнаго права оказывается цѣлое или его „интересы“, а цѣлью частнаго права — отдѣльный человекъ или его „интересы“; что публичное право обнимаетъ отношенія людей, какъ членовъ одного общественнаго организма, а частное право отношенія ихъ, какъ самостоятельныхъ индивидуумовъ; что публично-правовыя отноше-

¹⁾ Предлагаемое теоретическое разграниченіе не исключаетъ, конечно, возможности смѣшенія указанныхъ признаковъ на практикѣ: въ договорѣ казна съ подрядчикомъ, напримѣръ, хотя бы казна и имѣла въ виду „общее благо“, подрядчикъ дѣйствуетъ въ виду своей выгоды, не говоря о томъ, что оба они находятся въ отношеніи контрагентовъ другъ къ другу, и т. п.

нія отличаются субординаціей или централизацией и связанной съ нею общеобязательностью публично-правовыхъ нормъ, а частно-правовыя отношенія координаціей или децентрализацией и связанной съ ней факультативностью частно-правовыхъ нормъ; что содержаніемъ публично-правовыхъ нормъ служатъ отношенія верховной власти къ подданнымъ, къ подчиненнымъ органамъ управленія и т. п., а содержаніемъ частно-правовыхъ нормъ отношенія личныя и имущественныя; что публично-правовыя нормы ограждаются по инициативѣ власти въ порядкѣ уголовного или административнаго судопроизводства, а частно-правовыя нормы—по инициативѣ частнаго лица въ порядкѣ гражданского судопроизводства ¹⁾).

¹⁾ *A. Thon, Rechtsnorm und subjectives Recht, Weimar 1878, SS. 108—120.* Краткое обозрѣніе главѣйшихъ попытокъ разграниченія публичнаго права отъ частнаго см. также въ сочиненіяхъ *И. Коркунова, Лекціи по общей теоріи права, изд. 9, СПб. 1914 г., сс. 167—180,* а также *Л. Петражицкаго, Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности, изд. 2, СПб. 1910 г., т. II, сс. 647—687, 712—726,* и *Ф. Тараповскаго, Учебникъ энциклопедіи права, Юрьевъ 1917 г., сс. 223—239.* Несмотря на то, что со времени древне-римскихъ юристовъ протекло много столѣтій, понятіе о правѣ и о главѣйшихъ его разновидностяхъ все еще нельзя признать окончательно установленнымъ. Высказанное Ульциаломъ различіе между публичнымъ и частнымъ правомъ, смотря по тому, чью пользу оно имѣетъ въ виду — пользу ли всего государства или отдѣльныхъ лицъ, въ настоящее время уже нельзя считать общепризнаннымъ. Впрочемъ, романисты продолжаютъ исходить изъ различенія „интереса совокупности“ отъ „интереса отдѣльныхъ лицъ“; см., напримѣръ, *H. Dernburg, Pandekten, 4 Aufl., Berl. 1894, Bd. I, §§ 46—48.* Германисты указываютъ на различіе отношеній между людьми—носителями воли, какъ социальными существами, ирречемъ соответственно отмѣчаютъ субординацію и координацію такихъ отношеній и полагаютъ, что публичное право есть всякое право, которое касается государства, какъ цѣлаго или его членовъ, а частное право есть всякое „индивидуальное право“ и, сверхъ того, то „соціальное право“, которое не включено какимъ-либо государственно-правовымъ актомъ (Satz) въ публичное; см. *O. Gierke, Deutsches Privatrecht, Lpz. 1895, Bd. I, SS. 28—29.* Въ своемъ извѣстномъ ученіи о правѣ, какъ интересѣ, пользующемся правовою защитой, Иерингъ различалъ публичное право отъ частнаго не только по „интересу“, но и по способу его судебной защиты, производимой по инициативѣ органовъ государственной власти или частныхъ лицъ: съ такой точки зрѣнія „искъ становится критеріемъ частнаго права“; см. *R. Ihering, Geist des römischen Rechts, 2 Aufl., Lpz. 1871, Bd. III, SS. 338—340.* Тонъ обосновалъ и подробно развилъ теорію Иеринга, причемъ особенно выдвинулъ различіе между публичнымъ и частнымъ правомъ по способу ихъ судебной защиты; см. *A. Thon, Op. cit., SS. 120—146;* построеніе нашло под-

Старинное русское право было, конечно, еще далеко отъ такихъ тонкихъ теоретическихъ построеній, но и въ немъ смутно сознавались нѣкоторые изъ вышеуказанныхъ критеріевъ, въ особенности тѣ, которые получали ваглядное практическое приложеніе.

Въ наиболѣе развитомъ изъ старѣйшихъ памятниковъ нашего законодательства — Псковской Судной Грамотѣ, напримѣръ, право связывалось съ нормативными понятіями „правды“ или „добра“:

„А князю и посаднику, чигаемъ мы здѣсь, судити...
взирая въ правду, по крестному цѣлованію; а не въ
судитъ въ правду, Богъ буди имъ судія на второмъ
пришествіи Христовѣ“.

джку со стороны *И. Дювернуа, Изъ курса лекцій по русскому гражданскому праву, СПб. 1895 г., введение, сс. 33—57.* Признакъ субординаціи и координаціи или централизаци и децентрализаци юридическихъ отношеній, одновременно съ Гирке, но съ болѣею систематичностью былъ разработанъ въ сочиненіи *L. von Petrazzky, Die Lehre vom Einkommen, Berl. 1895, Bd. II, SS. 469 ff.* *Л. Петражицкій, Теорія права и государства и проч., т. II, сс. 688—712, 727—745;* авторъ исходитъ изъ разсмотрѣнія „психическаго дѣйствія права“ и, въ сущности, различаетъ двѣ системы правового регулированія человѣческаго поведенія: централизованную и децентрализованную, путемъ соответствующихъ его „мотиваций“; вмѣстѣ съ тѣмъ „по различію объектныхъ представленій“ (объ „общемъ благѣ“ и о „своемъ благѣ“ и т. п.) онъ дѣлаетъ „подлежащіе правовыя явленія, мнѣнія, убѣжденія и подлежащіе проекціи: нормы власти, права власти и т. д. на социальное-служебныя или публично-правовыя и свободныя (отъ подлежащаго служенія) или частно-правовыя“. Обозрѣніе другихъ положеній, соответственно характеризующихъ каждую изъ различаемыхъ областей права, см. тамъ же, сс. 741—744. Ученіе *Л. Петражицкаго* объ основномъ принципѣ дѣленія права было сочувственно встрѣчено *И. Покровскимъ* въ сочиненіи: Основныя проблемы гражданского права, s. d., сс. 9—19 и т. д. Кромѣ вышеуказанныхъ главѣйшихъ направленій, признакъ разграниченія частнаго права отъ публичнаго по субъектамъ юридическихъ отношеній, являющихся ихъ цѣлью, былъ развитъ Иерингомъ; см. *R. von Ihering, Das Zweck im Recht, 2 Aufl., Lpz. 1884, Bd. I, S. 464.* Подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Иеринга, Дюпъ пытается различать тѣ же сферы по способамъ правовой санкціи, которая прямо не примѣнима къ государству и получаетъ такое приложеніе къ отношеніямъ между частными лицами; см. *L. Duguit, Traité de droit constitutionnel, Par. 1911, t. I, pp. 61—66.* Различіе публичнаго права отъ частнаго, въ сущности, по содержанію было предложено уже *Д. Аустиномъ*; см. *J. Austin, Lectures on jurisprudence, 4 ed., Lond. 1873, v. II, pp. 770—787.*

„А которому княжому человѣку ѣхать на пригородъ намѣстникомъ, ино цѣловати ему на томъ крестѣ, что ему хотѣти Пскову добра, а судить прямо, по крестному цѣлованію. . . ¹⁾).

Уложение царя Алексѣя Михайловича также было составлено, по собственному его заявленію, для того, „чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и росправа была во всѣхъ дѣлѣхъ всѣмъ ровна“. Противоположеніе между государственнымъ и частнымъ интересомъ довольно ясно выражено въ Уложеніи примѣнительно къ частнымъ случаямъ; здѣсь „государевы дѣла“ противопоставляются тѣмъ, которыя совершаются „безъ указу“, „для собственнаго пожитка“, напримѣръ, въ слѣдующихъ статьяхъ:

„А бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ сидѣти въ полатѣ и по государеву указу государевы всякія дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ“.

„А кто мыть или перевозъ или мостовщину заведетъ вновь для своего пожитку своимъ вымысломъ безъ указу, и у него то все взяти на государя“ ²⁾).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Уложение въ известной мѣрѣ различаетъ такія сферы правоотношеній по способу ихъ судебной защиты: хотя оно вообще не отдѣляетъ отъ уголовныхъ дѣлъ тѣ гражданскіе иски, которые были связаны съ ними, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ предоставляет потерпѣвшему вчинять гражданскій искъ, возникшій вслѣдствіе преступленія, самостоятельно и требовать суда; во всякомъ случаѣ оно рѣзко отличаетъ гражданскіе иски, рѣшаемые вмѣстѣ съ уголовными дѣлами, отъ обыкновенныхъ гражданскихъ исковъ и признаетъ также нѣкоторое различіе между уголовнымъ и гражданскимъ судопроизводствомъ: съ такой точки зрѣнія Уложение противопоставляетъ, напримѣръ, дѣла по важнѣйшимъ уголовнымъ преступленіямъ, которыя, по инициативѣ органовъ правительственной власти и „извѣту“, подлежали

¹⁾ Псковская Судная Грамота, ст. 4, 5; ср. ст. 77.

²⁾ Уложение, Предисл.; IX, 10; X, 2 и др.

сыску, — дѣламъ „челобитчиковымъ“, которыя начинались по жалобамъ частныхъ лицъ и, въ противоположность „сыскнымъ дѣламъ“, могли оканчиваться примиреніемъ сторонъ ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ изъ статей Уложенія такое различіе принимается во вниманіе:

„А будетъ кто Царскаго Величества недругу городъ здасть измѣною, или кто Царскаго Величества въ городѣ приметъ изъ иныхъ государствъ зарубежныхъ людей для измѣны же, а сыщется про то допрямъ, и такихъ измѣнниковъ казнить смертію же“.

„А будетъ изъ котораго нибудь приказу доведется по чьему челобитію послати по ково пристава въ исцовъ иску съ наказною памятю, и тѣ наказные памяти печатати государевою печатію, а печатныхъ пошлпвъ съ тѣхъ наказныхъ памятей имати по государеву указу, а безъ государевы печати наказовъ пи въ какихъ челобитчиковыхъ дѣлахъ не отпущати“ ²⁾).

Такое разграниченіе между „дѣлами государевыми“, т. е. преимущественно государственнымъ, и „дѣлами челобитчиковыми“, т. е. преимущественно частнымъ, стало примѣняться и на практикѣ, напримѣръ, при составленіи описей провиціальныхъ архивовъ, съѣзжихъ или приказныхъ избъ и т. п., въ особенности къ концу XVII вѣка: подъ „дѣлами государевыми“ разумѣли, обыкновенно, дѣла административныя, ратаи, финансовыя и проч.; къ „дѣламъ челобитчиковымъ“ относили „дѣла судныя“ и вообще „всякія челобитчиковы дѣла“, затрагивавшія прежде всего частные интересы отдѣльныхъ лицъ и только косвенно касавшіяся пользы и нужды государства. Такое дѣленіе далеко еще, впрочемъ, не про-

¹⁾ Уложение, XXI, 23—25. *К. Кавелинъ*, Сочиненія, т. IV, ст. 247—249, 266, 269, 271, 273, 275 и др.; о случаяхъ, когда дѣла уголовныя судились судомъ гражданскимъ, а гражданскія дѣла — уголовнымъ, см. тамъ же, ст. 269—271. *Н. Ланге*, Древнее русское уголовное судопроизводство, СПб. 1884 г., сс. 117—119, 134—135, 175—176. Ср. еще *В. Липовскій*, Изслѣдованіе началъ уголовного права, изложенныхъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, Одесса 1847, сс. 3, 115, 120, 122 и др.

²⁾ Уложение, II, 3; XVIII, 46.

водило систематическаго различія между актами публичными и частными, ибо къ „дѣламъ государевымъ“ причислялись и хозяйственные, а къ „дѣламъ челобитчиковымъ“—и уголовныя; тѣмъ не менѣе оно уже замѣтно, напримѣръ, въ описяхъ дѣлъ Новгородской приказной палаты 1669 — 1670 (7177 — 7178) г.г., Чердынской приказной избы 1672 (7180) г., Новоторжской приказной избы 1700 г. и т. п. ¹⁾.

Въ эпоху преобразованій такія понятія получили нѣкоторое теоретическое обоснованіе, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ западно-европейскихъ учевій, и стали яснѣе обнаруживаться на практикѣ.

Генеральный Регламентъ Петра Великаго уже различаетъ термины „публичный“ и „приватный“, причемъ, предлагая ихъ толкованіе, переводитъ терминъ „публичный“ словомъ „всенародный“, а терминъ „приватный“—словомъ „частный“. Въмѣстѣ съ тѣмъ, Генеральный Регламентъ и другіе законодательные акты того времени уже начинаютъ противопоставлять публичное право, имѣющее въ виду „интересъ“ или „прибытокъ и пользу“ государства, и частное право, имѣющее въ виду „интересъ“ или „прибытокъ и пользу“ частнаго лица; изображеніе судебного процесса ссылается даже на „естественный законъ“, согласно которому каждый имѣетъ право на самосохраненіе и на самозащиту отъ посягательствъ стороннихъ лицъ, хотя и не развиваетъ такого принципа въ его приложеніи къ понятію о собственности ²⁾.

¹⁾ Н. Оглоблинъ, Провинціальныя архивы въ XVII вѣкѣ, въ Сборникѣ, изд. И. Зубарева, т. I, ч. I, сс. 175 — 185.

²⁾ П. С. З., т. VI, № 3534; ср. А. Лапто-Данилевскій, Идея государства и главнѣйшіе моменты ея развитія въ Россіи со времени Смуты и до эпохи преобразованій, въ журналѣ „Голосъ Минушаго“ 1913 г., декабрь; отд. отт., сс. 25 и слѣд. Схоластическое ученіе о „коммутативной справедливости“, регулирующей частныя отношенія людей другъ къ другу, и о „детальной и вѣдывативной“ справедливости, которая лежитъ въ основѣ взаимныхъ отношеній между государемъ и подданнымъ, уже излагалось въ Кіевской Академіи въ концѣ XVII вѣка, вѣроятно, Стефаномъ Яворскимъ; но оно не имѣло широкаго распространенія, тѣмъ болѣе, что указанное въ текстѣ различеніе получило широкое признаніе; ср. тамъ же, сс. 11 — 13.

Еще яснѣе указы того времени различаютъ сферу публичнаго права отъ сферы частнаго права по производному и прикладному признаку,—а именно, по способу судебной защиты: указъ о должности фискала, напримѣръ, проводитъ различіе между „дѣлами народными“, по коимъ пѣтъ челобитчиковъ, и „дѣлами челобитчиковыми“; Уставъ Воинскій 1716 года и указъ о „формѣ суда“ 1723 года соответственно устанавливають разные порядки судопроизводства — уголовный и гражданскій—для рѣшенія такихъ дѣлъ ¹⁾.

Межевыя инструкціи императрицы Елизаветы Петровны и императрицы Екатерины II еще болѣе сознательно устанавливаютъ различеніе интересовъ публичныхъ отъ частныхъ, которое съ прошлаго вѣка окончательнo утверждается, хотя далеко не одинаково и все еще довольно поверхностно проводится и русскими юристами и русскимъ законодательствомъ.

Насколько плохо еще разбирались въ то время въ такихъ понятіяхъ, можно судить по руководству извѣстнаго „законоискусника“ Горюшкина, написанному подъ вліяніемъ ближайшаго его знакомства съ исторіей и догмой русскаго права, проводя извѣстную границу между правомъ божественнымъ и человѣческимъ, онъ дѣлилъ послѣднее на естественное и „общественное“, причемъ въ составѣ его различалъ, сообразно съ довольно случайно установленными видами человѣческихъ обществъ (домашнимъ, сосѣдскимъ и т. д.), нѣсколько видовъ правъ, въ томъ числѣ и „государственное“; но подъ „государственнымъ“ правомъ онъ разумѣлъ и право „общее“, т. е. собственно государственное, обнимающее ученіе о государственномъ устройствѣ и государственномъ управленіи, и право особенное или гражданское, т. е. личное и имущественное; притомъ, размѣщая чуть ли не всѣ институты гражданскаго права въ домашнемъ, сосѣдскомъ, сельскомъ, уѣздномъ и

¹⁾ П. С. З., т. V, № 2786, п. 3 п 3006; т. VII, № 4344. Ср. И. Дювернуа, *Op. cit.*, с. 53. Позднѣе такіа дѣла называли „гражданскими“; см. Ф. Лангансъ, *Словарь Юридической*, М. 1788, с. 29.

губернскомъ правѣ, онъ, въ сущности, ничего не оставлялъ на долю особеннаго или гражданскаго права ¹⁾).

Тѣмъ не менѣе уже Десницкій, одинъ изъ убѣжденныхъ приверженцевъ историческаго пониманія права, посвятилъ нѣсколько талаптливыхъ разсужденій, касающихся предметовъ государственнаго и въ особенности гражданскаго права, а Сперанскій и Куницынъ, находившіеся подъ вліяніемъ ученія о естественномъ правѣ, выводили изъ него частное право, подлежащее охранѣ публично-правовыхъ нормъ, и съ такой точки зрѣнія подходили къ пониманію государственнаго права ²⁾).

Въ то же время Кукольникъ, придерживавшійся болѣе эмпирическаго направленія, слѣдующимъ образомъ намѣчалъ

¹⁾ З. Горюшкинъ, Руководство къ познанію російскаго законоискусства, въ 4 частяхъ, М. 1811—1816 гг., см. §§ 119, 2156, и др. Ср. Н. Коркуновъ, З. А. Горюшкинъ, Російскій законоискусствъ, въ Журн. Мин. Ю. т. 1894—1895 г., VII; отд. отд., сс. 26—33.

²⁾ А. Куницынъ, Право естественное, СПб. 1818 и 1820 гг., в. I, сс. 77—79; в. II, с. 43: „государственное право есть наука объ отношеніяхъ между верховною властью и подданными, проистекающихъ по началамъ права изъ цѣли общественнаго соединенія“. Графъ М. Сперанскій, Руководство къ познанію законовъ, СПб. 1845 г., сс. 27—29, 39—40. Подъ вліяніемъ ученія объ естественномъ правѣ Сперанскій полагалъ его въ основу положительнаго права и выводилъ изъ него гражданское право, нормы котораго охраняются государственнымъ правомъ. „Законы общежитіельные, по его словамъ, не дѣйствительны, когда они противны законамъ естественнымъ; они по самому существу ихъ не что иное должны быть, какъ приложение законовъ естественныхъ, приложение, укрѣпленное дѣйствіемъ верховной власти, вышними наградами и понужденіями“. Съ такой же точки зрѣнія Сперанскій разсуждалъ и о законахъ гражданскихъ: „собственность лица“ или „власть человека надъ собственными его силами, какъ душевными, такъ и тѣлесными“, а также „собственность имущества“ или власть человека надъ тѣмъ, что произведено или приобретено его силами—„присвоены человеку отъ Бога, какъ естественное достояніе его разума и воли; посему начало ихъ не есть въ общежитіи, но въ общежитіи они принимаютъ видъ опредѣленный. Собственность лица здѣсь ограничивается свободой другихъ и пріемлетъ значеніе состоянія. Собственность имущества ограничивается первенствомъ содержанія и совершенною независимостью предмета и получаетъ видъ и значеніе владѣнія гражданскаго; но, стѣсняясь въ пространствѣ, та и другая власть здѣсь становится достояніемъ подъ защитой верховной власти“. Въ „составѣ общежитія“ Сперанскій признавалъ необходимымъ и „установленіе верховной власти“, безъ которой „ни собственность личная, ни собственность имущества существовать не могутъ“ и которая лежитъ въ основѣ законовъ государственныхъ.

области государственнаго и гражданскаго права: „опредѣленіе отношенія гражданъ къ верховной власти и сей послѣдней къ гражданамъ; также образа, мѣръ и средствъ правленія государства; распредѣленіе политическаго состоянія государственныхъ сословій; означеніе предоставленныхъ имъ преимуществъ, политическихъ правъ и обязанностей къ государству, равно какъ и къ верховной власти и вообще опредѣленіе всего того, что относится ко всему государству, именуются публичными общими государственными, также и коренными законами“. „Опредѣленіе отношеній между самими гражданами по ихъ лицу и имуществу называются частными гражданскими законами“. Въ томъ же духѣ разсуждалъ и Вельяминовъ-Зерновъ: „политическія права, по его словамъ, опредѣляютъ отношеніе верховной власти къ подданнымъ и подданныхъ къ верховной власти“, тогда какъ отличныя отъ нихъ гражданскія права проистекаютъ отъ взаимныхъ отношеній подданныхъ между собою ¹⁾).

Аналогичныя попытки были сдѣланы и въ нашемъ законодательствѣ. Въ „Основаніяхъ Російскаго права, извлеченныхъ изъ существующихъ законовъ Російской Имперіи“, изданныхъ Комиссіей составленія законовъ, мы читаемъ: „положительные законы имѣютъ два главные предмета: 1) положеніе государству; 2) положеніе гражданину. Законы, къ первому относящіеся, составляютъ право общее или государственное. Законы, ко второму принадлежащіе, составляютъ право особенное или гражданское“... „Предметъ права общаго (или государственнаго) есть установленіе и соблюденіе обрядовъ общихъ, необходимо нужныхъ для сохраненія цѣлости, добраго порядка и тишины государства“. „Право особенное или гражданское заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ узаконенія и установленія, которыя каждому гражданину, живущему съ прочими въ обще-

¹⁾ В. Кукольникъ, Російское частное гражданское право. С.-Пб. 1815 г., ч. I, сс. 7—8. Авторъ былъ профессоромъ физики и сельскаго хозяйства въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ и профессоромъ римскаго права въ „вышнемъ училищѣ Правовѣдѣнія“. В. Вельяминовъ-Зерновъ, Опытъ начертанія Російскаго частнаго гражданскаго права, С.-Пб. 1821 г., ч. I, сс. 44—45.

ствѣ, какъ въ разсужденіи его самого, такъ и въ разсужденіи его имѣнія и обязательствъ, приносятъ пользу и безопасность“¹⁾.

Составленное, конечно, подъ ближайшимъ наблюденіемъ Сперанскаго „Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ“ уже оставляетъ прежнее дѣленіе права на „общее“ и „особенное“ и проводитъ различіе между законами государственными и гражданскими, причемъ вкратцѣ формулируетъ его слѣдующимъ образомъ: „Два союза, два порядка отношеній необходимы въ государствѣ: союзъ государственный и союзъ гражданскій. Союзъ государственный есть внутренній и ви́шній... Союзъ гражданскій есть или семейственный или союзъ по имуществамъ. Изъ союзовъ возникаютъ права и обязанности. Тѣ и другія опредѣляются и сохраняются законами. Отсюда два порядка законовъ: законы государственные и законы гражданскіе“²⁾.

Болѣе или менѣе ясное разграниченіе между публичнымъ и частнымъ правомъ, проводимое въ теоріи, обнаружилось и на практикѣ: съ эпохи преобразованій, не говоря о „законахъ, которые ни въ какое время не могутъ переимѣниться“ и „временныхъ учрежденій“, въ силу которыхъ „всѣ дѣла должны быть отправляемы“, правительственные „указы“, заключавшіе въ себѣ „все то, что для какихъ нибудь дѣлается приключеній и что только есть случайное“, и тому подобные публичные акты отличались отъ частныхъ актовъ; въ числѣ послѣднихъ въ началѣ прошлаго вѣка употреблялись слѣдующіе: „купчія крѣпости; дангны; закладныя; духовныя завѣщанія; записи (дарственные, раздѣльныя, рядныя, мироры); отпускныя; векселя; заемныя письма; договоры, контракты и условія; вѣрющія письма; отказы имѣніямъ; торговыя книги и проч.“³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ разграниченіе

¹⁾ Основанія Россійскаго права, извлеченныя изъ существующихъ законовъ Россійской Имперіи, издаваемыя Компссіей составленія законовъ, С.-Пб. 1818 г., т. I, сс. 3—4, 8; (§§ 6, 7, 20).

²⁾ Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ, С.-Пб. 1833 г., сс. 118—119.

³⁾ Наказъ императрицы Екатерины II, ст. 444—446. И. Васильевъ, Новѣйшее руководство въ познанію Россійскихъ законовъ, М. 1827 г., ч. II, сс. 36—37.

„дѣлъ“ по способу ихъ судебной защиты стало точнѣе формулироваться, благодаря болѣе выработанному различію члѣбитныхъ явочныхъ отъ исковыхъ и т. п.¹⁾.

Итакъ, нѣкоторое различіе между понятіями о публичномъ и о частномъ правѣ можно полагать въ основу разграниченія понятій о публично-правовомъ и частно-правовомъ актѣ, хотя оно и не всегда совпадаетъ съ различіемъ ихъ съ чисто дипломатической точки зрѣнія по ихъ формулярамъ: послѣднее находилось въ тѣсной зависимости отъ того субъекта правъ, отъ котораго данный актъ исходилъ, а, значить, и отъ той канцеляріи, въ которой онъ составлялся. Такимъ образомъ объясняется стремленіе нѣкоторыхъ изъ наиболѣе видныхъ представителей дипломатіи сочетать въ своихъ опредѣленіяхъ актовъ публичныхъ и частныхъ оба признака, т. е. различіе ихъ по роду заключающихся въ нихъ правоотношеній, который они, впрочемъ, оставляютъ безъ дальнѣйшаго опредѣленія, и по способу ихъ совершенія правительственными или частными лицами. Съ указанной точки зрѣнія публично-правовыми актами называются тѣ, которые касаются государственнаго права и исходятъ отъ лицъ, облеченныхъ правительственною властью, а частно-правовыми актами называются тѣ, которые относятся къ гражданскому праву и исходятъ отъ частныхъ лицъ²⁾. Впрочемъ, такой придаточный признакъ едва ли имѣетъ большое самостоятельное значеніе: вѣдь, въ старину правительственныя лица часто смѣшивали государственное право съ гражданскимъ, что ярко отразилось, на примѣръ, въ духовныхъ и договорныхъ нашихъ князей.

¹⁾ Ф. Дильтей, Исслѣдованіе юридическое о принадлежащихъ для суда мѣстѣ и проч. М. 1779 г., сс. 95—129.

²⁾ А. Giry, Manuel de diplomatie, p. 823; къ лицамъ съ правительственнымъ характеромъ авторъ не безъ основанія причисляетъ „сенаторовъ, епископовъ и городскихъ общины“ средневѣковья. W. Erben, L. Schmitz-Kallenberg und O. Redlich, Urkundenlehre, München u. Berlin 1907, Bd. I, SS. 18—19. Ср. еще А. Мейнхартъ, Op. cit., сс. 2—3.

Въ числѣ производныхъ признаковъ при проведеніи того же дипломатическаго различія чаще всего указываютъ на то разное значеніе, какое публично-правовые и частно-правовые акты получаютъ въ качествѣ судебныхъ доказательствъ: доказательная сила публичнаго акта, напримѣръ, какой-либо царской грамоты, не нуждается въ свидѣтельскихъ показаніяхъ; доказательная сила частнаго акта, напротивъ, зависитъ отъ нихъ: онъ совершается при свидѣтеляхъ, которые прилагаютъ къ нему руки и, въ случаѣ нужды, могутъ, подъ присягой, давать показанія о его совершеніи ¹⁾).

Такіе признаки наглядно проявляются и въ нашихъ грамотахъ даже старѣйшихъ XIV—XV вв. „Существеннымъ отличіемъ“ жалованныхъ грамотъ отъ данныхъ, по словамъ одного изъ нашихъ изслѣдователей, можно считать, кромѣ начальной формулы (указывающей на тѣхъ субъектовъ правъ, отъ которыхъ онѣ соотвѣтственно исходятъ), еще отсутствіе въ жалованныхъ грамотахъ послуховъ, обыкновенно упоминаемыхъ въ данныхъ ²⁾).

На основаніи вышеуказанныхъ критеріевъ можно проводить различіе между актами съ публично-правовымъ и актами съ частно-правовымъ значеніемъ и примѣнять его къ аналогичному дѣленію старинныхъ русскихъ актовъ на публичные и частные.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что такое разграниченіе не всегда совпадаетъ съ дѣленіемъ актовъ на публично-правовые и частно-правовые. Въ самомъ дѣлѣ, можно указать на публично-правовые акты съ частно-правовымъ значеніемъ: жалованные „вотчинныя“ грамоты, особенно на земли безъ какихъ-либо льготъ, и „береженные“, сотныя и владѣнные выписи, судные списки и правыя грамоты, напримѣръ, — публично-правовые акты; но вмѣстѣ съ тѣмъ они удостоверяютъ права собственности заинтересованныхъ лицъ, служатъ доказательствами таковыхъ въ случаѣ ихъ нарушенія и т. п.,

¹⁾ O. Posse, Die Lehre von den Privaturkunden, S. 67.

²⁾ Д. Мейлихъ, Op. cit., с. 13.

т. е. въ извѣстномъ отношеніи получаютъ частно-правовое значеніе. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Жалованные „вотчинныя“ грамоты, которыя выдавались нашими князьями на земли, очевидно, рассматривались, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ акты, удостоверявшіе частныя права владѣльцевъ, что и приводило иногда къ отождествленію такихъ грамотъ съ „данными“: въ отводной книгѣ землямъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря отъ земель великокняжескихъ, 1482 года, не разъ встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующаго: „И съ данные грамоты въ списокъ пишетъ: милости ради пречистыя Богородицы и честнаго ея Успенья и своего ради спасенія, се изъ князь... пожаловалъ...“ ¹⁾).

Княжескія грамоты обезпечивали владѣльцевъ отъ спорныхъ исковъ на ихъ имущества и, значить, могли въ случаѣ нужды играть роль судебныхъ доказательствъ ихъ частныхъ правъ. Въ одной изъ „береженныхъ“ грамотъ, посланной отъ царя Ивана Васильевича Грознаго въ Галичъ Петру Чередову для охраненія бортныхъ ухожеевъ Васьки Савельева сына Шумалкина, 1576—1585 г.г., мы читаемъ:

„Билъ намъ челомъ Унжанинъ Васка Савельевъ сынъ Шюмалкинъ, а-сказалъ: вотчиниска деи его, бортной ухожей, на Унжѣ, и сторонніе деи люди его обидять, въ вотчину его ходятъ насилствомъ, борти дерутъ и лѣсъ сѣкутъ. И намъ бы его, Васку Шумалкина, пожаловать, велѣть дати береженную грамоту, чтобы (въ) его вотчиниско сторонніе люди насилствомъ не ходили, и бортей не драли и лѣсу не сѣкли.—И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты-бъ Васки Шумалкина вотчину, бортного ухोजея, берегъ накрѣпко, что-бы въ его вотчину, въ бортной ухожей, сторонніе люди насилствомъ не ходили никто, и бортей не драли и лѣсу не сѣкли...“ и т. д. ²⁾).

Такую же охрану частной собственности давали и „правыя

¹⁾ Д. Мейлихъ, Op. cit., с. 12.

²⁾ А. Ю. № 359, I.

грамоты". Уставная грамота великаго князя Василя Дмитріевича жителямъ Двинской земли, 1397 года, уже упоминаетъ о выдачѣ правой грамоты, примѣнительно къ случаю неявки отвѣтчика на судъ:

„А кто на кого челомъ бьетъ, дворяне и подвойскіе позовутъ къ суду, а онъ не станетъ у суда, и на того намѣстники дадутъ грамоту правую безсудную“¹⁾.

Въ Псковской Судной Грамотѣ сказано яснѣе: „А которой истецъ [а будетъ побить съ своими грамо]тами, ино того человѣка повинити и грамоты его посудитъ; а правому человѣку на ту землю и судища дати...“; въ другой статьѣ доказательная сила такихъ грамотъ признается безспорной: „А князю и посаднику грамотъ новыхъ не по сужати...“²⁾.

Возьмемъ еще одинъ примѣръ, иллюстрирующий сказанное: въ правой грамотѣ, данной Двинскимъ намѣстникомъ „князь Иванова тіуномъ Васильевича Ноздроватого“ Назаріемъ Сумароковымъ Григорію Кологривову и его дѣтямъ, на которыхъ Матвѣй Кузьминъ искалъ полдеревни Борисовской, 1532 года, мы читаемъ: „И правую грамоту тіунъ Назарей Сумароковъ отвѣтчикомъ Оникѣйку и Олешку, въ Григорьево мѣсто Кологривова и въ его дѣтей, на ищею Матѣея [Кузьмина] и на деревню далъ...“. Въ правой грамотѣ Двинскаго воеводы князя Ѳедора Татеева Троице - Сергіеву монастырю на деревню Молевскую, 1612 года, сказано еще яснѣе, что судья приговорилъ владѣть той деревней архимандриту Діонисію съ братею „къ Никольскому Чюхченемскому монастырю по прежнему“ и выдать имъ правую грамоту „по чему имъ тою деревнею къ Никольскому Чюхченемскому монастырю владѣть“³⁾.

¹⁾ А. Э., т. I, № 13.

²⁾ Псковская Судная Грамота, ст. 12 и 61 (сс. 3, 15). Чтеніе 12-ой статьи, предложенное Н. Энгельманомъ, можетъ, однако, вызвать нѣкоторое сомнѣніе: въ рукописи пробѣлъ меньше того, какой понадобился бы для помѣщенія поставленныхъ въ прямыхъ скобкахъ словъ.

³⁾ А. Ю. № 19, сс. 38 — 42. Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 433.

Кромѣ различія между публичными актами съ частно-правовымъ значеніемъ и частно-правовыми актами въ узкомъ смыслѣ, нѣкоторыя изъ ихъ разновидностей могли получать черты публичныхъ актовъ съ частно-правовымъ значеніемъ въ отличіе отъ частно-правовыхъ актовъ въ узкомъ смыслѣ и по другимъ основаніямъ, отражавшимся въ ихъ дипломатическихъ особенностяхъ. Межевые акты, напримѣръ, по словамъ одного изъ нашихъ дипломатистовъ, „бывали правительственными и частными“: правительственные составлялись органами княжескаго управленія по словесному или письменному повелѣнію, исходившему непосредственно отъ князя, помимо чьей-бы то ни было просьбы, либо по просьбѣ владѣльцевъ о разводѣ земель безъ всякаго спора, либо вслѣдствіе судебныхъ и межевыхъ споровъ; частные составлялись самими заинтересованными лицами при уступкѣ-ли земель по купчимъ, давнымъ и другимъ однороднымъ сдѣлкамъ или-же при полюбовномъ прекращеніи споровъ съ вѣдома или безъ вѣдома правительственной власти, т. е. совершались явочнымъ или домашнимъ порядкомъ. „Разъѣзжая грамота“, установившая межи между Илеменской землей княгини Евфросиніи и землями великаго князя Василя Васильевича Боболѣю, Турьими горами и Ловышиною, напримѣръ, была выдана до 1462 года „на обѣ стороны“, послѣ суда великокняжескаго и совершенія разѣзда „по великого князя слову“ Василиемъ Андреевичемъ, докладывавшимъ объ этомъ дѣлѣ великому князю: „и князь великъ велѣлъ дати Василью грамоту розездную Илемничомъ на Илеменскую землю отъ великого князя земель, а сотникомъ Боболскимъ и Турепскому и Ловышинскому дати велѣлъ грамоту отъ Илеменскихъ земель“. Грамота свидѣлствуетъ, что на разѣздѣ были съ Василиемъ Андреевичемъ и съ тѣми сотниками и мужапп и съ старожильцами дѣти боярскіе, „тутошніе жплцы“ такіе-то, причѣмъ снабжена печатью. Разъѣзжая землямъ Кедриковской и Ананьевской 1495 (7003) г., напротивъ, полюбовная: она составлена по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ Кузьмы Федорова и Дмитрія Ми-

хайлова и удостоверена рукоприкладствами послуховъ, но безъ печати ¹⁾).

Слѣдуетъ, кромѣ того, имѣть въ виду, что граница между сферами публичнаго и частнаго права была въ разное время различной и что публично-правовые элементы иногда смѣшивались съ частно-правовыми въ одномъ и томъ-же актѣ. Наглядными примѣрами смѣшенія подобнаго рода могутъ служить хотя бы извѣстныя старѣйшія духовныя Московскихъ князей. Въ своей „душевной грамотѣ“ 1328 года великій князь Иванъ Давидовичъ Калита приказываетъ своимъ сыновьямъ отчипу свою Москву и учиняетъ между ними раздѣлъ, въ которомъ распоряженія касательно разныхъ городовъ и волостей переплетаются съ распоряженіями касательно частнаго его имущества, даже движимаго, напримѣръ: „се далъ есмь сыну своему большому Семену Можаескѣ со всеми волостями...“; „а при своемъ животѣ далъ есмь сыну своему Семену 4 чепи золоты, 3 поясы золоты, 2 чаши золоты съ жепчюги, блюдо золото съ женчугомъ съ камнемъ, 2 чума золота болшая; а исъ судоръ исъ серебряныхъ далъ есмь ему 3 блюда серебряна“ и т. д.; нѣсколько ниже великій князь дѣлаетъ аналогичныя распоряженія относительно купленныхъ имъ сель, принадлежавшихъ ему стадъ, „портъ“ и т. п., часть которыхъ предоставляетъ тому-же „сыну своему большому Семену“, а остальное распределяетъ между другими членами своей семьи ²⁾. Въ „душевной грамотѣ“ великаго князя Ивана Давидовича, да и многихъ другихъ актахъ того времени, публично-правовые элементы смѣшаны съ частно-правовыми, причемъ сама грамота облечена въ форму обыкновенной духовной. Аналогичныя иллюстраціи можно подыскать, конечно, и среди другого рода

¹⁾ Д. Мейчикъ, *Op. cit.*, с. 55 и приложение IV, №№ 1 и 5. Ср. еще С. Шумаковъ, *Обзоры*, в. I, сс. 47—50, 84; в. II, сс. 17, 32—38 и др.

²⁾ С. Г. Г. и Д., ч. I, № 22. Смѣшеніе подобнаго рода еще не даетъ, однако, основанія утверждать, подобно В. Н. Чичерину, что „наслѣдованіе у Московскихъ князей происходило по частному праву“: таксе наслѣдованіе уже предполагало бы различіе или частнаго права отъ публичнаго.

грамотъ: выборы въ священники, напримѣръ, представляющіе, въ сущности, акты общественнаго самоуправленія, содержатъ иногда условія, сближающія ихъ съ договорными записями, о чемъ свидѣлствуетъ хотя-бы запись дьякона Ивана Артамонова, порядившагося въ 1646 году во священники въ село Фрязиново, Сямской волости, въ томъ, что ему не „запущать“ священническаго двора, и т. п. ¹⁾).

Помимо вышеуказанныхъ переходныхъ формъ отъ публичныхъ актовъ къ частнымъ, можно указать, конечно, и на собственно частно-правовые акты: каждый изъ нихъ облекаетъ въ извѣстную форму одностороннее или обоюдостороннее волеизъявленіе, сдѣланное на основаніи какой-либо правовой нормы однимъ или нѣсколькими отдѣльными лицами и обуславливающее возникновеніе, измѣненіе или прекращеніе какого-либо правоотношенія личнаго или имущественнаго.

Старинные наши юридическіе акты сами отмѣчаютъ иногда признаки подобнаго рода. Нормативный характеръ частныхъ актовъ проступаетъ уже въ древнѣйшее время въ той религиозно-нравственной санкціи, на которую они опираются. Въ вкладной грамотѣ Варлаама Хутынского святому Спасу 1192 года мы читаемъ: „Аже кто діавольмъ наоученъ и злыми челоуѣки навожепъ цѣто хочеть отъяти, отъ нивъ ли, отъ пожнь ли или отъ ловиць, а боуди ему противенъ святей Спасъ и въ сѣ вѣкъ, и въ боудущій“. Въ купчей Антонія Римлянина „на землю Пречистая въ домъ“, писанной до 1147 года, заключительная формула гласитъ: „А кто на сію землю наступитъ. а то управитъ Мати Божіа“. Въ духовной Новгородца Климента XIII вѣка значится: „Аже кто въ ступитъ на сю грамоту, да не со мною съ однимъ станеть прѣ Богомъ, съ всимъ моимъ племенемъ“. Въ одной мѣновной 1538 года „послухами“ являются: „Богъ, Никола Чудотворецъ, апостолы Петръ и Павелъ“... и только. Въ позднѣйшихъ актахъ такія ссылки, напротивъ, постепенно

¹⁾ М. Курдюмовъ, *Описаніе коллекціи П. И. Саввантова, въ Лѣтоп. зан. Археогр. Ком.*, в. 27 (1915 г.), № 158.

исчезаютъ и замѣняются другими, отличающимися болѣе юридическимъ характеромъ: въ одной изъ Новгородскихъ дѣльных XV вѣка мы читаемъ, напимѣрь: „А сей намъ дѣлъ крѣпокъ и въ вѣкѣ“ и т. п.¹⁾.

Волеизъявительный характеръ частныхъ актовъ иногда явно выражается, напимѣрь, въ духовныхъ: духовная Ивана Калиты начинается извѣстными словами: „Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Се язъ грѣшный худый рабъ Божій Ивасъ пишу душевную грамоту, ида въ Орду, ни кимъ не нуженъ, цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи“. Въ одной полной 1593 года говорится о томъ, что Михайла Секиринъ купилъ Савку Васильева сына да жену его Марьицу, „а продались по своей воли безъ пристава“. Въ договорной записи 1654 года объ образованіи артели для денежнаго сбора таможенной и проѣздной пошлины при Арзамаской таможи и двухъ селахъ того же уѣзда, пайщики включили слѣдующую клаузулу: „А сю запись, излюбя, положили за третьего, города Арзамаса за Воздвиженского попа Ивана Васильева, и тому нашему третьему выдать сю нашу запись правому на виноватого, какъ споръ учинитца, съ воеводцкаго дакладу, при добрыхъ людехъ, всѣмъ намъ вмѣстѣ, а одному изъ насъ никаму отнюдь не выдавать“ и т. п.²⁾. Возникновение, измѣненіе и прекращеніе личныхъ и имущественныхъ отношеній, разумѣется, составляетъ главное содержаніе частныхъ актовъ, напимѣрь, сговорныхъ и рядныхъ, служилыхъ кабалъ и жилыхъ записей, купчихъ и закладныхъ, отпусковыхъ и т. п. Въ видѣ примѣра можно указать на любопытную зарядную запись И. М. Чертова С. В. Стромилу съ сыномъ о взятіи у нихъ на срокъ жалованныхъ грамотъ для челобитья по своему дѣлу, 1560—1561 г.г. Здѣсь мы читаемъ:

„Се язъ Иванъ Михайловъ сынъ Чертова взялъ

¹⁾ Опись рукописей и книгъ музея Археологической Комиссіи при Псковскомъ губ. стат. ком., Псковъ 1879 г., приложение с. 11—12; А. Ю. № 260, I.

²⁾ С. Г. Г. и Д., ч. I, № 22. А. Ю. № 409, X и др. Р. И. Б., т. XVII, Зап. кн. д. Алябьева, № 513. А. Ю. Б., т. I, № 111.

есми у дяди своего Суботы Васильева сына Стромилова да у его сына, а у своего брата, у Григорья грамоты жаловальные... а класти мнѣ те грамоты передъ царемъ государемъ великимъ княземъ и, бивъ мнѣ челомъ государю, да отдати опять дяди своему Суботе да его сыну, а своему брату, Григорью те грамоты на Семень день лѣтапровотца семьдесятнаго году впредъ на соблюдение. А мнѣ Ивану у Суботы и у Григорья тѣхъ грамотъ не оттягивати, ни царю государю великому князю не бивать челомъ, ни бояромъ. А отдати мнѣ грамоты безъ тяжбы и безъ челобитья. А учну язъ Иванъ бити челомъ на Суботу и на его сына о пристава и грамоты стану затягивать которою хитростью ни буди или тѣ грамоты отдамъ мимо себя искать роду своему дядемъ своимъ или братьемъ въ родстве своемъ Стромилынымъ или Чертовынымъ или Щибринымъ или мимо меня стануть искать и стануть волочить и грамотъ на срокъ не отдамъ на Семень день — ино на мнѣ, на Иванѣ, Суботе и сыну его взяти по сей записи пятьдесятъ рублей. А на то послуши... А кабалу писалъ...“¹⁾.

Такимъ образомъ, можно придти къ заключенію, что вышеуказанное общее различеніе между публичнымъ и частнымъ правомъ постепенно проникало въ наше правосознаніе и законодательство, хотя и устанавливалось не столько въ догматической его формѣ, сколько въ исторически слагавшемся его примѣненіи къ дѣловой практикѣ даннаго времени. Съ такой точки зрѣнія позволительно различать въ составѣ нашихъ документовъ публичные и частные акты и остановиться, въ виду специальныхъ задачъ настоящаго курса, на болѣе подробномъ изученіи послѣднихъ.

§ 4. Основныя задачи дипломатическаго изученія публичныхъ и частныхъ актовъ.

Ученіе о документахъ и актахъ въ томъ ихъ значеніи, какое было установлено выше, называется дипломатикой: она

¹⁾ Н. Лихачевъ, Изъ лекцій по дипломатикѣ, СПб. 1905—1906, с. 24—25.

выясняетъ принципы и методы изслѣдованія не столько документовъ, сколько актовъ, облекающихъ правоотношенія въ болѣе опредѣленные, преимущественно письменныя, формы, которыя и подлежатъ спеціальному ея изученію. Самый терминъ „дипломатика“ производится отъ греческаго „δῖπλω“, „δῖπλουν“ — удвою, причемъ τὸ δῖπλωμα означало вообще что либо сложенное вдвое; въ такомъ именно смыслѣ римляне употребляли слово „diploma“ для обозначенія бронзовыхъ пластинокъ, складывавшихся вдвое въ видѣ диптиха: онѣ служили или чѣмъ то въ родѣ паспортовъ и подорожныхъ, выдаваемыхъ отъ имени сената, а затѣмъ императора, курьерамъ, которые въ силу ихъ получали право пользоваться публичными почтовыми сообщеніями; или выдавались солдатамъ, отслужившимъ свои сроки и получившимъ, по закону, извѣстныя привилегіи. Забытый въ началѣ среднихъ вѣковъ, тотъ же терминъ снова получилъ нѣкоторое распространеніе благодаря ученымъ Возрожденія: они примѣняли его въ болѣе широкомъ смыслѣ, въ особенности къ торжественнымъ актамъ, исходившимъ отъ верховной власти, къ привилегіямъ императоровъ, королей, герцоговъ, графовъ. Въ такомъ значеніи тотъ же терминъ продолжали употреблять въ позднѣйшее время, между прочимъ, и у насъ: Генеральный Регламентъ, толкуя терминъ „дипломъ“, переводитъ его: „жалованная грамота“. Впрочемъ, благодаря тому, что, въ сущности, само понятіе о „дипломѣ“ оставалось довольно неопредѣленнымъ, терминомъ „дипломатика“ можно было обозначить вообще ученіе о документахъ и актахъ. Своимъ извѣстнымъ трудомъ, озаглавленнымъ „De re diplomatica“, Мабильонъ ввелъ его во всеобщее научное употребленіе, продолжающееся до сихъ поръ; оно воспринято было и въ нашей спеціальной литературѣ ¹⁾.

Вообще, обнимая ученіе о документахъ и актахъ, дипломатика ставитъ себѣ двоякую задачу: она изучаетъ ихъ, какъ

¹⁾ R. Rosenmund, Die Fortschritte der Diplomatie seit Mabillon, vornehmlich in Deutschland und Oesterreich, 1897. W. Erben, L. Schmitz-Kallenberg und O. Redlich, Urkundenlehre, München und Berlin 1907, T. I, SS. 3—17 и др.

источникъ и какъ явленіе. Въ самомъ дѣлѣ, дипломатика, въ сущности, возникла въ связи съ изслѣдованіемъ старинныхъ документовъ и актовъ, какъ источниковъ, и только съ теченіемъ времени перешла къ выясненію ихъ развитія, какъ явленій народнаго правосознанія, въ ихъ зависимости отъ данныхъ условій мѣста и времени, состоянія и періода культуры и т. п.

Съ указанной точки зрѣнія дипломатика естественно распадается на двѣ части, которыя можно назвать: документальнымъ источниковѣдѣніемъ и документальнымъ построеніемъ актовъ. Документальное источниковѣдѣніе выясняетъ принципы и приемы интерпретаціи и критики актовъ. Документальное построеніе выясняетъ происхожденіе актовъ, ихъ составъ, разновидности ихъ формуляровъ, выработанныхъ въ разныхъ канцеляріяхъ, способовъ ихъ удостовѣренія и т. п. Такое дѣленіе можно примѣнить и къ дипломатикѣ частныхъ актовъ.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ ознакомленію съ дипломатикой русскихъ частныхъ актовъ въ главнѣйшихъ ея частяхъ: документальномъ ихъ источниковѣдѣніи и документальномъ ихъ построеніи, остановимся нѣсколько на обзорѣ нѣхъ источниковъ и пособій, которыми она располагаетъ для болѣе подробнаго ихъ изученія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дипломатическое изученіе въ русской археографіи и исторіографіи.

§ 1. Важнѣйшія собранія и хранилища актовъ.

Дипломатика русскихъ частныхъ актовъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи довольно значительное ихъ число, собранное въ различныхъ хранилищахъ, частныхъ и государственныхъ

Частныя собранія актовъ стали возникать издавна: вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ имущества, въ особенности недвижимаго, прежнія крѣпости на него часто передавались новому владѣльцу; при такомъ порядкѣ въ рукахъ лица, скупавшаго разныя земли, могло сосредоточиться не мало частныхъ актовъ, касавшихся ихъ и принадлежавшихъ прежнимъ ихъ владѣльцамъ.

Частныя акты, правда, иногда не переходили къ новымъ владѣльцамъ, на примѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда отчуждалась часть недвижимости, находившейся въ общемъ владѣніи у одного или у нѣсколькихъ лицъ, продолжавшихъ владѣть остальными его частями на основаніи одного общаго для нихъ съ отчуждаемою частью имущества акта, или же въ тѣхъ случаяхъ, когда продавецъ сохранялъ ихъ у себя для „очистки“ отчуждаемаго имущества отъ спорныхъ исковъ и т. п. Въ отступной Ивана и Онтмана Александровыхъ дѣтей Тимоѣею Леонтьеву сыну Бушую на половину ихъ земли съ угодьями на островѣ Солотковѣ 1550 года мы читаемъ: „А што у насъ грамоты державы на тотъ Солоткой островъ старыя, ино ти грамоты у насъ у Ивана да у Онтмана у Олександровыхъ детей. А понадобятца ти грамоты Тимоѣею

на кои будетъ споръ, ино Ивану да Онтману класти давати“. Въ купчей на пожни и рыбныя ловли въ Палѣ и другихъ мѣстахъ, проданныя Первымъ Яковлевымъ сыномъ Новыхъ Денегъ Николаевскому Корельскому монастырю 1616 г. сказано: „се язь Первой Яковлевъ сынъ Новыхъ Денегъ... продалъ есми и отступился игумену Каллистрату“ и проч. „свою долю пожень и рыбной ловли, чемъ самъ владелъ, что мнѣ отъ брата з дѣлу достанетца... А старыя купчие Пальскіе и менная и дѣльная на Шапчергіе пожни оставаютца у брата моего, у Федора з братъею, и понадобятца тѣ старыя пути на ту мою продажу имъ, игумену з братъею, къ какому дѣлу ни буди, и брата моего Федору з братъею тѣ старыя пути на ту мою продажу казати безубыточно“. Совершая купчую съ Кирилло-Бѣлозерскимъ монастыремъ на дворѣ въ Ненокскомъ посадѣ и на право выварки соли въ варничномъ участкѣ, Павелъ Анавынъ писалъ въ 1578 году: „А старыя купчіе на дворъ и на росоль язь Павелъ... оставилъ у себя для очищенія“ и т. п.¹⁾ Впрочемъ, даже при оставленіи у себя „старыхъ грамотъ“ прежній владѣлецъ могъ замѣнить ихъ списками съ нихъ, которые и передавалъ новому. Въ собраніи актовъ Архангельскаго монастыря сохранилась, на примѣръ, „отпись“, вѣроятно XV вѣка, свидѣтельствующая о томъ, что „игумень Василій и попъ и черницы и все стадо святаго Спаса“ дали Ивану Даниловичу, купившему у нихъ „Ондріевъ участокъ“, списокъ съ данной на него „за Варламовою печатью“, а подлинное „рукописаніе Ондреево“ оставили у игумена и у всѣхъ чернецовъ святаго Спаса, на полатѣхъ. Викула Извольскій поступилъ такимъ же образомъ при продажѣ своего московскаго двора Ивану Толстому въ 1691 г.: сохранивъ у себя подлинныя отписи въ платежѣ мостовыхъ и рѣшеточныхъ, а также оброчныхъ денегъ съ

¹⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, №№ 129, 469, 517, 543. А. Ю. № 90. Прежніе владѣльцы выдавали иногда новымъ особыя „отписи“ съ обязательствомъ предъявлять, въ случаѣ надобности, старыя грамоты на отчуждаемое имущество; см. Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 103.

того двора за прошлые годы, онъ далъ покупателю „списки съ тѣхъ отписей за своею рукою“ ¹⁾.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда не было условій, затруднявшихъ передачу „старыхъ грамотъ“ новому владѣльцу, онѣ переходили къ нему „для ради крѣпости и оцѣненія“, что видно хотя бы, на примѣръ, изъ закладной Семена Вешняка Васильева Николаевскому Корельскому монастырю на половину топи Рикасихи и на земли съ угодьями 1628 года. Здѣсь мы читаемъ:

„И тѣ всѣ писмяные крѣпости, четыре купчие и дѣльную и отпись, я Вешнякъ отдалъ игумену Сергию з братьею с сею закладною вмѣсте. А то мое владѣнье все, что заложылъ, досталось мнѣ з дѣлу отъ братии моеи: отъ Клементя да отъ Леонтя да отъ Ивана Григорьевыхъ же дѣтей Васильева, и по той дѣлной заложылъ я и подписалъ в тѣхъ заемныхъ деньгахъ; и къ чему будетъ понадобится та дѣльная игумену Сергию з братьею для того моего закладного владеня, и мнѣ Вешняку та дѣльная класть и казать имъ и списокъ с тое дѣльной дать слово в слово“.

Въ закладной Василия Третьяка Лентьева Николаевскому Корельскому монастырю на половину Прилуцкаго острова и на долю въ рыбной ловлѣ въ рѣкѣ Косоломбалѣ, купленной имъ у Марѣи да у Матрены Васильевыхъ дочерей Лентьева, также встрѣчается слѣдующее условіе:

„А тѣ старые писмяные крѣпости и оброчная оставляетца у меня Третьяка; и къ чему будетъ понадобится тѣ писмяные крѣпости игумену з братьею, и мнѣ Третьяку класть и казать, в томъ убытка не чинить; а купчая, что я купилъ то владеніе у Васильевыхъ дочерей, и ту я купчую отдалъ игумену з братьею с сею закладною; и будетъ понадобится мнѣ Третьяку та купчая для котораго дѣла, и имъ игумену з братьею потому жъ казать мнѣ Третьяку та купчая“.

¹⁾ А. Ю. № 71, XXVI. А. Ю. Б., т. II, № 148, XXI.

Прежніе владѣльцы даже обезпечивали себя иногда особыми актами отъ притязаній, могущихъ возникнуть со стороны новыхъ по поводу передачи имъ лишь части „старыхъ грамотъ“. Въ 1540 году, на примѣръ, Иванъ Мурашовъ, отступившійся отъ земель и угодій на островѣ Солотковѣ Ивану Пятунину, выдалъ ему особую отпись, которая удостоверяла, что онъ, за исключеніемъ утерянной имъ „заповѣдной грамоты“ великаго князя, вручилъ Ивану Пятунину духовную отца своего и отступную-посильную на тѣ же земли и угодья ¹⁾.

При передачѣ всѣхъ „старыхъ грамотъ“ новому владѣльцу, онѣ вручались ему при совершеніи или по совершеніи сдѣлки, причемъ онъ обезпечивалъ иногда исполненіе такого условія особой неустойкой, которая уплачивалась прежнимъ владѣльцемъ, если онъ „всѣхъ крѣпостей не отдастъ“ ²⁾. Въ купчей на лоскуты земли: Лукинскій и Ѳедоровскій, купленные Есифомъ Онуфріевичемъ у Устина Семенова сына, XV вѣка, на примѣръ, онъ пишетъ: „се купи Есифъ Онуфріевичъ оу Вустѣна оу Семенова сына два лоскута земли и [с] старыми грамоты“. Такой же порядокъ соблюдался и въ позднѣйшее время: продавая въ 1682 году половину своей деревни Семеновской и половину же прикупной деревни Екимовской Ѳедору Бороткиныхъ, крестьянину Лузской Пермцы Ламской волости, Богоявленскій попъ Матвѣй Поповъ включилъ въ свою купчую слѣдующее условіе: „а въ отводѣ и въ оцѣненѣи меня, продавца, ему купцу Ѳедору не спрашивать, потому что язь попъ Матѣй старую купчую для очищеня ему жъ Ѳедору отдалъ“ ³⁾.

Благодаря такому обычаю, въ рукахъ крупныхъ вла-

¹⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I. №№ 89, 539, 553.

²⁾ Сборн. грам. Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ Библіотекѣ С.-Пб. Духовн. Акад. № А ¹⁷/₄₈, л. 121 об.

³⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 38. А. Ю. Б., т. II, № 147, XXX. П. С. З., т. II, № 668. Старыя крѣпости, передаваемыя новому владѣльцу, снабжались иногда соотвѣстственными надписями; см. А. Ю. Б., т. II, № 147, XXIV.

дѣльцевъ сосредоточивалось иногда довольно значительное число „старыхъ грамотъ“, входившихъ въ составъ ихъ вотчинныхъ архивовъ. Московскій великій князь имѣлъ, напимѣръ, архивъ: его „казна“ уже упоминается въ XV вѣкѣ; въ ней хранились, между прочимъ, и частные акты, указанные въ нѣсколько позднѣйшей его описи ¹⁾. Московскій митрополитъ, судя по записной его книгѣ жалованнымъ грамотамъ и крѣпостнымъ актамъ, также устроилъ подобный же архивъ при своемъ дворѣ: его „казна“ также извѣстна съ XV вѣка и содержала частные акты ²⁾. Важнѣйшіе самостоятельные монастыри, напимѣръ, Троицкій Сергіевъ, Кирилло-Бѣлозерскій, Соловецкій и другіе содержали каждый свою „крѣпостную казну“, при которой, судя по даннымъ, касающимся Троицкаго Сергіева монастыря, состоялъ даже особый „крѣпостной старецъ“ ³⁾. Родовитые и богатые вотчинники,

¹⁾ С. Г. Г. п. Д., ч. I, № 66 (с. 148). А. И., т. I, № 40 (с. 82). Д. Мейчикъ, Ор. сіт., прилож. III, № 3; въ напечатанномъ здѣсь судномъ спискѣ 1496—1498 г.г. говорится, между прочимъ, объ одной данной (см. Сборникъ Муханова № 321), что она „у государя у великаго князя въ казнѣ“ (с. 105). А. Э., т. I, № 289, ящики: 47, 67, 80, 122, 134, 138, 145, 156, 186, 195, 231;—можно думать, что этотъ архивъ находился при Посольскомъ приказѣ: „книги“ Ивана Михайлова, на которыя встрѣчаются ссылки въ самой описи, разумѣется, были приняты во вниманіе при ея составленіи, вмѣстѣ съ добавленіями, сдѣланными въ „старой переписной тетратѣ“ Андрея Васильева, надо думать, 1562—1563 годовъ; опись, напечатанная въ А. Э., относится, по всей вѣроятности, къ началу 1570-хъ годовъ; при нѣкоторыхъ изъ записей о вышеуказанныхъ ящикахъ значится, что „государь взялъ ихъ къ себѣ“ или „взялъ“ изъ нихъ нѣкоторые акты; см., напимѣръ, №№ 47, 138, 156. Ср. еще П. Лихачевъ, Библиотека и архивъ Московскихъ государей въ XVI столѣтіи, С.-Пб. 1894 г., сс. 49—53, 60—66.

²⁾ А. Ю. Б., т. I, № 118, I: здѣсь, въ записи, данной митрополиту Феодосію Гридею Карауловымъ и Иваномъ Кожинымъ о неосвоеніи озеръ, пожалованныхъ имъ митрополитомъ для рыбной ловли (1461—1464 гг.), мы читаемъ: „а сю есмь свою грамоту господину въ казну далъ противъ его господиновъ жалованные грамоты“; ср. еще А. Ю. Б., т. II, № 147, VIII (ст. 344) и др. Синодал. Библ., № 276 (173). Публичный и Румянцевскій музей, собр. И. Вѣльева, № 127. Опись архива б. патріарха Никона (переписныя книги домовой его казны) напечатана во Врем. Моск. Общ. Ист. и Древн., т. XV, сс. 69—95.

³⁾ Сборн. Троицкаго Сергіева монастыря № 666 (опись грамотъ и крѣпостей съ дополненіями до 1695 года) и др. Публичн. Библ. Q IV 1136: опись грамотъ и крѣпостей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря 1613 г. п. др. А. Горскій,

разумѣется, обладали болѣе или менѣе значительными собраніями актовъ, напимѣръ, Шереметевы, Голицыны, Куракины, Строгановы, Воронцовы, Панины и другіе, хотя и не всегда заботились о надлежащемъ ихъ храненіи; нѣкоторые изъ такихъ собраній, напимѣръ, домашній архивъ стольника Безобразова, достигали довольно значительныхъ размѣровъ ¹⁾.

Впрочемъ, акты хранились также и у третьихъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Монастыри съ ихъ „крѣпостными казнами“ могли служить для такихъ цѣлей. Въ одномъ изъ сборниковъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря сохранился,

Историческое описаніе Свято-Троицкаго Сергіева лавры, съ приложеніями архим. Леониды (Кавелина). М. 1879 г. и др. Н. Успенскій, Охранная опись рукописямъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, въ „Вѣстникѣ Археологій и Исторіи“, издаваемомъ С.-Петербургскимъ Археологическимъ Институтомъ, в. XII (1899 г.), сс. 119—217, в. XIV (1901 г.), сс. 280—354; здѣсь описанъ вотчинный архивъ монастыря (XV—XVIII вв.), за исключеніемъ тѣхъ его частей, которыя попали въ Публичную Библиотеку и въ Библиотеку Петроградской духовной академіи,—о частныхъ см., въ особенности, в. XII, сс. 131—132 и 133—134; перечень здѣсь неполный; ср. в. XIV, с. 354. Старинную опись архива Соловецкаго монастыря см. въ „Матеріалахъ для русской исторіи“, изд. подъ ред. С. Булакурова, М. 1888 г., сс. 35—80 и др. Менѣе значительные монастыри могли, конечно, имѣть свои архивы; см., напимѣръ, опись Николаевскаго Корельскаго монастыря въ А. И., т. I, № 158 (сс. 285—286); „отписныя и крѣпостныя книги“ Николаевскаго Чухчепемскаго монастыря въ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 425; А. Жизневскій, Древній архивъ Краснохолмскаго Антоніева монастыря, въ „Древностихъ“ Моск. Археолог. Общ., т. VIII (1880 г.), сс. 50, 51, 60—65 и др. Ср. „засѣдную память“ въ А. Ю. Б., т. II, № 227 и т. п.

¹⁾ А. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, С.-Пб. 1881—1904 г.г., кн. I—VIII. Розыскныя дѣла о Федорѣ Шахловитомъ, изд. Археогр. Ком., т. IV, сс. 199, 222—276. Архивъ кн. О. А. Куракина, С.-Пб.—Саратовъ 1890—1902 гг., кн. I—X. Ср. Н. Калачовъ, Фамильный архивъ кн. Куракиныхъ, въ Сборн. Археол. Инст., т. V, в. II, сс. 1—15. Архивъ князя С. М. Воронцова, М. 1870—1895 гг., кн. 1—40. Объ архивѣ Паниныхъ см. В. Иконниковъ, Опытъ русск. исторіогр., т. I, кн. 2, с. 1107—1109. Впрочемъ, перечисленные изданія кн. О. А. Куракина и кн. С. М. Воронцова, къ сожалѣнію, не даютъ понятія о вотчинныхъ документахъ ихъ владѣльцевъ. Объ архивѣ А. И. Безобразова см. А. Лаппо-Данилевскій, Обзоръ документовъ вотчиннаго архива стольника А. И. Безобразова, въ Лѣтоп. зап. Археогр. Ком., в. XXVIII, сс. 31—33. Подробное обзорѣніе „фамильныхъ и частныхъ архивовъ и библиотекъ въ Россіи“ см. въ соч. В. Иконникова, Опытъ русской исторіографіи, Киевъ 1892 г., т. I, кн. 2, сс. 1072—1349.

напримѣръ, списокъ съ духовнаго завѣщанія Ивана Злобина въ которомъ встрѣчается слѣдующее указаніе: „а что есми положилъ у Спаса на Прилуде сто и девяносто рублевъ у игумена и у святые братьи въ казне, въ коробейкѣ, да въ той-же коробейкѣ въ колоткахъ крѣпости земляные и людские кабалы и на комъ что ми взяти, и приказчики бы мои тѣ денги і кабалы взяли и заемные крѣпости...“ По случаю дѣла между Оерапонтовымъ монастыремъ и крестьянами Южской волости, напримѣръ, Данило Блинъ, давшій нѣсколько пустошей монастырю, заявлялъ на судѣ, что онъ тѣ пустоши купилъ у Ивана Москотиньева Большого, „а грамоту, господине, свою купчую положилъ есми у Евстрата у чернца на соблюденіе“; что и было подтверждено старцемъ Евстратомъ ¹⁾. Аналогичные случаи бывали и примѣнительно къ свѣтскимъ лицамъ, также принимавшимъ чужія грамоты на храненіе, что видно хотя бы изъ приводимаго ниже акта, заключеннаго между Иваномъ Губою и братьями Шваковыми. Въ такихъ случаяхъ принимавшіе акты на храненіе выдавалъ особую отпись о приѣмѣ ихъ заинтересованнымъ лицамъ, причемъ она могла имѣть или домашній, или болѣе строгій формальный характеръ. Въ одной распискѣ 1693 года, напримѣръ, мы читаемъ слѣдующія строки:

„Васильевской попъ Косыянтинъ привялъ я записъ противную 202 году ноября 24 числа у Григорья Мачькова да у Данила да у Якова да у Петра да у Естифея Бологовскихъ на збереженіе. А какъ ему Григорью съ товарищи надобна будетъ записъ, и мнѣ имъ отдать“.

Болѣе формальный характеръ имѣетъ „отпись“ Ивана Губы Титу, Юрію, Григорію и Тимоѣю Шваковымъ въ приѣмѣ на храненіе купчихъ на деревню Чучепальскую, 1596 года; приведемъ ее также цѣликомъ:

¹⁾ Публ. Библ. Q IV 113 б: сборникъ Кприлло-Бѣлозерскаго монастыря, л, 794. А. Ю. № 3.

„Се язъ Иванъ Губа Тимоѣевъ сынъ далъ есми отпись Титу да Юрію да Григорію да Тимоѣю Иевлевымъ дѣтемъ Швакова въ томъ, взялъ есми собѣ на соблюденіе купчие грамоты Чучепальской деревни, числомъ ихъ шесть купчихъ. И понадобятца тихъ купчихъ которой путь ни буди которому ихъ брату Іевлевымъ дѣтемъ, и мнѣ Ивану Тимоѣеву сыну Швакова класти и казати безденежно и безубыточно по сеи отписе. На то послуши: Аѳонасеи Гавриловъ сынъ Швакова да Иванъ Кондратьевъ сынъ Немкова. Отпись писалъ Васка Антоньевъ сынъ лѣта 7104-го году апреля в 9 день“ ¹⁾.

Такіе частные способы храненія грамотъ не могли, конечно, замѣнить собою государственныхъ хранилищъ, имѣвшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ существенное значеніе для ихъ удостовѣренія. Въ Псковѣ при церкви Св. Троицы, напримѣръ, давно уже существовалъ особый „ларь“ для храненія въ немъ грамотъ, въ частности крѣпостныхъ актовъ ²⁾. Такія хранилища возникли и при присутственныхъ мѣстахъ Московскаго государства. Кромѣ Посольскаго приказа, можно упомянуть, напримѣръ, о Помѣстномъ приказѣ, архивъ котораго, вѣроятно, существовалъ уже въ XV вѣкѣ: въ одномъ судебномъ дѣлѣ 1495 года рѣчь идетъ, между прочимъ, о томъ, что судья, князь Василій Ивановичъ [Голенинъ?] „велѣлъ дьяку своему Олешкѣ Безобразову у дьяка у Микифора [Кобелева?] ис Костромскихъ книгъ [1465 (6973) года] монастырскіе земли Троецкіе выписать, да собѣ сказати. И Олешка дьякъ у Микифора дьяка изъ книгъ выписалъ...“ Въ виду того, что

¹⁾ А. Ю. Б., т. III, № 312, IV. Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 350. Въ выше упомянутой записи членовъ Арзамасской артели (см. с. 48) выдача отданнаго на сохраненіе акта ограничена особаго рода условіями, отчасти намекающими на мотивы отдачи ея на храненіе третьему лицу: „а сю записъ, читаемъ мы здѣсь, излюбя, положили за третьего, города Арзамаса за Воздвиженскаго попа Івана Васильева, и тому нашему третьему выдать сю нашу записъ правому на виноватого, какъ споръ учинитца, съ воеводскаго доклада, при добрыхъ людехъ, всѣмъ намъ вмѣстѣ, а одному изъ насъ никому отнюдь не выдавать“; см. А. Ю. Б., т. I, № 111.

²⁾ Псковская Судная Грамота, ст. 14 и 38.

писцовыя книги, по крайней мѣрѣ, въ нѣсколько позднѣйшее время хранились въ Помѣстномъ приказѣ, можно предполагать, что и въ данномъ случаѣ справка, нужная князю Василию Ивановичу [Голенину?] наводилась въ архивѣ Помѣстнаго приказа. Въ другомъ судномъ спискѣ 1504 года разсказывается о томъ, какъ по поводу жалованной грамоты, данной княземъ Верейскимъ и Бѣлозерскимъ Михаиломъ Андреевичемъ, подлинникъ которой былъ увезенъ въ Москву Бѣлозерскимъ писцомъ Василиемъ Долматовымъ, писавшимъ уѣздъ около 1485 (6993) года, тотъ-же судья князь Василий Ивановичъ Голенинъ, „по великого князя слову Ивана Васильевича всея Руси, грамоты жалованные князю Михайлову Ондреевичу въ казнѣ доискался и возрилъ въ грамоту...“ Если такая грамота не находилась въ царской казнѣ, состоявшей, по всей вѣроятности, при Посольскомъ приказѣ, то она могла оказаться въ архивѣ Помѣстнаго приказа: тутъ, по крайней мѣрѣ, во второй половинѣ того-же вѣка уже хранились „вотчинныя крѣпости“, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ указная грамота Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ 1566 года; здѣсь мы читаемъ: „а въ книги деи в Помѣстной избѣ, в которыхъ записываютъ вотчинныя крѣпости, князь Ондрей з братъею [Кривоборскіе] да и они того сельца и деревень не записали и то деи ихъ сельцо и деревни Петръ Лихоревъ да подъячей Костя Толмачевъ роздали въ помѣстья дѣтемъ боярскимъ по государеву указу...“¹⁾ Книги подобнаго рода, какъ видно изъ извѣстнаго дѣла С. Строилова съ М. Чертовымъ о закладной кабалѣ, хранились въ особыхъ ларяхъ, которые назывались по имени дьяковъ²⁾. Вообще, такой же порядокъ существовалъ и въ другихъ Московскихъ приказахъ, имѣвшихъ свой архивъ, напимѣръ, въ Разрядномъ: сюда, между прочимъ, поступило производство Палаты родословныхъ дѣлъ, въ составъ котораго вошли остатки фамильныхъ архи-

¹⁾ А. Г. Р., т. I, № 34, ст. 36. А. Ю. № 11, с. 21. Н. Лихачевъ, Библиотека и архивъ Московскихъ государей въ XVI столѣтіи, сс. 53—55.

²⁾ Н. Лихачевъ, Изъ лекцій по дипломатіи, С.-Пб. 1905—1906 г.г., сс. 23, 31. Дѣло относится въ 1565—1566 годамъ.

вовъ служилыхъ родовъ, въ томъ числѣ частныя акты XIV—XVII столѣтій (въ копіяхъ): докладныя, полныя и заемныя (рязанскія), купчія, данныя, дѣловыя и проч.¹⁾ Въ архивахъ другихъ приказовъ, смотря по ихъ вѣдомствамъ, могли быть и частныя акты, напимѣръ: въ приказѣ Холопьяго суда, въ Земскомъ приказѣ, въ Судномъ приказѣ и т. п.²⁾ При Оружейной палатѣ также хранились книги записныя разныхъ дѣлъ, вѣроятно, нѣсколько позднѣйшаго времени; онѣ заключаютъ въ себѣ: явочныя прошенія о бѣглыхъ людяхъ, купчія и данныя на имѣнія и дворы, записныя книги суднымъ дѣламъ, очнымъ ставкамъ и невершеннымъ старымъ дѣламъ, которыя вершены будутъ, и т. п.; кромѣ того, тутъ-же хранились и другіе частныя акты, вѣроятно, занесенные въ такіе-же книги, напимѣръ, жилыя записи (наемъ услугъ и въ ученіе), наемныя жилыя записи (отдача въ наемъ домовъ, лавокъ и проч.), поручныя записи, справочныя прошенія (просьбы писцовъ о томъ, чтобы велѣно было отвѣтчиковъ, не явившихся по приставнымъ памятямъ, представить къ суду), срочныя сказки (сроки, назначенные поручителями для явки въ судъ) и т. п.³⁾ Кромѣ центральныхъ учреждений, мѣстныхъ, въ особенности съѣзжія избы, гдѣ представлялись крѣпостные акты къ запискѣ въ книги, также имѣли

¹⁾ Акты XIII—XVII вв., представленные въ Разрядный приказъ представителями служилыхъ фамилій послѣ отмены мѣстничества. Ч. I, 1257—1613 г.г. Съ предисловіемъ А. И. Юшкова, въ Чт. М. О. И. и Др. 1898 г., кн. II—IV, сс. VI—VIII. Впрочемъ, судя по описи дѣламъ, вынесеннымъ изъ Разряда во время пожара 1626 года, въ его архивѣ не числилось особыхъ фондовъ частныхъ актовъ, упоминается одна поручная; см. Н. Лихачевъ, Библиотека и архивъ Московскихъ государей въ XVI столѣтіи, сс. 53—81. Въ описаніи документовъ Разряднаго приказа встрѣчаются дѣла, касающіяся сыска крестьянъ и холоповъ, межеванія и т. п., въ составѣ которыхъ могли-бы оказаться и частныя акты; см., напимѣръ, Опис. док. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст., кн. XI, сс. 31, 106, 155, 191, 209, 473 (поручныя) и др.; кн. XIV, сс. 169, 185, 212, 350, 408 и др.

²⁾ А. И., т. I, № 221; т. III, № 92, ст. XXII.

³⁾ Краткое описаніе примѣчательныхъ книгъ и рукописей, находящихся въ архивѣ при Мастерской и Оружейной палатѣ, въ Вѣстникъ Европы 1827 г. № 16, сс. 256—257.

свои собранія частныхъ актовъ, напримѣръ, въ Новгородѣ, Устюжнѣ Желѣзнопольской, Соликамскѣ и т. п. ¹⁾.

Благодаря централизациі правительственныхъ архивовъ, которая стала развиваться въ XVIII вѣкѣ, въ особенности послѣ упраздненія старинныхъ присутственныхъ мѣстъ, въ нихъ стало сосредоточиваться большое количество актовъ, въ томъ числѣ и частныхъ.

Такой процессъ совершался, однако, не безъ колебаній. вмѣсто того, чтобы писать въ Москвѣ акты въ палаткѣ Ивановской площади, какъ водилось изстари, указомъ 1699 года декабря 9 велѣно писать ихъ въ Помѣстномъ приказѣ, что, впрочемъ, вскорѣ было отмѣнено. Вслѣдъ затѣмъ указомъ 1704 года января 31 предписано вносить старыя и новыя крѣпости и брать съ нихъ пошлины въ Судномъ приказѣ, а въ другихъ городахъ по земскимъ избамъ, но и указъ 1704 года оставался въ силѣ недолго и, вѣроятно, не помѣшалъ вернуться къ прежнему порядку взиманія крѣпостныхъ пошлинъ въ Помѣстномъ приказѣ. Въ 1720 году (указами 13 февраля и 19 июня) велѣно было писать всякія крѣпости въ Юстицъ-Коллегіи, причемъ прежній порядокъ взиманія крѣпостныхъ пошлинъ былъ снова измѣненъ указомъ 1723 года іюля 11-го, въ силу котораго крѣпостныя пошлины стали собираться въ Крѣпостной конторѣ. Вскорѣ, однако, порядокъ писанія крѣпостей былъ снова измѣненъ: кромѣ Вотчинной Коллегіи, которая, судя по сенатскому указу 1726 года, завѣдывала запиской купчихъ и закладныхъ, справкой за дѣтьми, послѣ отцовъ и другихъ родственниковъ, по наслѣдству и т. п., указомъ 1731 года іюня 17-го велѣно было всякія крѣпости писать, свыше ста рублей, въ губернскихъ и провинціальныхъ городахъ опредѣленнымъ къ тому канцелярскимъ чиновникамъ, въ Москвѣ подъ надзоромъ Юстицъ-Коллегіи, а въ городахъ подъ смотрѣніемъ губернаторовъ и воеводъ. Наконецъ, по упраздненіи Юстицъ-Коллегіи и Вотчинной конторы, замѣ-

¹⁾ А. Ю. Б., т. II, №№ 129, II; 148 и 397. Б. Грековъ, Описаніе актовыхъ книгъ Археографической Коммиссіи, въ Лѣтоп. зап. Археогр. Ком. в. XXVIII (1916 г.), сс. 7, 61, 68.

нявшихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Помѣстный и Судный приказы, вступила въ ихъ права, въ силу Учрежденія о губерніяхъ 1775 года, Палата гражданскаго суда; впрочемъ, акты на недвижимыя имѣнія совершались и въ уѣздныхъ судахъ. Вскорѣ затѣмъ наряду съ Вотчиннымъ архивомъ, извѣстнымъ подъ такимъ названіемъ уже съ 1726 года, учрежденъ былъ еще Государственный Архивъ старыхъ дѣлъ въ Петербургѣ указомъ 24 октября 1780 года и въ Москвѣ указомъ 2 октября 1782 года; сюда стали стекаться дѣла вышеназванныхъ упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ ¹⁾. Съ теченіемъ времени той же судьбѣ подверглись и документы губернскихъ учреждений: вмѣстѣ съ Архивами старыхъ дѣлъ и Вотчиннымъ, получившимъ, въ качествѣ особаго учрежденія, свои штаты лишь въ силу указа отъ 7 января 1786 года, они были переданы послѣ судебной реформы 20 ноября 1864 года на храненіе въ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, гдѣ, такимъ образомъ, и сосредоточилась главная масса старинныхъ документовъ, въ томъ числѣ и частныхъ актовъ ²⁾.

Въ настоящее время Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, образованный 7-го іюля 1852 года, состоитъ изъ трехъ отдѣленій, между которыми и распредѣлены документы вышеназванныхъ прежнихъ хранилищъ: кромѣ Разряднаго Архива, дѣла котораго были переданы въ I отдѣленіе, документы Архива старыхъ дѣлъ составили II отдѣленіе, а документы Вотчиннаго Архива — III отдѣленіе нынѣшняго Архива Министерства Юстиціи ³⁾.

Въ составъ II отдѣленія вошли, между прочимъ, фонды,

¹⁾ И. С. З., т. XX, № 15074, т. XXI, № 15530. Печатныя пошлины взимались сперва въ Печатномъ приказѣ, а съ 1722 года въ Печатныхъ конторахъ (Петербургской и Московской), упраздненныхъ указомъ 15 декабря 1763 года. Государственный Московскій архивъ старыхъ дѣлъ былъ официально открытъ 13 марта 1783 года.

²⁾ Описаніе докум. и бум. Моск. Арх. Мин. Юстиціи, т. V, сс. 153—218 о челобитчиковыхъ дѣлахъ, особенно сс. 178—182), 399—445.

³⁾ Сборникъ матеріаловъ, относящихся до архивной части въ Россіи, Петр. 1916, т. I, сс. 361—425.

имѣющіе значеніе и для изученія частныхъ актовъ; сюда относятся: а) дѣла Суднаго приказа, соединившаго въ себѣ производства нѣсколькихъ старинныхъ приказовъ (Московского, Владимірскаго, Дмитровскаго и др.); в) дѣла Юстицъ-Коллегіи и ея конторы, въ томъ числѣ, напримѣръ, „книги записныя вотчинныя“ въ продажѣ вотчинъ (вмѣстѣ съ людьми и крестьянами); „книги записныя крестьянскія“ въ продажѣ крестьянъ, выдачѣ отпускныхъ и т. п.; „книги записныя письма крѣпостей“: купчихъ, поступныхъ, закладныхъ и т. п.; „книги крѣпостныя жилища“, содержащія жилища, т. е. сдѣлки личнаго найма или отработки долга; „книги записныя наемныхъ дворовъ, дворцовыхъ земель“ и пр.; „книги записныя въ займѣ денегъ“ по заемнымъ кабаламъ и подѣ закладъ движимаго и недвижимаго имущества; „книги записныя духовныхъ завѣщаній“, явленныхъ въ Юстицъ-Коллегіи; „книги подлинныя вѣрющимъ письмамъ“ съ записями довѣренностей; „книги записныя приказныя поручнымъ записямъ“; с) дѣла Коллегіи Экономіи, завѣдывавшей управленіемъ церковными имуществами и сборами съ нихъ податей, въ особенности послѣ ихъ секуляризаци; вмѣстѣ съ ея дѣлопроизводствомъ поступило богатое „собраніе грамотъ Коллегіи Экономіи“. Въ общей сложности въ дѣлахъ Коллегіи Экономіи насчитывается до 608 книгъ съ грамотами (въ спискахъ) и до 15028 отдѣльныхъ подлинныхъ грамотъ, расположенныхъ по уѣздамъ и относящихся къ 1356 — 1795 годамъ; между ними много частныхъ актовъ ¹⁾.

Въ составъ III отдѣленія вошли дѣла Помѣстнаго приказа, а также вотчинной коллегіи (съ конторой и департаментомъ) и вотчинные архивы; они заключаютъ въ себѣ, кромѣ значительнаго собранія писцовыхъ и другихъ книгъ, челобитныя о дачѣ помѣстій, о запискѣ за просителями пріо-

¹⁾ И. Ивановъ, Описаніе Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ, М. 1850 г., сс. 27—29, 45—56, 72—73. Памятная книжка Московскаго Архива Министерства Юстиціи, М. 1890 г., сс. 47, 57, 61—62, 69—73 и др. О Разрядномъ архивѣ см. выше, с. 61, прим. 1. Ср. А. Лаппо-Данилевскій, Планъ изданія архивныхъ документовъ XVI—XVIII вв., въ Прил. къ прот. Ист.-Фил. Отд. Академіи Наукъ, 10 янв. 1901 г.

брѣтенныхъ ими имѣній, о нарушеніяхъ поземельныхъ правъ и проч., а также справки по челобитнымъ, допросы, распоряженія о запискѣ и отказѣ земель за новыми пріобрѣтателями, разборъ и судъ по спорнымъ дѣламъ, съ приговорами по нимъ, и т. п. Въ такихъ дѣлахъ попадаются, конечно, и частные акты, напримѣръ, записныя книги подлиннымъ крѣпостямъ на земли съ крестьянами и на крестьянъ безъ земли, а также записныя книги явленнымъ крѣпостямъ (купчимъ, закладнымъ и проч.), [заключаютъ] документы, касающіеся недвижимыхъ имѣній: данныя, раздѣльныя, мѣновныя, сдаточныя на помѣстья, отпускныя крестьянъ на волю мировыя и т. п. ¹⁾.

Кромѣ того, въ Архивѣ Министерства Юстиціи имѣются дѣла изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ, упрощенныхъ судебною реформою 20 ноября 1864 года, въ томъ числѣ и дѣла гражданскихъ палатъ разныхъ губерній, содержащія также частные акты; слѣдуетъ замѣтить, что даже въ позднѣйшихъ дѣлахъ XVIII вѣка (особенно касающихся землевладѣнія) почти постоянно встрѣчаются въ копіяхъ документы болѣе ранняго времени: XVI и XVII вв. ²⁾.

Кромѣ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, сосредоточившаго въ себѣ храненіе большинства старѣйшихъ актовъ, въ особенности частныхъ, можно указать еще на менѣе значительныя хранилища актовъ, преимущественно частныхъ. Въ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ, напримѣръ, имѣются собранія И. Д. Бѣляева, который составилъ коллекцію 2254, главнымъ образомъ, частныхъ актовъ XV—XVII вв., и Я. П. Гарелина, менѣе систематическаго и болѣе разнороднаго по своему содержанію, въ количествѣ 3016 грамотъ, относящихся „почти исключительно къ Суздальской области“, преимущественно XVII вѣка ³⁾.

¹⁾ Памятная книжка Московскаго Архива Министерства Юстиціи, сс. 38—52.

²⁾ Ibid., сс. 149, 150 и др.

³⁾ Д. Лебедевъ, Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣляева, М. 1881 г. *Его-же*, Описаніе собранія рукописей Я. П. Гарелина, въ Отчетѣ Отдѣленія рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ за 1886—1888 г.г., сс. 1—86.

Въ числѣ архивовъ, образованныхъ еще въ XVIII вѣкѣ, но не слившихся съ Московскимъ архивомъ Министерства Юстиціи, можно указать еще на одно хранилище, имѣющее близкое отношеніе къ изученію частныхъ актовъ: архивъ Межевой Канцеляріи, возникшій благодаря указу 16 января 1768 года, содержитъ богатое собраніе подлинныхъ плаповъ и межевыхъ книгъ на всѣ дачи и участки, а равно и многіе другіе межевые матеріалы, выясняющіе положеніе поземельной собственности во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ производилось и донинѣ еще производится межеваніе; матеріалы, собранные въ немъ, даютъ возможность опредѣлить положеніе, пространство и границы поземельныхъ владѣній, т.-е. „существенно важныя данныя, безъ которыхъ точная опредѣлительность поземельной собственности немислима“, главнымъ образомъ, со времени обнародованія межевой инструкціи 1766 года; нѣсколько позднѣе, а именно съ 1796 года, архивъ былъ раздѣленъ на два отдѣла: писцовый, дающій понятіе о межевыхъ дѣйствіяхъ по каждой дачѣ, и чертежный, состоящій изъ межевыхъ документовъ, порожденныхъ такими дѣйствіями, т.-е. изъ плановъ и межевыхъ книгъ, относящихся, главнымъ образомъ, къ XVIII—XIX столѣтіямъ¹⁾.

Менѣе важное значеніе для дипломатики частныхъ актовъ имѣютъ другія Московскія хранилища, едва-ли содержащія цѣльные фонды подобнаго рода. Въ числѣ ихъ нельзя не отмѣтить Синодальную бібліотеку, въ которой есть нѣсколько сборниковъ актовъ, любопытныхъ въ дипломатическомъ отношеніи, а также Главный Архивъ Министерства Иностран-ныхъ Дѣлъ; здѣсь, по „не дипломатическому отдѣлу“, хранятся, между прочимъ, духовныя и другія крѣпости и записи московскихъ и удѣльныхъ князей, а также поручныя записи князей и бояръ; приказныя дѣла старыхъ и новыхъ лѣтъ, въ составѣ которыхъ встрѣчаются частныя акты: порядныя, поручныя и т. п.; нѣкоторыя записныя книги крѣпостямъ,

¹⁾ М., Архивъ Межевой Канцеляріи, въ Русскомъ Вѣстникѣ 1868 г., Совр. лѣт., №№ 33, 37, 38, 42 и 46; 1869 г., № 10 См. отд. отт. М. 1868 г., I, сс. 6, 7; II, сс. 25, 29; IV, сс. 9 (объ „экономическихъ примѣчаніяхъ“). 32.

напримѣръ, по Новгороду и Нижнему-Новгороду; акты о выѣздѣ въ Россію иностранцевъ; портфели Г. Ф. Миллера съ значительнымъ количествомъ сибирскихъ актовъ и т. п.¹⁾.

Петроградскія хранилища, возникшія въ болѣе позднее время и образовавшіяся изъ довольно разнообразныхъ, иногда случайныхъ пріобрѣтеній, особенно Публичная Библіотека и Археографическая Комиссія обладаютъ довольно значительными собраніями актовъ. Въ рукописное отдѣленіе Публичной Библіотеки, между прочимъ, поступило, кромѣ извѣстнаго собранія графа Ѳ. А. Толстого, богатое древлехранилище М. П. Погодина, въ составѣ котораго оказалось не мало пергаминныхъ грамотъ Коллегіи Экономіи, а также другихъ актовъ²⁾. Въ Археографической Комиссіи, кромѣ нѣсколькихъ сотъ грамотъ, нѣкогда принадлежавшихъ Коллегіи Экономіи, и актовъ Новгородской казенной палаты, касающихся вотчинныхъ владѣній Софійскаго митрополичьего дома, а также разныхъ монастырей и церквей, хранятся еще: собраніе П. М. Строева (общимъ числомъ до 3330 нумеровъ), изъ котораго почти исключительно почерпнуты были матеріалы для извѣстнаго сборника „Актовъ Юридическихъ“; дѣлѣ, коллекціи П. И. Савваитова (вологодскіе акты), В. Борисова (шуйскіе акты) и Каблукова (въ послѣдней есть акты XVIII вѣка); довольно богатый архивъ бывшаго Коряжм-скаго монастыря и другіе фонды³⁾. Менѣе важное значеніе

¹⁾ Сборн. Моск. Главн. Арх. Мян. Ии. Дѣл., в. II. М. 1882, сс. 137—138 и др.

²⁾ К. Калийдовичъ и П. Строевъ, Описаніе славяно-россійскихъ рукописей... графа Ѳ. А. Толстого. М. 1823 г. Первое и второе прибавленіе къ нему издано П. Строевымъ въ С.-Пб. и М., въ 1825 г. и 1827 гг. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1852 г., С.-Пб. 1853 г., с. 42—52; то-же за 1876 г. С.-Пб. 1878 г., сс. 25—26 и др.

³⁾ А. Ю., с. III. „Архивъ П. М. Строева“, изданіе Археографической Комиссіи, въ Р. И. Б., тт. XXXII и XXXV. Н. Барсуковъ, Рукописи Археографической Комиссіи, С.-Пб. 1882 г. М. Курдюмовъ, Описаніе актовъ, хранящихся въ архивѣ Императорской Археографической Комиссіи, въ Лѣтоп. зап. Археогр. Ком., вв. 19 (1908 г.), 21 (1909 г.), 23 (1911 г.), 26 (1914 г.) и 27 (1915 г.); тутъ-же описаны акты Кунгурскіе и Соликамскіе, акты Муромскаго и Бѣжецкаго уѣзднаго судовъ, акты Тульскаго губернскаго правленія и Каширскаго го-

имѣютъ для дипломатики частныхъ актовъ нѣкоторые другіе петроградскія хранилища, напримѣръ, архивъ Святѣйшаго Синода, заключающій, между прочимъ, грамоты, завѣщанія духовныхъ лицъ, имущественныя описи позднѣйшаго времени и т. п.; при немъ имѣется собраніе актовъ И. К. Значенна: оно преимущественно касается поморскихъ уѣздовъ и содержитъ не мало частныхъ актовъ¹⁾. Въ рукописное отдѣленіе Библиотeki Россійской Академіи Наукъ также поступило нѣсколько собраній актовъ: Я. П. Бердникова, І. Х. Гамеля, К. К. Ширрена, М. И. Семевского и Н. Н. Кашкина, дополненныхъ позднѣйшими приобрѣтеніями куростровскихъ, важскихъ и пошехонскихъ столбцовъ, а также актовъ, касающихся крестьянской вѣтви Строгановыхъ. Въ Археологическомъ Институтѣ находится нѣсколько „старинныхъ рукописей, начиная съ XV вѣка, свитковъ и грамотъ“, между которыми особое мѣсто занимаетъ нѣкоторая часть вотчиннаго архива князей Куракинскихъ²⁾.

Кромѣ столичныхъ архивовъ, можно, конечно, указать и на нѣкоторые областныя и провинціальныя. Въ числѣ областныхъ архивовъ особенно значительны „центральные“ архивы: Кіевскій, Виленскій и Витебскій³⁾. Въ провинціальныхъ хранилищахъ, особенно въ монастыряхъ, архивы которыхъ не перешли въ центральныя вѣдомства или не разошлись по рукамъ или исчезли, еще имѣются матеріалы подобнаго рода, напримѣръ, въ Соловецкомъ, Кирилло-Новозерскомъ, Александро-Свирскомъ, Колязинскомъ, Спасо-Евфиміевскомъ, Тихвинскомъ и т. п.⁴⁾. Въ частныхъ хранилищахъ, напримѣръ, графа А. С.

родническаго правленія, также поступившіе въ Комиссію. Документы, попавшіе туда-же изъ Вятской казенной палаты, судя по описанію М. А. Островской, не относятся къ частнымъ актамъ; см. тамъ-же, в. 18 (1905 г.).

¹⁾ Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, т. I (1868 г.) и друг. Ср. М. Островская, Земельный бытъ сельскаго населенія Русскаго Сѣвера въ XVI—XVII вѣкахъ, С.-Пб 1913 г., сс. 24, 26, 30 и др.

²⁾ Вѣстн. Археол. и Ист., в. VIII, с. 15.

³⁾ Сборн. Археол. Ист., в. III (1880), сс. 55—82; в. V, сс. 45—56.

⁴⁾ А. Викторовъ, Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ Сѣверной Россіи, Спб. 1890, сс. 132, 169, 195, 283—284, 316 и др.

Уварова, А. А. Титова, И. А. Вахрамѣева, графа М. М. Толстого и др. имѣются также собранія частныхъ актовъ¹⁾.

Положеніе нашихъ нотаріальныхъ архивовъ, столь важныхъ для изученія частныхъ актовъ позднѣйшаго времени, до сихъ поръ мало выяснено. По силѣ 42 статьи Положенія о нотаріальной части, при каждомъ окружномъ судѣ учреждается, подъ завѣдываніемъ старшаго нотаріуса, нотаріальный архивъ для храненія крѣпостныхъ, запретительныхъ и разрѣшительныхъ книгъ, а также книгъ, реестровъ и подписей нотаріусовъ и лицъ, ихъ замѣняющихъ²⁾. Въ 1867 году 27 іюня были высочайше утверждены штаты нотаріальныхъ архивовъ при окружныхъ судахъ, раздѣленныхъ на четыре разряда³⁾.

Накопецъ, кромѣ отмѣченныхъ выше главнѣйшихъ хранилищъ, можно было бы указать и на многія другія, въ составъ которыхъ вошли и частныя акты; но они большею частью представляются въ довольно разрозненномъ видѣ и не поддаются систематическому обзорѣ.

§ 2. Развитие русской дипломатики и ея литература.

Русская дипломатика частныхъ актовъ возникла сравнительно недавно и не отличается богатствомъ своей литературы. Въ древности, разумѣется, научныя свѣдѣнія по дипломатикѣ еще не выдѣлились въ особую дисциплину и лишь практически примѣнялись въ канцеляріяхъ, напримѣръ, великокняжеской и митрополичьей, или при разсмотрѣніи на судахъ грамотъ, вызывавшихъ сомнѣніе въ ихъ подлинности; свѣдѣнія о такомъ разбирательствѣ можно почерпнуть изъ правыхъ грамотъ, напримѣръ, той, которая была выдана по поводу тяжбы между С. В. Стромилковымъ и И. М. Черто-

¹⁾ Описаніе актовъ собранія графа А. С. Уварова, Акты историческіе, М. 1905. В. Иконниковъ, Новыя коллекціи рукописей въ Россіи, въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1889 года. А. Маркевичъ, Описаніе актовъ, принадлежащихъ графу М. М. Толстому. Одесса, 1881.

²⁾ Сборн. матер., относящихся до архивной части въ Россіи, т. II, сс. 210—214.

вымъ, 1565—1566 г.г.¹⁾. Впрочемъ, можно указать на попытки дипломатическаго обращенія съ актами уже въ XVII вѣкѣ. Въ одномъ сборникѣ того времени, можетъ быть, принадлежащемъ монаху Евѣимію и писанномъ тѣмъ же почеркомъ, что и книга „Щитъ вѣры“, вслѣдъ за словомъ о житіи митрополита Алексія составитель помѣстилъ копін съ ярлыковъ, выданныхъ ханами русскимъ митрополитамъ, съ слѣдующей предварительной замѣткой: „Достоитъ пзъявити, како царіе ординстіи чествоваху архіереи російскія и како церковь свитую и церковники свободны имяху отъ всякихъ даней и поборовъ“. „Ярлыки, сирѣчь жаловалныя грамоты и каковы давали царіе ординстіи и вси митрополитомъ Кіевскимъ и всея Русіи, легость церковнымъ домомъ и людемъ“. Далѣе слѣдуетъ перечисленіе ярлыковъ—всѣхъ ярлыковъ шесть. Послѣ нихъ приписка, часто встрѣчающаяся за ярлыками: „суть же и иныя велицы ерлыцы предаѣи быша церкви Божіей“ и пр. Вслѣдъ за этимъ составитель присоединилъ списокъ съ „грамматъ на паргаминѣ писанную св. Алексія митрополита всея Россіи, подписанную по гречески рукою его свойственною, обрѣтающаяся въ домовоѣ казнѣ Рязанскія митрополіи“. Эта грамота писана митрополитомъ на Червленый Яръ боярамъ и духовенству о подчиненіи (ихъ?) Рязанскому епископу; она напечатана въ А. И., т. I, № 3. Въ концѣ грамоты списана подпись митрополита, которой въ печати нѣтъ:

„Алѣксѣѣ елѣѣѣ Ѳеодъ мѣтрополѣтъс пѣтъс Рѣссѣѣѣ хѣѣ ѡпѣртѣѣѣѣѣ“ и прибавлено: „и печать у граммати привѣшена, на единой странѣ образъ пречистыя Богородицы, на второй странѣ тожде подписаніе по гречески изваяно имущая“. Далѣе помѣщены матеріалы, не имѣющіе отношенія къ митрополиту Алексію; они касаются позднѣйшаго времени²⁾.

¹⁾ Н. Лихачевъ, Изъ лекцій по дипломатикѣ, СПб. 1906, сс. 21—31.

²⁾ А. Горскій и К. Невоструевъ, Описаніе слав. рукоп. Московской Синодальной Библіотеки, отд. II, ч. 3, М. (1862 г.), № 338, стр. 814—815: въ началѣ сборника (л. 1—13): краткій отрывокъ изъ Бароніи о Михаилѣ Кпруларіѣ и слово на бывшее чудо въ Колассаяхъ Фригійскихъ отъ всеславнаго архистратига Михаила. Въ разныхъ мѣстахъ сборника—выноски, поправки и приписки монаха Евѣимія; не ему-ли принадлежалъ сборникъ?

Въ слѣдующемъ столѣтіи нѣкоторые изъ ученыхъ, занимавшихся русской исторіей, уже обратили серьезное вниманіе на акты, напримѣръ, Г. Ф. Миллеръ и кн. М. М. Щербатовъ; Н. И. Новиковъ также напечаталъ нѣсколько частныхъ актовъ въ своей „Древней Россійской Вивліоѣикѣ“, вслѣдъ за которой появилось изданное Академіей „Продолженіе“. Само правительство, въ лицѣ императрицы Екатерины II, повиному, нѣсколько заинтересовалось „грамматами, какія и въ какомъ случаѣ употреблялись:

1. Въ иностранныя государства—во всякихъ случаяхъ.
2. Къ намѣстникамъ всѣхъ княженій—во всякихъ дѣлахъ.
3. Какъ отъ государей, такъ и изъ всѣхъ приказовъ—во всякихъ дѣлахъ.
4. Уставныя—для учрежденія каково либо порядка или положенія податей.
5. Опасныя—ежели на кого кто похвалится убивствомъ давались съ таковымъ предписаніемъ, если тотъ, кому дапа сіи грамота, убить будетъ, то будетъ признанъ убійцею тотъ, кто похвалялся.
6. Несудимыя—даваны съ тѣмъ, чтобы они въ городахъ, а иногда и кромѣ государей, нп въ какихъ дѣлахъ судимы не были; оныя Уложеніемъ отставлены.
7. Жалованныя—на дворцовыя, родовыя и купленные деревни и на такія, которыя пожалованы изъ помѣстья въ вотчину, также на дворянство, но кто изведеніе изъ нижней въ вышнюю степень, на поверстаніе въ помѣстной окладъ и на опредѣленіе къ мѣсту для управленія чего.
8. Данныя—торговымъ людямъ на владѣніе лавокъ, кои и нынѣ даются на проданныя казенныя мѣста и дома, вмѣсто крѣпостей, на рыбныя ловли и пр., отданныя изъ оброку.
9. Оберегательныя или охранительныя листы—въ какомъ случаѣ давались, точно неизвѣстно.
10. Тарханныя или льготныя—давались съ обозначеніемъ

времени тѣмъ, которые освобождены бывали отъ поборовъ, податей и постою, или чѣмъ казеннымъ кому позволялось безъ платежа пользоваться, также и тѣмъ, кто придетъ изъ заграицы и поселится на дворцовыхъ земляхъ для освобожденія отъ поборовъ и податей.

11. Правия—тѣмъ, кто по суду въ чемъ оправленъ.
12. Уговорщикамъ хлѣбнымъ—подрядчикомъ, дабы не препятствовали имъ въ поставкѣ хлѣба.
13. Ссыскныя—посылалися для сыску и свидѣтельства порозжихъ земель.
14. Отказныя—для объявленія, что деревни или земли какія почитать во владѣніи кого либо и описанія оныхъ.
15. Вводныя—въ доказательство, что имѣетъ право владѣть тѣми деревнями или землями, которыя въ нихъ помянуты, вмѣсто коихъ нынѣ даются выписи на владѣніе.
16. Долговныя—указы о взысканіи съ кого какого долга по обязательствамъ.
17. Откупныя—объ отдачѣ на откупъ изъ казны чего.
18. Зазывныя—для позыву къ суду.
19. Проѣзжія—для проѣзда въ другія государства и изъ города въ городъ, вмѣсто коихъ нынѣ дается паспортъ.
20. Полѣтныя—въ случаѣ кому каково нещастія о невзысканіи долговъ на нѣкоторое время¹⁾.

Въ началѣ XIX вѣка кружокъ графа Н. П. Румянцева много сдѣлалъ для того, чтобы приготовить дальнѣйшее развитіе русской дипломатики: „Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ“ уже было основано на такихъ подготовительныхъ работахъ, хотя и не вполне удовлетворяетъ новѣйшимъ требованіямъ научно-издательской техники²⁾.

¹⁾ Госуд. Арх. X, № 19—„рукописи имп. Екатерины II“—л. 311

²⁾ Очеркъ дѣятельности Комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. М. 1877.

Старшій членъ кружка, Евгеній Болховитиновъ, собралъ обширный матеріалъ, появившійся на страницахъ извѣстнаго труда Амвросія Орнатскаго по исторіи Россійской іерархіи, гдѣ напечатано было немало актовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1818 году митрополитъ Евгеній уже выступилъ съ обстоятельной статьёй, посвященной дипломатическому обслѣдованію, согласно правиламъ Мабильона и Гаттерера, древнѣйшей изъ сохранившихся нашихъ грамотъ, а именно „грамоты великаго князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удѣльнаго князя Новгородскаго, пожалованной Новгородскому Юрьеву монастырю“; въ своей работѣ митрополитъ Евгеній обратилъ особенное вниманіе на время появленія грамоты, на нѣкоторыя невразумительныя слова ея текста, на матеріалъ и чернила, послужившіе для ея написанія, на почеркъ и образецъ буквъ и правописаніе, а также на строчные и надстрочные при буквахъ знаки, и, наконецъ, на „признаки удостовѣренія дателя грамоты“, причемъ остановился на разборѣ рукоприкладствъ и, по поводу вопроса о печатяхъ, описать всѣ извѣстныя ему великокняжескія, царскія и архіерейскія печати¹⁾. Одинъ изъ младшихъ членовъ кружка, К. Θ. Калайдовичъ, выступилъ по поводу напечатанныхъ Х. А. Шлецеромъ двухъ грамотъ, касающихся сношеній Новгорода съ Ганзою, съ истолкованіемъ ихъ смысла и содержанія²⁾. Вскорѣ затѣмъ С. Г. Саларевъ сдѣлалъ попытку разобраться въ разновидностяхъ русскіихъ грамотъ и, между прочимъ, дать краткую характеристику „крѣпостей“, т. е. купчихъ, закладныхъ, поступныхъ и проч., а также сдаточныхъ, полныхъ и отпускныхъ, раздѣльныхъ или передѣльныхъ, духовныхъ или завѣщательныхъ, отказныхъ и межевыхъ, служилыхъ и заемныхъ кабалъ, поручныхъ и т. п., причемъ сообщилъ нѣсколько

¹⁾ Митрополитъ *Евгеній*, Примѣчанія на грамоту великаго князя Мстислава Володимировича и проч., въ Вѣстникѣ Европы 1818 года, ч. С и СІ, №№ 15—16, 20, сс. 200—255.

²⁾ К. Калайдовичъ, Замѣчанія и объясненія двухъ грамотъ Новгородскихъ, въ Вѣстникѣ Европы 1812 года, ч. 61, № 3, сс. 204—232; грамоты были напечатаны Х. А. Шлецеромъ тамъ же. 1811 г., №№ 23 и 24.

свѣдѣній, не всегда, впрочемъ, безошибочныхъ, о ихъ значеніи и способахъ ихъ удостовѣренія¹⁾).

Къ тому же времени относится и появленіе анонимной книги „Объ актахъ крѣпостныхъ, завѣщательныхъ, договорныхъ, заемныхъ и вексельныхъ“. Авторъ, писавшій свой трудъ въ виду не столько научныхъ, сколько практическихъ цѣлей, даетъ прежде всего общее понятіе объ актѣ, т. е. о „знакѣ, утверждающемъ принадлежность какой либо вещи или отношеніе одного человѣка къ другому“, и выясняетъ происхожденіе актовъ, а затѣмъ переходитъ къ разсмотрѣнію отдѣльных видовъ: купчихъ, „дареныхъ“, рѣчныхъ и раздѣльныхъ записей, духовныхъ завѣщаній, условій, контрактовъ, векселей, закладныхъ и всѣхъ родовъ заемныхъ писемъ, присоединяя къ нему ихъ образцы, которые могутъ служить иллюстраціями формуляровъ старинныхъ частныхъ актовъ²⁾. Въ то же время П. М. Строевъ приступилъ къ цѣлому ряду археографическихъ работъ, положившихъ прочное основаніе русской дипломатикѣ: подъ вліяніемъ графа Н. П. Румянцева онъ принялся за собираніе и изданіе актовъ; во время своей извѣстной археографической экспедиціи онъ вывезъ значительную ихъ коллекцію, въ томъ числѣ не мало частныхъ; послѣдніе и составили главное содержаніе того систематическаго сборника „Актовъ Юридическихъ“, который былъ изданъ Археографической Комиссіей въ 1838 году и до сихъ поръ является главнѣйшимъ источникомъ для ознакомленія съ основными разновидностями частныхъ актовъ³⁾).

Основаніе Археографической Комиссіи Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1834 году содѣйствовало дальнѣйшему развитію подобныхъ работъ⁴⁾; въ ея составѣ послѣ

¹⁾ С. Саларевъ. Описаніе разнаго рода російскихъ грамотъ, въ Вѣстникѣ Европы 1819 г., ч.ч. CIV и CIV, №№ 4 и 5, въ особенности № 5, сс. 29—38.

²⁾ Объ актахъ и проч. М. 1819 г.

³⁾ П. Барсуковъ, Жизнь и труды П. М. Строева, С.-Пб. 1878 г.

⁴⁾ Дѣятельность Археографической Комиссіи въ царствованіе государя императора Александра II (19 февраля 1835 г.—19 февраля 1880 г.), С.-Пб. 1880 г. Пятидесятилѣтіе Археографической Комиссіи, С.-Пб. 1885 г. Семидесятилѣтіе Императорской Археографической Комиссіи (1834—1909). С.-Пб. 1909 г.

П. М. Строева и Я. И. Бердникова главнымъ редакторомъ сталъ А. А. Куникъ.

А. А. Куникъ обладалъ большими знаніями, но эти знанія ему такъ и не удалось собрать въ систему. Имъ выдвинуты были два вопроса, изъ которыхъ первый касался составленія указателя русскихъ грамотъ. Еще до него въ этомъ направленіи были сдѣланы нѣкоторыя попытки, оказавшіяся не вполнѣ удачными. Такъ, А. В. Терещенко занялся составленіемъ списка всѣхъ актовъ на русскомъ языкѣ, разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ трудился онъ надъ собираніемъ матеріаловъ, и все же въ его указатель вошло едва ли многимъ болѣе половины всѣхъ напечатанныхъ къ тому времени грамотъ. Куникъ, которому Археографической Комиссіей поручено было приступить къ изданію указателя Терещенко, убѣдился въ томъ, что указатель этотъ во многихъ отношеніяхъ оказывается неудовлетворительнымъ и предложилъ составить новый хронологическій указатель русскихъ грамотъ и документовъ. По его мнѣнію, приступая къ этой задачѣ, нужно прежде всего собрать весь относящійся сюда матеріалъ; затѣмъ слѣдуетъ дать перечень всѣхъ собранныхъ актовъ, который будетъ заключаться въ точной перепечаткѣ ихъ оглавленій. Лишь въ томъ случаѣ, если грамота вовсе не озаглавлена или озаглавлена неудовлетворительно, необходимо добавить нѣсколько словъ или добавить заглавіе, указывающее на содержаніе грамоты. За оглавленіями должно слѣдовать сперва хронологическій комментарий, потомъ указатель личныхъ и географическихъ именъ. Вторымъ вопросомъ, выдвинутымъ Куникомъ, касался необходимости разсмотрѣнія отдѣльныхъ грамотъ и другихъ документовъ, напечатанныхъ въ Исторической Библіотекѣ Комиссіи, въ Древней Россійской Вивліоикѣ и особыхъ археографическихъ сборникахъ, и затѣмъ описанія ихъ. И первому и второму вопросу Куникъ предполагалъ посвятить специальную книгу. Археографическая Комиссія предложила Кунику немедленно приступить къ намѣченной имъ работѣ, тѣмъ не менѣе это ни къ чему не привело. Хотя уже въ слѣдующемъ году Куникъ

заявилъ, что главный текстъ первой книги перечня русскихъ грамотъ имъ напечатанъ, но дальше этого дѣло не пошло, и до сихъ поръ остается даже невыясненнымъ, сохранился ли трудъ Куника.

Насчитывается 16 главнѣйшихъ сборниковъ частныхъ актовъ, изъ нихъ первые шесть—общіе(смѣшаннаго содержания), а остальные мѣстные:

1. Акты Юридическіе, СПб. 1838 года, изданы Археологической Комиссіей.
2. Акты, относящіеся до юридическаго быта, I—III, СПб. 1857—1884 г.г., также изданы Археологической Комиссіей.
3. Акты, представленные въ Разрядный приказъ, собраны и изданы А. Юшковымъ, ч. I. М. 1898 г.
4. Сборникъ актовъ, собранныхъ въ архивахъ и библиотекахъ (главнымъ образомъ, первой половины XVI в.). Выпускъ I: духовныя и сговорныя грамоты; выпускъ II: грамоты правыя. Собраны и изданы Н. Дихачевымъ, СПб. 1890 г.
5. Обзоръ грамотъ Коллегіи Экономіи С. Шумакова, вв. I—IV, М. 1899—1917 г.г. (бѣжецкихъ, ала-торскихъ, бѣлозерскихъ, костромскихъ, переславскихъ и т. д.).
6. Сотницы, грамоты и записи, изданныя С. Шумаковымъ, М. 1902—1913 г., вв. I—VII.
7. Двинскія грамоты XV вѣка, изданныя А. Шахматовымъ, СПб. 1903 г. (Новгородская традиція).
8. Новгородскія грамоты въ Записныхъ книгахъ крѣпостнымъ актамъ XV—XVI вѣковъ, явленнымъ въ Новгородѣ дяку Д. Алябеву—изданныя подъ редакціей А. Лавіера въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній Н. Калачова 1855 года, книга 2, пол. 1, отд. 2. и подъ редакціей А. Лаппо-Данплевскаго въ Русской Исторической Библиотекѣ, томъ XVII (1898 г.).

9. Русская Историческая Библіотека; особенно томъ II и т.т. XII, XIV, XXV (акты Холмогорской и Устюжской епархіи).
10. Древніе акты, относящіеся къ исторіи Вятскаго края, (приложеніе ко II тому сборника Столѣтіе Вятской губерніи), Вятка 1881 г.
11. Тверскіе акты, изданные подъ редакціей С. Шумакова, выпуски I—II, Тверь 1896—1897 г.
12. Угличскіе акты, изданные подъ редакціей С. Шумакова. М. 1899 г.
13. Грамоты Рязанскаго края А. Н. Пискарева. 1854 г.
14. Историческіе и юридическіе акты Казанской и сосѣдственныхъ съ нею губерній, собранные П. Мельниковымъ.
15. Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа Казанскаго Дворца, вып. I—VI, Казань—Симбирскъ 1882—1912 г.г.
16. Воронежскіе акты, изданные Н. Второвымъ и К. Александровымъ-Дольникомъ, I-е изд. 1849—1850 г.г., 2 кн., изд. II-е, 1850—1853 г.г., 3 кн., а также Воронежской Архивной Комиссіей (въ вып. V-мъ „Трудовъ“).

Несмотря на довольно значительное число болѣе или менѣе цѣнныхъ научныхъ изданій актовъ, современная литература по русской дипломатикѣ все еще очень небогата. Въ числѣ ученыхъ второй половины прошлаго вѣка, значительно подготовившихъ ея развитіе, нельзя не указать на знатока нашей древней письменности И. И. Срезневскаго, но, какъ филологъ, онъ изслѣдовалъ памятники по преимуществу съ точки зрѣнія палеографіи. Въ болѣе ранній періодъ И. Д. Бѣляевъ и Н. В. Калачовъ обнаружили нѣкоторый интересъ къ подобнаго рода изслѣдованіямъ. И. Д. Бѣляевъ напечаталъ нѣсколько статей, посвященныхъ, напримѣръ, выясне-

нію „Списковъ судныхъ, докладныхъ и грамотъ правыхъ и безсудныхъ въ Московскомъ Государствѣ“, а также „актовъ, устанавливающихъ крѣпостное право въ Россіи“, и напечаталъ нѣсколько другихъ частныхъ актовъ¹⁾. Н. В. Калачовъ также оказалъ не мало услугъ русской дипломатикѣ: онъ составилъ и издалъ новый систематическій и широко задуманный сборникъ актовъ, относящихся до юридическаго быта; вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ нѣсколько работъ, въ которыхъ онъ обратилъ вниманіе, на примѣръ, на старинные наши формулярники, содержащіе вступленія въ письма, и касался актовъ, записанныхъ въ крѣпостной книгѣ XVI в., „рядныхъ, въ въ смыслѣ свадебныхъ сговоровъ“ и „договоровъ вольныхъ людей о поступленіи въ крестьяне и дворовые на срочное время“ и т. п.; кромѣ того, онъ предпринималъ археографическія поѣздки въ разныя губерніи, причемъ представлялъ донесенія о нихъ предсѣдателю Археографической Комиссіи и ознакомилъ ученыхъ съ нѣкоторыми изъ ихъ результатовъ въ статьѣ, вышедшей подъ заглавіемъ: „Историческія замѣтки, собранныя въ Орлѣ и Мценскѣ“. Въ связи съ своей научной дѣятельностью, Н. В. Калачовъ выступилъ и въ качествѣ живого инициатора и организатора архивныхъ работъ: онъ много содѣйствовалъ новому устройству Московскаго архива Министерства Юстиціи и, въ званіи управляющаго имъ, образовалъ при немъ „ученый отдѣлъ“, приступившій къ описанію документовъ и бумагъ архива; онъ основалъ въ 1877 году С.-Петербургскій Археологическій Институтъ, который долженъ былъ готовить научно-образованныхъ архивистовъ, а незадолго до смерти въ 1884 году выхлопоталъ учрежденіе губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій,

¹⁾ Н. Билльегъ, Списки судные и прочіе, въ Архивѣ истор.-юрид. свѣд. Н. Калачова. 1855 г., кн. 2, пол. 1, отд. 3. *Его-же*, Законы и акты, устанавливающіе въ древней Руси крѣпостное состояніе и проч., въ Архивѣ истор. и практич. свѣд., относящ. до Россіи 1859 г., вып. 2. *Его-же*, Юридическіе акты XIV—XV вѣковъ, во Врем. Моск. Общ. Ист. и Древн. книга 16. Ср. *Его-же*, Способъ возстановлять поцѣпавшія и вытершіяся чернила въ древнихъ рукописяхъ, тамъ же, книга 4

на которыхъ была возложена обязанность сохранять архивные матеріалы въ провинціальныхъ центрахъ¹⁾.

Въ позднѣйшее время стали появляться болѣе систематическіе труды по дипломатикѣ. Весьма полезнымъ пособіемъ для ознакомленія съ главнѣйшими видами частныхъ актовъ и ихъ формулярами можетъ служить трудъ Д. Мейчика: Грамоты XIV и XV в. Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Ихъ форма, содержаніе и значеніе въ исторіи русскаго права. М. 1883 г. (изъ „Описанія докум. и бум. Московскаго Архива Министерства Юстиціи“, т. IV).

По русской дипломатикѣ въ болѣе точномъ смыслѣ слова можно указать, главнымъ образомъ, на труды Н. П. Лихачева и С. А. Шумакова. Давно уже занятый разработкой дипломатики Н. П. Лихачевъ успѣлъ, однако, пока дать лишь весьма обстоятельные обзоры ея исторіи на Западѣ и отчасти коснуться ея развитія у насъ въ связи съ учрежденіемъ и содержаніемъ нашихъ архивовъ, а также остановился на изученіи актовъ „съ ихъ внутренней стороны“. Свои наблюденія и выводы Н. П. Лихачевъ излагалъ на лекціяхъ, читанныхъ имъ слушателямъ Археологическаго Института; часть ихъ была издана полностью, а другая, въ томъ числѣ и его замѣчанія по „дипломатической критикѣ и видамъ актовъ“, — „корректурно, по переработаннымъ конспектамъ“²⁾.

Болѣе систематическимъ характеромъ, хотя и менѣе строгимъ отношеніемъ къ требованіямъ дипломатики, отличаются труды С. А. Шумакова; кратко обобщивъ „грамоты и записи“, а также другіе виды актовъ въ одной изъ нашихъ

¹⁾ Н. Калачовъ, Предисловіе къ сообщенію Лакіера о крѣпостной книгѣ XVI вѣка, въ Архивѣ истор.-юрид. свѣд. 1855 года, книга 2, пол. 1, отд. II. *Его-же*, Договоры вольныхъ людей конца XVII вѣка, въ Архивѣ истор. и практич. свѣд. 1859 года, книга I, сс. 83—90. *Его-же*, Старинные формулярники XVII и XVIII вѣковъ, въ Лѣтоп. зан. Археографической Комиссіи 1861 года, вып. I, сс. 40—49. *Его-же*, Рядные, въ Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества 1865—1867 года, т. I, в. II, сс. 67—72.

²⁾ Н. Лихачевъ, Изъ исторіи дипломатики (XIX в.), издано М. И. Бѣлавенцемъ, Сиб. 1905—1906 г. *Его-же*, Изъ лекцій по дипломатикѣ, издано М. И. Бѣлавенцемъ, Сиб. 1905—1906 г.

энциклопедій, онъ вслѣдъ затѣмъ подробнѣе разсмотрѣлъ ихъ въ введеніи къ послѣднему выпуску своего „Обзора“¹⁾.

Дальнѣйшее развитіе дипломатики въ Россіи обнаружилось въ болѣе сознательномъ отношеніи къ ея принципамъ и методамъ, особенно въ той ея части, которая выше была названа „документальнымъ построеніемъ актовъ“. Съ такой точки зрѣнія можно упомянуть здѣсь о работахъ А. С. Лаппо-Данилевскаго: онъ уже раньше выступилъ съ изданіемъ, въ которомъ попытался характеризовать одну изъ записныхъ книгъ крѣпостныхъ актовъ конца XVI вѣка, и напечаталъ болѣе сорока листовъ двинскихъ грамотъ, значительная часть которыхъ принадлежитъ къ числу частныхъ актовъ; въ своей монографіи о служилыхъ кабалахъ позднѣйшаго типа онъ попытался иллюстрировать новый методъ анализа частныхъ актовъ въ его приложеніи къ данному ихъ виду и предложилъ синтезъ добытыхъ такимъ образомъ элементовъ въ ихъ цѣлокупности, рассматривая ее въ ея зависимости отъ условій мѣста и времени, въ ея устойчивыхъ формахъ и въ ихъ историческомъ движеніи; въ болѣе специальномъ изслѣдованіи о печатяхъ Галичскихъ князей и бояръ XIV вѣка онъ использовалъ разнообразныя приемы сфрагистики, отчасти примѣнимыя и къ изученію печатей частныхъ актовъ²⁾.

¹⁾ С. Шумаковъ, Грамоты и записи, въ Большой Энциклопедіи Южакова. Спб. 1901—1902 года, VII, 429—434, 702—703; IX, 511—513. *Его-же*, Грамоты и записи, въ Обзоръ грамотъ Коллегіи Экономіи, вып. IV, М. 1917 г., сс. 1—43.

²⁾ А. Лаппо-Данилевскій, Введеніе къ записной книгѣ крѣпостныхъ актовъ XV—XVI вѣковъ, явленныхъ въ Новгородѣ дьяку Д. Алябеву, въ Р. И. Б., т. XVII (1898 г.), сс. I—XXX. *Его-же*, Планъ изданія архивныхъ документовъ XVI—XVIII вѣковъ, въ Протоколахъ засѣд. Истор.-Филолог. отдѣленія Имп. Акад. Наукъ 1900 (1-ое прилож. къ проток. засѣд. 25 дек.) и 1901 (2-ое прилож. къ проток. засѣд. 10 дек.) годовъ. *Его-же*, Отчеты о подготовительныхъ работахъ для изданія Сборника грамотъ Коллегіи Экономіи, тамъ же, 1901 (прилож. къ проток. засѣд. 5 дек.) и 1905 (прилож. къ проток. засѣд. 14 дек.) годовъ и въ Извѣстіяхъ Имп. Акад. Наукъ, V серия, т. XVII, № 5; т. XIX, №№ 4—5; т. XXII, № 1; VI серия, т. I, № 1; т. II, № 2; т. III, № 4; т. IV, № 3; т. V, № 4; т. VI, № 3; т. VII, № 4. *Его-же*, Служилыя кабалы позднѣйшаго типа, въ Сборникѣ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. Москва 1909 г., сс. 719—764. *Его-же*, Печати послѣднихъ Галичско-Владимірскихъ князей и ихъ совѣтниковъ, въ сборникѣ: „Болеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси“. Спб. 1907, сс. 211—311.

Въ „Историческомъ Обзорѣ“ нѣсколько молодыхъ ученыхъ издали сборникъ статей, посвященныхъ изученію русскихъ частныхъ актовъ: В. И. Веретенниковъ и М. Н. Смирновъ обратили вниманіе на нѣкоторые методы ихъ изслѣдованія, Г. М. Котляровъ остановился на рядныхъ-стговорныхъ записяхъ, Ф. Ф. Злотниковъ — на кортомныхъ, А. И. Андреевъ и А. А. Шиловъ — на отступныхъ и поступныхъ, П. Н. Сидоровъ — на складныхъ записяхъ, В. Н. Кунъ — на мірскихъ отписяхъ; кромѣ того, М. Ф. Злотниковъ далъ очеркъ института „площадныхъ подъячихъ“ въ Московской Руси¹⁾. По словамъ одного изъ рецензентовъ этого сборника, далеко не расположеннаго благосклонно судить о той научной школѣ, изъ которой онъ вышелъ, все же содержитъ „цѣнныя вещи“ и можетъ быть весьма полезенъ для той части дипломатики, которая названа выше документальнымъ построеніемъ частныхъ актовъ, скорѣе, впрочемъ, съ точки зрѣнія ихъ анализа, чѣмъ ихъ синтеза.

¹⁾ Историческое Обзорѣ, томъ XXI: Сборникъ статей, посвященныхъ А. С. Лаппо-Данилевскому. Петроградъ, 1916 г.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Документальное источниковѣдѣніе частныхъ актовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Интерпретація частныхъ актовъ.

Вообще интерпретація акта стремится установить то значеніе, какое составитель акта хотѣлъ придать ему. Значеніе акта, дѣйствительно, нуждается въ нѣкоторой интерпретаціи хотя бы въ виду того, что онъ, подобно всякому другому памятнику письменности, есть источникъ обозначающій, а не изображающій. Въ такомъ смыслѣ чтеніе акта есть уже его интерпретація: вѣдь, чувственное воспріятіе акта, въ сущности, сводится къ чувственному воспріятію письменныхъ знаковъ, которые сами подлежатъ истолкованію, обусловливающему чтеніе его текста. Между тѣмъ, для того, чтобы правильно прочесть текстъ, въ особенности, болѣе или менѣе древній, нужно обладать кое-какими свѣдѣніями по палеографіи ¹⁾.

¹⁾ Д. Прозоровскій, Чтенія по исторіи славяно-русской палеографіи (курс лекцій, читанныхъ въ Археологическомъ Институтѣ). Главные труды по славяно-русской палеографіи: А. И. Соболевскаго, Славяно-русская палеографія. Лекціи. Спб. 1893 г. (литографированное изданіе). Его же, Образцы славяно-русского древнеписанія. Спб. 1893 г. (литографированное изданіе). Его же, Сборникъ снимковъ съ славяно-русскихъ старопечатныхъ изданій. Матеріалы для исторіи славянскаго книгопечатанія XVII вѣка. Спб. 1895. И. И. Срезневскаго, Палеографическія изслѣдованія памятниковъ русской древности, въ Изв. II отдѣленія

Прежде всего нужно имѣть достаточно ясное представленіе о томъ, какія именно буквы надлежатъ разумѣть подъ тѣми начертаніями, которыя стоятъ въ подлинномъ рукописномъ текстѣ. Извѣстный текстъ изъ договора Святослава съ греками, сохранившійся въ спискахъ читается такъ:

„и хочю имѣти миръ и свѣршену любовь съ всякимъ и великимъ царемъ Грѣцкимъ“.

Позднѣйшій ученый обратилъ вниманіе на то, что невразумительное чтеніе „съ всякимъ и великимъ царемъ Грѣцкимъ“ могло быть результатомъ небрежнаго прочтенія глаголицы: вмѣсто „съ Иваномъ великимъ царемъ Грецькимъ“ лѣтописецъ прочелъ „съ всякимъ и великимъ царемъ Грѣцкимъ“, смѣшавъ нѣсколько сходныхъ въ глаголическомъ алфавитѣ буквъ ¹⁾.

Въ случаѣ бѣглаго чтенія текста, происходящаго при снятіи копій, механическое исполненіе такой работы ослабляетъ вниманіе и вовлекаетъ въ погрѣшности; вотъ почему снятая копія, по ея исполненію, всегда должна быть провѣрена по оригиналу, прежде чѣмъ служить матеріаломъ для дальнѣйшей научной работы. При печатаніи, вѣроятно, по такой неprovѣренной копіи одного изъ изданій Археографической Комиссіи ученый редакторъ допустилъ, напримѣръ, чтеніе „монастырскаго яму“ вмѣсто „татарскаго яму“ и т. п. Сокращенія словъ, часто встрѣчающіяся въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ подъ титлами, а также надстрочныя буквы и т. п. требуютъ истолкованія, прежде чѣмъ подвергнуться раскрытію, введенію въ строку и т. п. Къ сожалѣнію, мы

Академіи Наукъ, VI. Спб. 1858, сс. 257—275. Его же, Древніе памятники русскаго письма и языка.—Дополненія къ нимъ и снимки, въ Изв. II отдѣленія Академіи Наукъ, Н. X. Спб. 1863. Его же, Древнія русскія книги. Палеографическій очеркъ. Спб. 1864. Его же, Обзоръ матеріаловъ къ изученію славяно-русской палеографіи, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1867 годъ, январь, стр. 76—111. Его же, Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма, въ Сборн. II отдѣленія Академіи Наукъ. Н. XV. 1876. Его же, Славяно-русская палеографія XI—XIV вѣковъ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1881 года и отдѣльно, Спб. 1885 г.

¹⁾ И. Срезневскій, Договоры съ Греками, въ Изв. Имп. Акад. Наукъ по отд. русск. яз. и словесн., т. III, сс. 259—295.

до сихъ поръ не имѣемъ „лексикона аббревиатуръ“ въ родѣ тѣхъ, которые существуютъ въ западно-европейской литературѣ¹⁾; а потому раскрытіе титула остается у насъ довольно произвольнымъ и можетъ вводить въ недоразумѣнія, по крайней мѣрѣ, относительно языка подлинника, а иногда и его смысла. Написанія *а*, *вде*, *м*, *схм* раскрываются, напримѣръ, въ видѣ: алтынъ, 2 деньги, монастырь, схимникъ и т. п. Правильное раскрытіе титула возможно лишь послѣ внимательнаго изученія языка подлинника, въ частности, способа написанія даннаго слова: если, напримѣръ, оно встрѣчается въ рукописи и въ раскрытомъ видѣ, причемъ способъ его написанія устойчивъ, то, разумѣется, и раскрытіе титула производится по способу принятаго въ ней написанія того же слова; если, напротивъ, способъ его написанія колеблется, то, въ зависимости отъ степени его колебаній, приходится выбирать между стариннымъ или современнымъ правописаніемъ; на основаніи соображеній подобнаго рода, примѣняемыхъ и къ введенію въ строку надстрочныхъ буквъ и т. п., слово „царскій“ можетъ быть раскрыто или въ видѣ „царскій“ или въ видѣ „царскій“, смотря по тѣмъ даннымъ, какими читатель располагаетъ.

Интерпретація текста не ограничивается правильнымъ чтеніемъ текста: она должна установить правильное пониманіе прочитаннаго. Правильное пониманіе общаго смысла текста зависитъ отъ правильной квалификаціи его разновидности, основанной, по возможности, на подлинномъ источникѣ. Въ „Актахъ Юридическихъ“ напечатанъ, напримѣръ, слѣдующій подлинный актъ:

„195 іюля въ 12 день, на Угличѣ, въ съѣзжей избѣ, передъ столникомъ и воеводою передъ Матвеемъ Семеновичемъ Супоневымъ волной человекъ Пронка Полуехтовъ сказалъ: въ прошлыхъ годѣхъ отецъ мой и матъ служили въ кабальномъ въ холоствѣ у Андрея Титовича Сукина; и старой мой помѣщикъ умре, Андрей

¹⁾ A. Capelli, Lexicon abbreviaturarum. 1901.

Титовичъ Сукинъ, а сынъ я, Пронка, съ женою своею Марьецею Кузминою дочерью бьемъ челомъ въ кабальное холопство ему жъ Андрею Андреевичу Сукину и служилую кабалу на себя съ женою даемъ волею своею; то моя и сказка. А сказку писалъ Углецкіе площади подъячей Сергушка Микифоровъ“. Далѣе слѣдуетъ собственноручная, по велѣнію вольнаго человека Пронки Полуехтова, подпись Ѳедора Сысоева¹⁾.

Редакторъ призналъ вышеприведенный актъ „служилой кабалой“; но самъ онъ называетъ себя „сказкой“ и не вполне соответствуетъ формулярѣ служилой кабалы позднѣйшаго типа: его дѣйствительно должно признать „сказкой“, „сказанной“ Пронкой Полуехтовымъ передъ воеводой, а не служилой кабалой, писанной на имя его господина Андрея Андреевича Сукина. Въ томъ же сборникѣ появилось нѣсколько актовъ, которые были озаглавлены редакторомъ: „порядныя зарубежнихъ выходцевъ“, но сами себя называютъ „судными записями“; редакторъ не считъ нужнымъ остановиться на интерпретаціи подлинной терминологіи актовъ, и такимъ образомъ подъ наименованіемъ „порядныхъ“ скрылъ особую разновидность актовъ — судныхъ записей, существенно отличающихся отъ порядныхъ моментомъ займа, а не найма имущества; благодаря такой погрѣшности слѣдующіе ученые долгое время разсуждали объ однѣхъ только порядныхъ во крестянство, игнорируя „судныхъ“²⁾.

Правильное пониманіе прочитаннаго зависитъ отъ надлежащаго расчлененія рѣчи: въ древнѣйшихъ нашихъ грамотахъ, писанныхъ церковно-славянскими буквами, слова сливались другъ съ другомъ; расчлененіе ихъ требуетъ нѣкотораго вниманія; да и при чтеніи позднѣйшихъ возможны ошибки. Одинъ изъ нашихъ ученыхъ (Карповъ) прочелъ, напримѣръ, „и на конѣ учини“ вмѣсто „иначе не учини“

¹⁾ А. Ю. № 405, ср. № 252, негѣрно названный „заемная служилая кабала“.

²⁾ А. Ю. № 203.

и такимъ образомъ, неправильно расчленивъ рѣчь подлинника, исказилъ его смыслъ.

Общій смыслъ текста устанавливается (мысленно или въ дѣйствительности, при его изданіи) также при помощи правильной разстановки знаковъ препинанія. Въ нашихъ грамотахъ, на примѣръ, рѣчь часто перемежается союзомъ „а“; читатель, слѣдующій современному употребленію этого союза, не склоненъ начинать съ него какой-либо новый періодъ или самостоятельное предложеніе; между тѣмъ, въ старинной рѣчи онъ часто игралъ такую именно роль для обозначенія отдѣльныхъ клаузулъ акта; смѣшивая новое употребленіе союза „а“ съ старымъ, современный изслѣдователь легко можетъ поставить запятую тамъ, гдѣ слѣдуетъ поставить точку, и такимъ образомъ соединять двѣ разныя клаузулы въ одну,—что даетъ ложное представленіе и о степени раздѣльности тѣхъ понятій, которыя соотвѣтственно входятъ въ ихъ составъ. Клаузулы грамотъ, по возможности, отдѣляются другъ отъ друга точками, на примѣръ, въ слѣдующихъ случаяхъ: а) въ публичныхъ грамотахъ: въ жалованной—разнаго характера льготы; самостоятельныя, значительныя по объему части челобитной; мотивы челобитной и содержаніе просьбы; въ сотной—самостоятельныя части описываемыхъ владѣній, деревни, итогъ перечня деревень, дворовъ и т. п.; указаніе на количество и порядокъ платежа повинностей и т. п. [Напр.]:

И намъ бы ихъ... пожаловати... давати судъ и управа. И будетъ такъ...—

А намѣстнича и волостелина двора не дѣлають. А кто з древа убьетца... А кому будетъ чего искати... А ратные люди и проѣзжие...

Да въ Неноксѣ жъ на берегу анбаръ. Да ихъ же треть реки Сюзмы и з санными покосы. Да на Унѣ на посаде два мѣста дворовыхъ.

б) въ частныхъ грамотахъ: наименованіе лицъ и предмета сдѣлки; наименованіе междъ, если оно имѣетъ самостоятельное значеніе; въ купчей—обозначеніе цѣны прода-

ваемого или покупаемого,—въ мѣповной или дѣльной—подробное опредѣленіе предмета сдѣлки, слѣдующее за его наименованіемъ и выраженное самостоятельнымъ предложеніемъ; въ данной—указаніе на особыя условія выкупа: на вѣки, на поминаніе, на дожитіе и т. п.; въ закладной—срокъ заклада, если онъ обозначенъ самостоятельнымъ предложеніемъ, и условіе о неустойкѣ; въ мѣповной—указаніе на придачу; въ отступной—мотивы „отступленія“; обязательство объ „очищеніи“ предмета сдѣлки; указаніе на сябровъ въ варницѣ и т. п. [Напр.]:

А взяла есми на томъ дворѣ шесть рублевъ...

А продала есми въ дернь безъ выкупа. А стоитъ тотъ дворъ въ межахъ...

А взялъ есми рубль дѣнегъ. А продалъ в дѣрнь бѣзъ выкупа. А въ очищѣньи и въ снимки язъ Яковъ своими денгами.

А въ межахъ та варница по верхнюю сторону... А взяли на той полуварнице...

А въ сябрехъ со Стефаномъ съ Лукинымъ и с-инными сябры. А дали есмя на поминанье.

Кромѣ установленія общаго смысла текста, онъ требуетъ иногда истолкованія въ отдѣльныхъ своихъ выраженіяхъ, и не только тѣхъ, которыя явно оказываются непонятными, но и тѣхъ, которыя кажутся понятными¹⁾.

Духовная Ивана Калиты 1328 года [начинается такъ]: „Се азъ грѣшный худый рабъ Божий Иванъ пишу душевную грамоту, ида въ Орду“. Здѣсь „рабъ“ означаетъ безусловно покорный чьей-либо волѣ (И. Срезневскій, III, 6). Духовная пишется по волѣ князя, но условія, при которыхъ она пишется, отъ него не зависятъ, а ея дѣйствіе на-

¹⁾ Главное пособіе: „Матеріалы для словаря древне-русскаго языка“, собранные И. И. Срезневскимъ, Спб. 1893—1912, т.т. I—III; выпускъ 4 третьяго тома содержитъ дополненія ко всему труду. Кромѣ того, существуютъ словари мѣстныхъ говоровъ и нарѣчій, напр., «Словарь областного Архангельскаго нарѣчія.» А. Подвысоцкаго, Спб. 1885 г. и др.; см. также Н. Горбачевскій. Словарь древняго актовъ языка Сѣверо-Западнаго края и Царства Польскаго, Вильна 1874 г.

ступить по волѣ Божьей, которой завѣщатель всецѣло поко-
рется.

Прежде всего нужно установить точный смысл текста. Одни и тѣ же слова имѣли разное значеніе въ древности и теперь: напримѣръ, слова „продать“ или „купить“ и т. п.; или могутъ имѣть не то значеніе, которое читатель склоненъ приписать имъ сначала; напримѣръ, предлогъ „на“ въ по-
сылныхъ: „на посыле“ значитъ „вмѣсто посылы“—отсюда понятно, что такое выраженіе встрѣчается въ актахъ, со-
ставленныхъ отъ лица покупателя:

„Се азъ Онуфѣи Нестеровъ снъ купилъ есми у Гриди у Григорьева сна у Бобошина пожню Кобылинъ на рѣкѣ на Лостѣ, а далъ есми на посыле пятъ рублевъ, а межа тои пожнѣ: отъ Тимоѣевы пожни верхненъ конецъ отъ лѣса по врагъ да по ивовои кустъ да внизъ по рѣкѣ по Лостѣ да по обѣмъ сторонамъ Девочи курь. А на то мужи: содкои Тимоѣѣи Огдокимовъ снъ Курдумова да Парфенеи Есиповъ снъ Тетрямовъ да Олексѣи Павловъ. А посылную писалъ Сашко Никитинъ снъ Задоринъ“¹⁾.

Въ интерпретаціи нуждаются также имена собственные: географическія и личныя. Одна изъ древнѣйшихъ Двинскихъ грамотъ, напримѣръ, укрѣпляетъ сдѣлку купли-продажи, совершенную между Григоріемъ Ивановымъ и Григоріемъ, Ѳедотомъ и Воляшомъ, игуменными дѣтьми, на землю „Заозерскую“; въ позднѣйшихъ грамотахъ имѣются указанія на аналогичныя сдѣлки, объектомъ которыхъ служило село на Лукинѣ берегу „за озеромъ“; путемъ историко-географическаго изслѣдованія удалось установить тождество „Заозерской земли“ съ „селомъ на Лукинѣ берегу за озеромъ“, что даетъ возможность слѣдить за послѣдующей ея судьбой, т. е. за исторіей даннаго земельного участка²⁾. Въ другой купчей, также древнѣйшей, на землю въ селѣ Заозерскомъ, контрагентами сдѣлки являются: Николаевскій Чухченемскій мона-

¹⁾ Д. Мейшицъ, *Op. cit.*, с. 123.

²⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, №№ 2, 11, 12, 30.

стырь и другое лицо, названное Павломъ Туфановымъ сыномъ; въ одной изъ послѣдующихъ купчихъ половину поля и прочее Григорія Ивановича покупаетъ Павелъ Труфановичъ; сопоставляя оба текста, можно притти къ заключенію, что Павелъ Туфановъ сынъ и Павелъ Труфановичъ одно и то же лицо; такое заключеніе въ свою очередь приводитъ къ заключенію, что Павелъ Трифановичъ скупалъ нѣкоторыя земли и т. п.¹⁾. При интерпретаціи извѣстной „рядной Тѣшаты“ имя одной изъ сторонъ толкуется различно: одни разумѣютъ подъ „Тѣшатой“ мужчину, другіе (едва ли, впрочемъ, основательно)—женщину, что существенно мѣняетъ пониманіе всей сдѣлки.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ интерпретація акта значительно осложняется неясностью всей его редакціи: „рядная“ Тѣшаты породила, напримѣръ, цѣлый рядъ попытокъ ея интерпретаціи. К. А. Неволинъ усматривалъ въ ней мировую запись; И. И. Срезневскій пришелъ къ заключенію, что она есть рядная (сговорная) запись, а В. К. Трутовскій, несогласный съ выводами своихъ предшественниковъ, рѣшился признать Тѣшату—вдовой и готовъ отнести „ея рядную“ къ разряду мировыхъ актовъ, т. е. въ измѣненномъ видѣ вернулся къ опредѣленію К. А. Неволіна, а не И. И. Срезневскаго, нашедшаго, между тѣмъ, рѣшительную поддержку въ лицѣ М. Ф. Владимірскаго-Буданова²⁾. Возможно, однако, что ни одно изъ вышеназванныхъ мнѣній не даетъ достаточно яснаго пониманія „рядной Тѣшаты“: въ данномъ случаѣ толкованіе ея выходитъ за предѣлы интерпретаціи акта, какъ явленія, и переходитъ къ истолкованію самой юридической сдѣлки, лежавшей въ его основаніи.

Интерпретація акта можетъ оказаться болѣе затруднительной въ томъ случаѣ, если мы имѣемъ дѣло съ неполнымъ его текстомъ, внесеннымъ, положимъ, въ какую-либо записную книгу крѣпостей въ пересказѣ. Въ числѣ актовъ,

¹⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, №№ 6 и 30.

²⁾ [В. Трутовскій, Тѣшата и Якимъ и ихъ взаимныя отношенія, въ Сборн. статей въ честь графа П. С. Уварова, М. 1916, сс. 328—338].

предъявленныхъ дьяку Д. Алябеву, была, на примѣръ, „записъ“ Осипа Игнатьева, который билъ челомъ въ службу Борису Вельяшеву „по его животъ“; на основаніи одного только пересказа ея содержанія нѣсколько затруднительно точно опредѣлить ея разновидность, хотя и можно думать, что она принадлежала къ тому виду записей, о которыхъ говорить Уложеніе въ статьѣ, основанной на указѣ 1642 г.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Критика актовъ, преимущественно частныхъ.

Вообще критика устанавливаетъ научную цѣнность источника для построения исторической дѣйствительности, т. е. выясняетъ, въ какой мѣрѣ на основаніи сообщаемыхъ имъ данныхъ можно судить о томъ, что фактъ, познаваемый черезъ его посредство, произошелъ въ дѣйствительности. Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что источникъ можетъ имѣть научно-историческую цѣнность въ двоякомъ смыслѣ: въ качествѣ историческаго факта или въ качествѣ показанія объ историческомъ фактѣ. Съ такой точки зрѣнія можно различать и два рода критики: критику, устанавливающую научно-историческую цѣнность источника, какъ факта, и критику, устанавливающую научно-историческую цѣнность показаній источника о фактѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя пользоваться даннымъ источникомъ для историческихъ цѣлей, не выяснивши, дѣйствительно ли онъ есть тотъ самый историческій фактъ, каковымъ онъ представляется наблюдателю. Для того, однако, чтобы имѣть основаніе утверждать нѣчто подобное, надо быть увѣреннымъ въ томъ, что источникъ дѣйствительно возникъ и сохранился въ томъ именно видѣ, въ какомъ онъ представляется историку, а для достиженія такой увѣренности послѣдній и обращается къ критическому разсмотрѣнію источника, какъ факта: онъ выясняетъ, дѣйствительно ли данный источникъ существуетъ или не существуетъ въ качествѣ такового, т. е. оказывается ли онъ подлиннымъ или непо-

¹⁾ Записная книга крѣпостнымъ актамъ, явленнымъ дьяку Д. Алябеву, № 148, въ Р. И. Б., т. XVII, с. 52. Ср. Уложеніе, XX, 44.

длинымъ; дѣйствительно ли онъ возникъ въ такое-то время и въ такомъ-то мѣстѣ, благодаря такому-то составителю (въ широкомъ или узкомъ смыслѣ слова), что и даетъ возможность признать его подлиннымъ, или же онъ принадлежитъ не тому составителю, которому, казалось, онъ могъ быть приписанъ, и долженъ быть признанъ неподлиннымъ, т. е. копией или болѣе или менѣе искусной поддѣлкой и т. п. Впрочемъ, не всякій подлинный источникъ можетъ служить для восстановленія исторической дѣйствительности: для того, чтобы признать фактъ, свѣдѣнія о которомъ почерпаются изъ показаній источника, дѣйствительно бывшимъ, историкъ долженъ подвергнуть критикѣ не только самый фактъ существованія этого источника, но и его показанія о томъ фактѣ, который его интересуетъ. Лишь въ той мѣрѣ, въ какой показанія источника отличаются достовѣрностью, онъ можетъ служить для познанія исторической дѣйствительности: пользуясь достовѣрными показаніями и отбрасывая недостовѣрные, историкъ можетъ построить дѣйствительно бывший историческій фактъ ¹⁾.

Легко замѣтить, что изъ указанныхъ выше двухъ видовъ критики, въ сущности, лишь та изъ нихъ, которая занимается установленіемъ научно-исторической цѣнности источника, какъ факта, т. е. выясняетъ его подлинность или неподлинность, прилагается къ остаткамъ культуры: вѣдь, если подлинность или неподлинность остатка культуры въ качествѣ таковаго доказана, то и задача его критики, въ сущности, исчерпана. Въ самомъ дѣлѣ, между существованіемъ одного и того же факта и его несуществованіемъ нѣтъ и не можетъ быть посредствующихъ степеней; но остатокъ культуры или есть остатокъ какого-либо факта, имѣющаго значеніе болѣе крупное, чѣмъ его собственное, и въ такомъ смыслѣ тоже фактъ, или не есть его остатокъ и въ такомъ смыслѣ не можетъ быть этимъ фактомъ; значитъ, если подлинность или неподлинность даннаго остатка культуры дока-

¹⁾ А. Лаппо-Данилевскій, Методологія исторіи, вып. II, сс. 524—525.

зана, достовѣрность или недостовѣрность его, въ качествѣ остатка культуры, не подлежитъ дальнѣйшему обсужденію.

Впрочемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что вышеуказанное ограниченіе относится лишь къ тѣмъ остаткамъ культуры, которые строго подходятъ подъ чистое понятіе о нихъ, а не къ тѣмъ реально даннымъ продуктамъ, которые часто обнаруживаютъ смѣшанные признаки и остатка культуры, и историческаго преданія; реально-данный источникъ, будучи преимущественно остаткомъ культуры, можетъ, однако, содержать показанія о фактѣ: старинные документы могутъ заключать въ себѣ показанія, даже заимствованныя изъ историческихъ преданій, и съ такой точки зрѣнія, разумѣется, подлежатъ такой же критикѣ, какаѣ примѣняется и къ показаніямъ, сохранившимся въ историческихъ преданіяхъ ¹⁾.

Итакъ, при изложеніи критики актовъ, преимущественно частныхъ, намъ придется остановиться главнымъ образомъ на установленіи ихъ подлинности или неподлинности, а также видовъ и степеней ея. Вообще опираясь на понятія о единствѣ сознанія, проявляющемся въ данномъ источникѣ, и о его соотвѣстствіи съ данною культурой и индивидуальностью, породившей его, можно различать подлинный актъ отъ неподлиннаго по его внѣшнимъ и по его внутреннимъ признакамъ ²⁾.

Въ числѣ *внѣшнихъ* признаковъ, по которымъ можно судить о возрастѣ рукописи, отмѣтимъ, главнымъ образомъ, матеріалъ и почеркъ.

1. Матеріаломъ для писанія древнѣйшихъ актовъ служили дерево или, пожалуй, металлъ; изъ нихъ могли выдѣлывать „доски“, изрѣдка упоминаемыя въ старѣйшихъ нашихъ источникахъ (см. выше). Извѣстныя намъ древнѣйшія грамоты наши съ XII до второй половины XIV столѣтія все писаны, однако, на пергаминахъ; большинство нашихъ грамотъ, въ томъ числѣ и частныхъ актовъ XV столѣтія, также пергаминаны. Таковы, на примѣръ, грамота великаго князя

¹⁾ А. Лаппо-Данилевскій, *Op. cit.*, вып. II, сс. 385—386.

²⁾ А. Лаппо-Данилевскій, *Op. cit.*, вып. II, сс. 527—529. 533—563.

Мстислава Володиміровича и сына его Всеволода Мстиславовича Новгородскому Юрьеву монастырю 1130 года (въ Юрьевѣ монастырѣ); владная грамота Варлаама Хутынского монастырю, писанная послѣ 1192 года (въ Хутынскомъ монастырѣ) и т. п. ¹⁾. Съ XV столѣтія уже встрѣчаются грамоты, писанныя на бумагѣ, которая въ слѣдующемъ вѣкѣ постепенно вытѣсняетъ пергамина и получаетъ почти исключительное господство съ XVI столѣтія: древнѣйшимъ актомъ, писаннымъ на бумагѣ и уже весьма поврежденнымъ временемъ, признають договорную грамоту великаго князя Семена Ивановича съ братьями Иваномъ и Андреемъ 1341 года (въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностран-ныхъ Дѣлъ ²⁾).

Такимъ образомъ, матеріалъ, на которомъ писанъ актъ, можетъ указывать и на болѣе или менѣе древнее его происхождение. Выводъ подобнаго рода нуждается, однако, въ существенныхъ оговоркахъ. 1) Нормальные хронологическіе предѣлы, устанавливаемые на основаніи этого признака, широки, напримѣръ, для пергаминна XII—XV столѣтія; при-томъ пергамина грамоты, напримѣръ, двинскія, которыя ранѣе относились къ XIV столѣтію, почти всѣ относятся теперь къ XV столѣтію, на основаніи цѣлаго ряда другихъ болѣе точныхъ признаковъ ³⁾. 2) Приблизительное установленіе такихъ хронологическихъ предѣловъ, разумѣется, насколько не исключаетъ возможности писанія грамотъ на

¹⁾ И. Срезневскій, Древніе памятники письма и языка (со снимками). Ср. Н. Лихачевъ, Изъ лекцій по дипломатикѣ, сс. 152—199; несмотря на показанія источниковъ о „доскахъ“, авторъ утверждаетъ, что въ Россіи „до половины XIV столѣтія пергамина былъ единственнымъ матеріаломъ какъ для рукописей, такъ и для грамотъ“ (сс. 172—173).

²⁾ С. Г. Г. и Д., ч. I. № 23. Палеографическіе снимки, изданные подъ редакціей А. Соболевскаго и С. Пташицкаго, Спб. 1903, № 1.—Древнѣйшая бумага, называемая бомбициной, безъ особеннаго труда отличается отъ позднѣйшей, но она едва-ли употреблялась въ Россіи.

³⁾ А. Шахматовъ, Изслѣдованіе о Двинскихъ грамотахъ XV в., Спб. 1903, сс. 1—5; авторъ склоненъ отнести лишь одну купчую Филиппа Григорьева у Мееодія и Семена Яковлевыхъ дѣтей къ времени до 1393 года; см. тамъ же, № 105,—подлинникъ въ Археографической Комиссіи (перг. № 11).

соотвѣтствующемъ имъ матеріалѣ и въ таковыхъ; напри-мѣръ, нѣкоторыя дѣла, писанныя на берестѣ въ Сибири, относятся къ 1776 году ¹⁾, нѣкоторыя грамоты, писанныя на пергаминахъ, относятся къ XVI и XVII вѣкамъ, не говоря о позднѣйшихъ торжественныхъ дипломахъ, и т. п. 3) Поддѣльныя грамоты, при мало-мальски искусной фальсификаціи, писались на матеріалѣ, соотвѣтствующемъ времени, къ кото-рому хотѣли отнести ихъ; можно было подобрать пергамина или специально нужную для поддѣлки бумагу и т. п.

Болѣе специфическимъ признакомъ для опредѣленія воз-раста бумаги являются водяные знаки. Старѣйшія изъ нашихъ бумажныхъ грамотъ писаны на итальянской бумагѣ, которая съ середины XV вѣка начинаетъ постепенно вытѣсняться французской, а въ слѣдующемъ столѣтіи также польской и нѣмецкой; еще позднѣе, а именно со второй половины XVII столѣтія, все болѣе распространяется голландская бумага и т. д.; бумага „Московского дѣла“ уже упоминается подъ 1662 годомъ. Соотвѣтственно указаннымъ родамъ бумаги, по мѣсту ея происхожденія и фабрикамъ, производившимъ ее, она снабжалась различными водяными знаками, причемъ одинъ и тотъ-же знакъ постепенно измѣнялся, что и даетъ воз-можность по формамъ бумажныхъ водяныхъ знаковъ прибли-зительно судить о возрастѣ бумаги, а, значить, и о времени написанія грамоты, если она не датирована: документы, писанные на бумагѣ со знакомъ „кувшинчика“, судя по датированнымъ рукописямъ, относятся, напримѣръ, ко второй половинѣ XVI и къ началу XVII вѣка ²⁾).

¹⁾ П. С. З., т. XX, № 14538. Ср. К. Неволинъ, Сочиненія, т. IV, с. 50.

²⁾ И. Лантевъ, Опытъ въ старинной русской дипломатикѣ, Спб. 1824; авторъ собралъ до 170 „заводскихъ клеймъ бумагъ“, изъ коихъ представилъ нѣсколько въ таблицахъ со времени введенія въ Россіи употребленія бумаги по 1701 годъ, и попытался, такимъ образомъ, выяснитъ способъ узнавать по нимъ время, въ которое писаны старинныя рукописи. К. Тропошинъ, Изъясненіе знаковъ, ви-димыхъ въ писчей бумагѣ, М. 1844 —(кроме заимствованныхъ прибавилъ 113 своихъ таблицъ). Всего больше по части изученія бумажныхъ знаковъ сдѣлалъ Н. И. Лихачевъ. Его труды: Бумага и древнѣйшія бумажныя мель-ницы въ Московскомъ государствѣ, Спб. 1891; Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ, части I, II и III—Предметный и хронологи-

Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, 1) что заграничная бумага, ввозимая въ Московское государство, могла запаздывать, и что, значитъ, бумажные знаки могутъ служить въ такихъ случаяхъ для установленія *terminus a quo*, 2) что находившаяся въ Московскомъ государствѣ бумага, въ особенности запасная, могла служить и для позднѣйшаго времени: въ „Польскихъ“ столбцахъ Посольскаго приказа, хранящихся въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ, имѣются, напримѣръ, документы отъ 1579 года со знакомъ „1568“; одинъ изъ опытныхъ нашихъ палеографовъ обратилъ вниманіе на то, что эти документы представляютъ черныя и копии Посольскаго приказа, писанные на остаткахъ, можетъ быть, старой бумаги, 3) что поддѣльные акты, въ особенности старѣйшіе, могли писаться и на бумагахъ, соотвѣтствовавшей времени мнимой грамоты.

2. Почеркъ грамоты также даетъ возможность судить о ея подлинности съ точки зрѣнія принадлежности ея данному историческому періоду, а иногда и данному лицу, причемъ такой признакъ можетъ послужить основаніемъ для болѣе точныхъ выводовъ, чѣмъ матеріаль. Пергаменные грамоты XII—XV вѣковъ, напримѣръ, писаны полууставомъ, но послѣдній оказывается различнымъ для разныхъ вѣковъ: нѣкоторые изъ двинскихъ грамотъ, напримѣръ, закладная Власія Степановича Николаевскому Чухченемскому монастырю относится къ XV вѣку на томъ основаніи, что писана полууставомъ, характернымъ для этого вѣка и т. п. ¹⁾. Опытный палеографъ легко

чекій указатели. Альбомъ снимковъ, Спб. 1899; Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. Приложеніе: таблицы, поясняющія въ хронологическомъ порядкѣ измѣненія формата и строенія бумаги. Изданіе Общества Любителей Древней Письменности, Спб. 1899. Ср. еще *И. Лихачевъ*. Изъ лекцій по дипломатикѣ, сс. 183—266. *Н. М. Каманинъ* въ своемъ рефератѣ „Метрический методъ въ палеографіи и результаты его приложенія къ изученію южнаго русскаго устава XVI—XVII вѣковъ“ указалъ на то, что между широтой и высотой буквъ, разстояніемъ ихъ между собой и разстояніемъ между строками существуетъ всегда определенное отношеніе, которое въ извѣстный періодъ времени измѣняется, и эти измѣненія могутъ служить показателями возраста рукописи (Изв. Таврич. учен. арх. ком. № 39 (1906 г.), с. 120).

¹⁾ *А. Шахматовъ*, Изслѣдованіе о Двинскихъ грамотахъ, с. 3 и № 15.

можетъ различить почерки не только XVI, XVII, XVIII и XIX вѣковъ, но и почерки первой и второй ихъ половины и т. п. Слѣдуетъ замѣтить, однако, 1) что почерки болѣе отдаленныхъ, глухихъ мѣстъ дольше сохраняли свой архаическій характеръ, чѣмъ почерки болѣе крупныхъ центровъ, 2) что почерки официальныхъ актовъ, исходившихъ изъ организованныхъ Московскихъ канцелярій, вообще отличались болѣе определенными формами, чѣмъ частные акты, въ особенности тѣ, которые писаны домашнимъ порядкомъ, и что, слѣдовательно, возрасты почерковъ, употреблявшихся въ Московскихъ приказахъ, поддаются болѣе точнымъ опредѣленіямъ, чѣмъ возрасты почерковъ частныхъ лицъ, въ гораздо большей мѣрѣ допускавшихъ, разумѣется, индивидуальныя уклоненія.

Впрочемъ, частные акты, въ такихъ случаяхъ, могли быть „своеручными“, что, въ свою очередь, служитъ нѣкорымъ доводомъ ихъ подлинности. Въ духовной служилаго человека Петра Молечкина 1524 года, напримѣръ, значится: „А сю духовную грамоту писалъ язь Петръ Матѣевъ сынъ Малечкина, при своемъ животѣ, своею рукою“ и т. п. Въ данной Паросенія Мотовилова съ сыномъ Матвѣемъ Троице-Сергіеву монастырю на землю на островѣ Солотковѣ мы читаемъ: „А данную писалъ язь самъ Матюшка на отца своего и на свою землю самъ своею рукою лѣта 7125-го Феврала въ... ¹⁾“.

Въ числѣ *внутреннихъ* признаковъ, по которымъ можно судить о подлинности или неподлинности грамоты, укажемъ, главнымъ образомъ, на ея формуляръ и содержаніе.

1. Формуляръ грамоты, болѣе или менѣе тѣсно связанный съ ея содержаніемъ, требовалъ соблюденія нѣкоторыхъ правилъ ея составленія, включенія въ ея составъ извѣстныхъ формулъ въ извѣстной послѣдовательности и т. п.; нарушеніе такихъ правилъ даетъ, значитъ, основаніе заподозрить ея подлинность или признать ее неподлинной. Хотя формуляры нашихъ старѣйшихъ частныхъ актовъ далеко еще не вполне разрабо-

¹⁾ *А. Ю. № 418*. Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 474.

тались, однако, они дают иногда возможность, опираясь на них, дать болѣе правильную его оцѣнку: дѣльную грамоту двухъ братьевъ, князей Андрея и Юрья Ѳеодоровичей, изъ Коллежскаго собранія долгое время относили ко времени „около 1380 года“, пока повѣйшій изслѣдователь, знакомый съ формуляромъ дѣльныхъ XV вѣка, не причислялъ ее къ тому-же вѣку, что и признается въ настоящее время болѣе близкимъ къ истинѣ¹⁾.

2. Содержаніе грамоты также даетъ иногда матеріалъ для сужденія о ея подлинности: стороны и самый характеръ юридической сдѣлки, связанныя съ нею бытовыя подробности, указанія на послуховъ, если они извѣстны по другимъ болѣе точнымъ даннымъ, и т. п. могутъ служить для такой цѣли. Древнѣйшія купчія Двинскаго Михайло-Архангельскаго монастыря опредѣляются, напримѣръ, благодаря подобнаго рода соображеніямъ: въ нихъ упоминается игуменъ Лука, которому новгородскій архіепископъ Іоаннъ выдалъ благословенную грамоту; игуменъ Лука былъ, значитъ, современникомъ архіепископа Іоанна (1388—1414 годы) и, слѣдовательно, жилъ въ концѣ XIV и началѣ XV вѣковъ, что и указываетъ на время составленія вышеупомянутыхъ купчихъ. Кромѣ того, на основаніи другихъ грамотъ того же Михайло-Архангельскаго монастыря можно доказать, что за Лукою слѣдовали, въ званіи игуменовъ, Иванъ, Адріанъ и Акакій, что даетъ возможность соотвѣственно размѣстить грамоты, въ которыхъ они фигурируютъ. Возьмемъ другой примѣръ. Чуть ли не единственная двинская грамота, которая признается старше XV вѣка—купчая Филиппа Григорьевича у Меодія и Семена Яковлевыхъ относится ко времени до 1393 года на основаніи слѣдующихъ соображеній: слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что купчая Филиппа Григорьевича находится въ связи съ вкладной его вдовы Марѣы на ту же землю, пожертвованную ею храму св. Николая въ Корельскомъ, вокругъ котораго и образовался Николаевскій Корельскій монастырь. Отсюда

¹⁾ И. Срезневскій, Древніе памятники русскаго писма и языка (подъ 1380 г.). Д. Мейшицъ, Op. cit., cc. 63-65, 128.

естественно заключить, что купчая Филиппа Григорьевича старше вкладной вдовы его Марѣы (I). Между тѣмъ вкладная вдовы Марѣы содержитъ два указанія, дающія возможность точнѣе опредѣлить время ея написанія, а именно: а) на игумена Василия Святого Спаса, выступившаго въ роли послуха вкладной, и в) на то, что земля жертвуется храму св. Николая въ Корельскомъ, а не Николаевскому Корельскому монастырю. Игуменъ Василий Святого Спаса, судя по отписи, взятой Спасо-Хутыискимъ монастыремъ у посадника Ивана Даниловича, былъ современникомъ Новгородскаго архіепископа Іоанна (1388-1414 годы). Храмъ св. Николая въ Корельскомъ превратился въ Николаевскій Корельскій монастырь, упоминаемый въ Новгородской I лѣтописи подъ 1419 годомъ. Итакъ, вкладная Марѣы писана до 1419 года (II). Сравнивая же выводы (I) и (II), можно сказать, что купчая Филиппа Григорьевича составлена раньше 1419 года (III). Въ свою очередь вкладная Марѣы, вдовы Филиппа Григорьевича, находится въ связи съ духовной Остафья Своеземцова, писанной, судя по позднѣйшему списку съ нея, въ 6901 (1393) году; эта связь обнаруживается: а) въ томъ, что здѣсь, при перечисленіи должниковъ, упоминается Марѣа, теща Варѣоломѣева, вѣроятно, тождественная съ Марѣой вкладной, гдѣ рѣчь идетъ между прочимъ и о зятѣ ея Варѣоломѣѣ Васильевичѣ, в) въ томъ, что въ только что приведенномъ текстѣ упоминается и Варѣоломѣй (Васильевичъ), бывшій послухомъ при совершеніи купчей Филиппа Григорьевича и упоминаемый въ числѣ душеприкащиковъ въ вкладной вдовы Марѣы. На основаніи вышеуказанныхъ сопоставленій, а также того обстоятельства, что въ духовной Остафья Своеземцова 1393 (?) года упоминается одна только „Марѣа, Охромѣева теща“, а не мужъ ея Филиппъ Григорьевичъ, можно предполагать, что Филиппъ Григорьевичъ уже скончался до написанія духовной Остафья Своеземцова, т. е. до 1393 года (IV), и что, значитъ, его купчая относится ко времени до 1393 года (V)¹⁾.

¹⁾ А. Шахматовъ, Op. cit., cc. 3 5. А. Ю. № 409, 1.

Въ зависимости отъ вышеуказаннаго различенія между актами съ освѣдомительнымъ и актами съ удостовѣрительнымъ характеромъ, получившимъ особенное примѣненіе къ частнымъ актамъ, признаки ихъ подлинности также различны. Частные акты съ освѣдомительнымъ характеромъ, въ качествѣ таковыхъ, могутъ быть вовсе лишены тѣхъ знаковъ удостовѣренія, которыми акты съ удостовѣрительнымъ характеромъ должны быть снабжены. Такой недостатокъ „памятей“ (въ узкомъ смыслѣ) отчасти ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что онѣ, сами по себѣ, представлялись гораздо менѣе выгодными для поддѣлки, чѣмъ акты съ удостовѣрительнымъ характеромъ, а потому и вызываютъ меньше подозрѣній, чѣмъ послѣдніе.

Знаки удостовѣренія грамотъ могли быть частными и публичными. Знаки частнаго удостовѣренія состояли: 1) въ приложеніи какого-либо знака, большею частью печати или позднѣе подписи совершителей акта, 2) въ свидѣтельствѣ, позднѣе рукоприкладствѣ послуховъ, 3) въ указаніи на составителя-писца грамоты, т. е. на канцелярію, 4) въ внесеніи акта въ картулярій, иногда засвидѣтельствованный правительственной властью, что уже приводило къ публичному удостовѣренію.

Въ древнѣйшее время „рукоприкладство“ совершителей акта могло имѣть буквальное значеніе. „Какъ писать (въ древности) мало умѣли, замѣтилъ одинъ изъ нашихъ старинныхъ историковъ, то для утвержденія (акта), намаравъ всю ладонь чернилами, тонко къ бумагѣ прикладывали, гдѣ всѣ стигбы руки означатся. Таковы мнѣ два писма изъ Чердынской архивы, одно на кожѣ, другое на бумагѣ, для показанія привозили“¹⁾.

Въ древнѣйшихъ двинскихъ грамотахъ, писанныхъ на пергаментѣ, XV вѣка, встрѣчаются иногда знаки въ видѣ крестовъ, крестообразно расположенныхъ точекъ, острыхъ угловъ и болѣе или менѣе фантастическихъ фигуръ, въ-

¹⁾ В. Татищевъ, Толкованія на Судебникъ царя Ивана Васильевича, ст. 28-ю, въ Продолженіи Древней Россійской Вѣщовки, ч. I.

роятно, замѣнявшихъ подписи совершителей актовъ¹⁾. Впрочемъ, въ то время приложеніе печати уже получило широкое распространеніе.

Вышеприведенная группировка знаковъ удостовѣренія можетъ получить нѣсколько иной видъ, если разсмотрѣть прежде всего тотъ изъ нихъ, который состоялъ въ приложеніи печати: оно могло имѣть частное и публичное значеніе. Замѣтимъ прежде всего, что печати долгое время замѣняли собою подписи соответствующихъ лицъ и лишь въ позднѣйшее время стали служить для простаго запечатанія грамотъ: еще Посошковъ, разсуждая о правосудіи, писалъ, что судья, при допросѣ свидѣтеля, показанія котораго записываются подъячимъ, долженъ поступать слѣдующимъ образомъ: „и буде грамоты кто умѣетъ, то руку бы приложилъ; а буде кой не умѣетъ, то печать-бы свою приложилъ, чтобъ послѣди спорить не сталъ“²⁾.

Вообще, печати употреблялись у насъ, какъ и на западѣ, въ двухъ видахъ: а) въ видѣ особыхъ знаковъ, специально приспособленныхъ для удостовѣренія письменныхъ документовъ; в) въ видѣ перстней съ какимъ нибудь рѣзнымъ камнемъ и т. п., служившимъ, въ качествѣ своего рода „secretum“, для удостовѣренія письменныхъ документовъ. Указанія на такіе разновидности печатей, разумѣется, имѣвшихся у царя и патріарха³⁾, встрѣчаются въ нашихъ старинныхъ памятникахъ и относительно частныхъ лицъ. Въ „росписи Савина монастыря чернаго священника Меркурія Кіевлена рухледи его келейной, что онъ положилъ на сбереженіе въ скринки у пѣвчего у Якова Борзаковского да у разничаго Антона Алексѣева“, между прочимъ, значится: „печать серебряная; цѣна 13 алтынь 2 денги...“⁴⁾. Въ описи имуще-

¹⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, №№ 3, 23, 24, 31, 33, 35, 37.

²⁾ И. Посошковъ, Сочиненія, ч. I, с. 59.

³⁾ Писма русск. госуд., т. I, с. 33. В. Захарьевичъ, Палпюдіи Захарія Копытенскаго, Варш. 1883, с. 178. Опис. докум. и дѣлъ Арх. Свят. Синод., т. II, № 74; ср. № 184 и др.

⁴⁾ Розыскныя дѣла о Федорѣ Шаковитомъ и его сообщникахъ, т. I, Спб. 1884, сс. 839, 842.

ства, оставшагося послѣ князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго, 1612 года, мы читаемъ: „да послѣ князя Дмитрея жъ осталось: перстень съ чернью золотъ, а въ немъ яхонтъ лазоревъ, рѣзана печать, а кругомъ его поставлены яхонты червчатъ да олмазы... да перстень золотъ, съ чернью, а въ немъ печать желѣзная, а въ печати врѣзвано золото... да перстень мѣдянь, а въ него вставлена перелефть, а на перелефти рѣзана печать...“¹⁾. Въ нѣсколько позднѣйшее время такіе перстни стали привозить изъ-за границы въ большомъ количествѣ: въ 1671 г., напримѣръ, въ Архангельскѣ, вмѣстѣ съ другими нѣмецкими товарами, были привезены „64 штуки перстней съ печатью съ сапфирами“; черезъ два года въ Архангельскъ прибыло нѣсколько кораблей съ голландскими товарами, въ томъ числѣ: „451 штука камней къ перстнямъ съ печатями“ и т. п.²⁾. Въ качествѣ знака частнаго удостовѣренія грамоты печати издавна прикладывались, судя по сохранившимся указаніямъ, изъ чернаго или желтаго воску³⁾. Купчая Кириллова монастыря игумена Филоея, 1469 г., содержитъ, между прочимъ, слѣдующую клаузулу: „А запечаталъ сію грамоту язъ Олешка Микитинъ (продавецъ) своею печатью“. Запись, данная митрополиту Θεодосію Гридею Карауловымъ (названнымъ въ текстѣ Черемисинымъ Карауловымъ) и Иваномъ Кожинымъ, о неосвоеніи озеръ, пожалованныхъ имъ митрополитомъ для рыбной ловли, 1461—1464 годовъ, заканчивается слѣдующими словами: „А запечаталъ сію грамоту язъ Гридка Черемисинъ одною своею печатью“ и т. д. Во вкладной старца Арсенія Кириллову монастырю, 1435—1447 годовъ, онъ пишетъ: „А запечаталъ есмь печатью отца своего господина игумена Трифона“⁴⁾. Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что далеко не всѣ акты,

¹⁾ А. И., т. II, № 340; у князя Д. И. Шуйскаго было еще два перстня съ печатями.

²⁾ *Кильбургеръ*, О русской торговлѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. переводъ Б. Г. Курца, К. 1915, сс. 123, 138.

³⁾ А. Ю. №№ 74, 111, 121, 122.

⁴⁾ А. Ю. № 74. А. Ю. В., т. I, № 119, I.

даже крѣпостные, снабжены печатями, о чемъ они иногда сами упоминаютъ; въ купчей Кириллова монастыря игумена Кассіана, 1448—1468 годовъ, сказано: „а грамота безъ печати“¹⁾. Въ актахъ XVI—XVII вѣковъ печати совершителей обыкновенно уже замѣняются ихъ подписями, что, впрочемъ, не всегда бывало. Указъ 1628 года поября 17, въ сущности, уже требуетъ, чтобы всякая крѣпость была подписана тѣмъ, кто даетъ ее, или, за его безграмотностью, его отцомъ духовнымъ. Въ росписи съ статейнаго списка, присланнаго изъ Челобитеннаго приказа въ Земскій приказъ, мы читаемъ: „которые люди учнутъ занимать въ кабалу деньги, а въ тѣхъ деньгахъ учнутъ дворы и лавки закладывать или учнутъ кто межъ себя какіе записи или иные какіе крѣпости въ иныхъ какихъ дѣлѣхъ учнутъ межъ себя писать, а грамотѣ не умѣютъ, и къ тѣмъ кабаламъ и ко всякимъ крѣпостямъ въ ихъ мѣсто отцемъ-ли ихъ духовнымъ, или стороннимъ людямъ велѣтъ въ ихъ мѣсто руки прикладывать? По той статьѣ государи указали: кто не умѣетъ грамотѣ, и въ ихъ мѣсто руки прикладывать отцемъ ихъ духовнымъ; а будетъ у кого отца духовнаго близко нѣтъ, или со отцемъ духовнымъ вражда, и въ ихъ мѣсто руки прикладывать роду ихъ ближнему, братьѣ роднымъ или племянникомъ“²⁾.

Въ древнѣйшихъ грамотахъ до середины XV столѣтія послухи обыкновенно лишь упоминаются въ качествѣ свидѣтелей сдѣлки, а не совершенія самаго акта, что и отражается въ формулѣ—„а на то послуши“; и только начиная со второй половины XV, главнымъ же образомъ съ XVI вѣка грамоты обыкновенно снабжены печатями и, быть можетъ, позднѣе, рукоприкладствами послуховъ. При „запечатаніи“ грамоты послухи ограничивались иногда (?) одной общей для всѣхъ печатью. Въ духовной Патрикѣя Троицкому Сергіеву

¹⁾ А. Ю. № 73.

²⁾ А. И., т. III, № 92 (с. 101) и № 167 (с. 308). Лица, прикладывавшія руку за другого, иногда назывались „ручниками“; см. И. Посошковъ, Забѣданіе отеческое, с. 189.

монастырю 1391—1428 годовъ мы читаемъ, напимѣрь: „А запечатали есмь вси послуши единою печатью хресцемъ“¹⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ послухи довольствовались печатью отца духовнаго или даже какимъ либо другимъ знакомъ, напимѣрь, духовная Александра Белеутова 1472 года заканчивается словами: „А запечатали есмя сію духовную всѣ одною печатью отца его духовнаго игумена Андроника“; духовная Степана Лазарева 1473 года заключаетъ слѣдующее указаніе: „А запечатали есмя духовную попѣ и мужи всѣ и дьякъ денгою Ноугороцкою“ и т. п.²⁾.

Указанія на того, кто писалъ грамоту, если онъ не былъ должностнымъ лицомъ (а только грамотнымъ и знающимъ формы составленія актовъ), можно также признать способомъ частнаго ихъ удостовѣренія, напимѣрь: „А подлинную харатеиную купную грамоту писалъ дѣлкъ онанѣѣ істома“, „А грамоту писалъ Григорей дѣлкъ стаго сиса“ и т. п.³⁾. Подписи писца не требовалось, ибо онъ самъ писалъ грамоту и, въ сущности, значить въ вышеприведенной формѣ снабжалъ ее своей подписью.

Наконецъ, знакомъ частнаго удостовѣренія можно отчасти признать еще внесеніе акта въ картуларій, т. е. въ частную записную книгу крѣпостныхъ актовъ, которая обыкновенно велась крупными владѣльцами: духовными и свѣтскими лицами. Хотя въ такія книги могли попадать и неподлинныя акты, однако, въ виду того юридическаго значенія, какое приписывали такимъ книгамъ и даже засвидѣтельствованія ихъ, кромѣ самихъ владѣльцевъ или ихъ уполномоченныхъ, органами правительственной власти, можно думать, что акты, внесенный въ нее, обыкновенно разсматривался, какъ достовѣрный⁴⁾.

Знаки публичнаго удостовѣренія состояли: 1) въ приложеніи печати должностнаго лица или присутственнаго

¹⁾ А. Ю. Б., т. I, № 82.

²⁾ А. Ю. №№ 410 и 411.

³⁾ А. Шахматовъ, *Op. cit.*, №№ 41, 81, 82, 96 и др.

⁴⁾ См. ниже, с. 114.

мѣста, 2) въ писаніи крѣпостей площадными подъячими, 3) въ докладѣ органамъ правительственной власти, 4) въ внесеніи текста грамоты въ записныя книги крѣпостей, которыя велись въ соответственныхъ присутственныхъ мѣстахъ.

1. Печать употреблялась и въ качествѣ знаковъ для публичнаго удостовѣренія грамоты. Въ Двинскихъ грамотахъ, напимѣрь, часто отмѣчается, что при совершеніи акта у печати, привѣшиваемой должностнымъ лицомъ къ грамотѣ, стоялъ такой-то; при заключеніи купчихъ, у печати пахотился обыкновенно продавецъ или рѣже довѣритель; напимѣрь: „А оу печати стоялъ Гаврила“; или „а въ печати стоялъ Ѡртема самъ“; или „оу печати стоялъ Романъ во отеча своего мѣсто Онѣчифора“; или „а оу печати вѣлѣли стояти нефѣдьеви дѣти (такіе-то) оу свое мѣсто Фефилату Федоровичю“¹⁾. При двинскихъ грамотахъ такія печати бывали обыкновенно свинцовыми вислыми, обыкновенно на витаныхъ шнуркахъ. Въ позднѣйшее время указомъ 1676 года октября 22 велѣно было прилагать въ Земскомъ приказѣ къ даннымъ и всякимъ крѣпостямъ государеву, а не судейскую печать²⁾. Съ начала же 1699 года, когда вышелъ указъ 23 января, приложеніе печатей должностныхъ лицъ окончательно замѣнилось введеніемъ въ употребленіе гербовой бумаги, уже снабженной государственной печатью³⁾.

2. Съ теченіемъ времени публичное удостовѣреніе акта стало обнаруживаться и въ томъ, что онъ писался органомъ, уполномоченнымъ на то правительственной властью. Съ середины XVI столѣтія встрѣчаются указанія на „площадныхъ подъячихъ“, которые и стали играть такую роль при писаніи актовъ. Въ дѣлѣ С. В. Строилова съ И. М. Чертовымъ 1565—1566 годовъ, напимѣрь, упоминается площадной подъячій

¹⁾ А. Шахматовъ, *Op. cit.*, №№ 3, 31, 109, 112.

²⁾ П. С. З., т. II, № 665.

³⁾ П. С. З., т. III, № 1673 и др.; ср. т. VI, № 3521. *Опис. докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Святѣйшаго Правит. Синода.* т. V, № 1. Полное Собраніе постановленій и распор. по вѣдомству правосл. исповѣд. т. V, № 1477.

Палка Бѣлозерець ¹⁾; такъ какъ къ тому времени онъ уже просидѣлъ въ тюрьмѣ девятнадцать лѣтъ, то и можно заключить, что площаднымъ подьячимъ онъ былъ уже въ срединѣ сороковыхъ годовъ XVI столѣтія. Въ исторіи института площадныхъ подьячихъ надо различать время до Уложения и послѣ Уложения. До Уложения площадные подьячіе писали акты еще наряду съ другими учрежденіями и лицами. Со времени Уложения площаднымъ подьячимъ было оффициально поручено совершеніе важнѣйшихъ актовъ, что и придавало имъ значеніе своего рода погариусовъ, удостоверявшихъ ихъ.

Уложение, дѣйствительно, поручаетъ исполненіе такой функціи площаднымъ подьячимъ. „А которыхъ люди учнутъ у кого заимовати въ кабалы денегъ, или иного чего нибудь, или кто кому учнетъ давати на себя записи, или иные какія-нибудь крѣпости въ большихъ дѣлахъ, и имъ заемныя кабалы и всякія крѣпости велѣтъ писать на себя и въ послушхъ писатися на Москвѣ и въ городѣхъ площаднымъ подьячимъ; а писати послуховъ въ крѣпостяхъ на Москвѣ и въ городѣхъ, въ большихъ дѣлахъ человекъ по пяти и по шти, а не въ большихъ дѣлахъ человека по два и по три, а меньши дву человекъ въ послушхъ ни въ какихъ крѣпостяхъ не писати, и давати такіе заемныя кабалы, и всякія крѣпости на себя за своими руками. А которыхъ грамотѣ не умѣютъ, и имъ велѣти въ свое мѣсто къ тѣмъ кабаламъ, и ко всякимъ крѣпостямъ прикладывать руки отцемъ своимъ духовнымъ, или братьямъ своимъ роднымъ, или дядьямъ, или племянникомъ, или кому они въ томъ вѣрятъ. А мимо площадныхъ подьячихъ и безъ послуховъ никому ни на кого крѣпостей не писати. А будетъ кто у кого занявъ денегъ, или иного чего, заемную память напишетъ на себя самъ своею рукою, или ту память велитъ на себя написать человекъ своему, а самъ къ той памяти руку приложить, и такимъ заемнымъ памятемъ вѣрити, и судъ по нихъ давати.

¹⁾ Н. Лигачевъ, Изъ лекцій по дипломатикѣ, сс. 23, 27.

А будетъ кому нибудьлучится у кого заняти денегъ рублевъ пять, или шесть, или десять, или хлѣба, или иного чего нибудь, противъ той цены въ селѣ, или въ деревнѣ, или кто какое угодье въ наемъ отдастъ противъ той же цены, а грамотѣ онъ умѣетъ, и крѣпость на себя самъ напишетъ, или кому велитъ написать, а самъ руку приложить, хотя и безъ послуховъ, и такимъ крѣпостямъ по тому же вѣрити и судъ по нихъ давати. А которые люди въ селѣхъ и въ деревняхъ грамотѣ не умѣютъ, и имъ въ такихъ не въ большихъ дѣлахъ велѣти на себя такія крѣпости писати инымъ сель земскимъ, или церковнымъ дьячкомъ, или кому нибудь, и къ тѣмъ крѣпостямъ, велѣти въ свое мѣсто прикладывать руки отцемъ своимъ духовнымъ, или кому въ томъ они вѣрятъ стороннимъ людямъ. А которые люди такія крѣпости учнутъ на кого имати, и имъ такихъ крѣпостей въ своихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ помочь своимъ и дьячкомъ и людямъ писати не велѣти. А будетъ у кого такіе крѣпости объявятся, и такимъ крѣпостямъ не вѣрити, по тому что писали тѣ крѣпости ихъ же сель поповъ и дьячки. А вотчинныя и дворовыя купчія и закладныя и даныя и иныя всякія крѣпости въ большихъ дѣлахъ всякихъ чиновъ людямъ велѣти на Москвѣ и въ городѣхъ писати и въ послушхъ писатися на площади площаднымъ подьячимъ; а въ селѣхъ и деревняхъ и по подворьямъ такихъ крѣпостей въ большихъ дѣлахъ, опричь зговорныхъ свадебныхъ записей и духовныхъ и заемныхъ памятей, никому не писати“.

Соотвѣтственно приведенной статьѣ Уложение придаетъ актамъ, писаннымъ площадными подьячими, значеніе судебныхъ доказательствъ.

„А будетъ кто кому давъ на себя какую крѣпость, учнетъ на того, кому онъ ту крѣпость дать, являти и бити челомъ Государю и сказывати, что на него та крѣпость взята по певолѣ, и учнетъ онъ въ томъ слатися на стороннихъ людей по стачкѣ, а писана та крѣпость на площади, и въ послушхъ у той крѣпости писалися площадные подьячіе, и его рука у той крѣпости есть, а тотъ, кому онъ

ту крѣпость на себя дать, и площадные подьячіе на очной ставкѣ съ нимъ учнутъ говорить, что та крѣпость прямая, а не нарядная, а тѣ люди, на которыхъ тотъ челобитчикъ пошлется съ ними по стачкѣ, учнутъ ту крѣпость называть нарядною же, а послѣ того сыщется допряма, что та крѣпость прямая, а не нарядная, а лживять ее для того, что бы по ней исцова иску не платити, и тому челобитчику за такое его ложное челобитье, и тѣмъ людямъ, которые учнутъ по немъ говорить ложно, съ нимъ по стачкѣ, учинити жестокое наказаніе, велѣти ихъ бити кнутомъ нещадно при многихъ людехъ, что бы имъ и инымъ такимъ въпредѣ неповадно было такъ дѣлать. Да на нихъ же велѣти тому, на кого они такое дѣло напрасно затѣютъ, доправити бесчестье, да искъ его по крѣпости сполна, да его же вкинути въ тюрьму на полгода. А будетъ кто кому давъ на себя какую крѣпость нибудъ, и учнетъ ту крѣпость на судѣ лживити, а та крѣпость за его рукою, и писана та крѣпость на площади и въ послуѣхъ въ той крѣпости написаны площадные подьячіе, а до суда на ту крѣпость челобитья его и явокъ не бывало, и такимъ отвѣтчикомъ не вѣрять, и велѣть на нихъ по такимъ крѣпостямъ исцовой иску править и отдавать исцомъ¹⁾.

Указомъ 1700 года января 1 велѣно писать всякія крѣпости въ Ратушѣ, а не площаднымъ подьячимъ, распредѣливъ ихъ между Ратушей и Московской большой таможей, причемъ позднѣйшіе указы присоединили крѣпостныя дѣла къ вѣдомству городскихъ ратушъ²⁾; но такой порядокъ былъ въ послѣдствіи отмѣненъ. Указъ 1701 года января 30 установилъ новый институтъ крѣпостныхъ дѣлъ подьячихъ, причемъ завѣдываніе имъ было поручено Оружейной палатѣ; новое устройство, отличное отъ прежняго, повело къ образованію нотаріата³⁾.

¹⁾ Уложение, X, 246-250, 252, 253.

²⁾ П. С. З., т. IV, № 1740, ср. т. IV, №№ 1794, 2087, 2099.

³⁾ П. С. З., т. IV, №№ 1833, 1838 и др. О писчихъ избахъ въ городахъ см. ibid., т. IV, № 1851.

3. Докладъ получалъ нѣкоторое примѣненіе къ дѣламъ о холопахъ: принятіе на себя должности ключника, по мнѣнію одного изъ нашихъ изслѣдователей, происходило по докладѣ намѣстнику; по мнѣнію другого, докладомъ назывался актъ продажи себя въ рабство, совершаемый передъ лицомъ правительственнаго агента, который подвергалъ продающагося допросу о томъ, дѣйствительно ли онъ продаетъ себя въ рабство такому-то лицу и за такую-то цѣну¹⁾. Докладными назывались, однако, и другіе акты; напримѣръ, докладная грамота, въ силу которой вольная дѣвка выходитъ замужъ за холопа, а „по его холопи далась ему въ рабы“ и т. п.²⁾. Въ числѣ актовъ, представленныхъ въ Разрядъ, немало „докладныхъ“ купчихъ, заемныхъ и т. п. Докладная грамота великаго князя Рязанскаго Ивана Васильевича о займѣ Василюмъ Андреевичемъ сыномъ съ семьей 5 рублей денегъ у Федора Васильевича начинается словами „Доложь вел. князя... боярина... се язъ... А на докладъ были Юрманьга талмачъ да Анисимъ Сухининъ сынъ...“³⁾. Судебники разрѣшаютъ выдачу отпускной холопу и рабѣ не иначе какъ съ боярскаго доклада⁴⁾.

4. Въ то-же время (XVI-XVII вѣка) крѣпостные акты, писанные площадными подьячими (по крайней мѣрѣ, нѣкоторые), подлежали запискѣ въ приказахъ и въ съѣзжихъ избахъ въ записныя книги крѣпостямъ, смотря по предмету ихъ вѣдомства, напримѣръ, крѣпости на холоповъ—въ приказѣ Холопьяго суда, а по городамъ у воеводъ и губныхъ старостъ, обязанныхъ скрѣплять книги своими подписями⁵⁾; крѣпости на вотчины и помѣстья записывались въ Помѣстномъ приказѣ⁶⁾; крѣпости на дворы и дворовыя мѣста въ Москвѣ въ Земскомъ приказѣ и въ приказныхъ избахъ⁷⁾; записи на

¹⁾ А. Дмитриевъ, Исторія судебныхъ инстанцій, изд. 2, сс. 278—287.

²⁾ Записная книга дьяка Алибева, въ Р. И. Б. т. XVII, сс. XII—XIII и № 359.

³⁾ Акты Юшкова, ч. I, № 32 и др.

⁴⁾ Судебникъ, статья 18, 20; Царскій Судебникъ, ст. 77.

⁵⁾ Уложение, XX, 2, 7-14, 16, 37, 38, 45, 48, 72-74.

⁶⁾ Уложение, XVI, 6; XVII, 31, 35, 38, 39, 54; XVIII, 17. П. С. З., т. I, № 475; т. II, № 1060; т. III, № 1854.

⁷⁾ Уложение, XIX, 40. П. С. З., т. IV, № 1919.

дворцовыхъ тяглыхъ людей на урочные годы въ работу—въ приказѣ Большого Дворца ¹⁾); жилия записи на патриаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ—въ Монастырскомъ приказѣ ²⁾); крѣпостные акты, писанные ипоземцами—въ Палатѣ крѣпостныхъ дѣлъ ³⁾ и т. д. Въ XVIII вѣкѣ, какъ указано было выше, такіа записныя книги велись въ Судномъ приказѣ ⁴⁾), позднѣе въ Крѣпостной конторѣ ⁵⁾), въ Юстицъ-и Вотчинной Коллегіи и въ губернскихъ и провинціальныхъ канцеляріяхъ, съ 1775 года, по Учрежденію о губерніяхъ, въ палатахъ гражданскаго суда и уѣздныхъ судахъ.

Въ составѣ подлинныхъ актовъ слѣдуетъ различать акты: черновые, бѣловые, умноженные и возобновленные.

1. Черновые акты могутъ дать понятіе о происхожденіи даннаго акта или, по крайней мѣрѣ, о генезисѣ его текста. По черновому акту, писанному собственноручно или снабженному собственноручными поправками, можно иногда судить о томъ лицѣ, отъ котораго онъ исходилъ или о той канцеляріи, въ которой онъ былъ написанъ. Черновые акты могутъ также представлять изъ себя первоначальную редакцію бѣловыхъ, въ которой мысль иногда высказывается болѣе непринужденно или обнаруживаетъ характерныя уклоненія. Впрочемъ, относительно частныхъ актовъ случаи подобнаго рода довольно рѣдки. Черновые акты обыкновенно лишены какихъ либо знаковъ удостовѣренія. Въ Коллежскомъ собраніи двинскихъ грамотъ сохранилось два акта, представляющіе какъ бы двѣ редакціи для выраженія одной и той-же юридической сдѣлки, причемъ трудно, однако, рѣшить, какаа изъ нихъ окончательная: въ 1619 году августа 13 Матрена Ергина „и въ брата своего мѣсто“ Григорія Бутора продала, напимѣръ, часть пожни Лапанги Николаевскому Моржегорскому монастырю, причемъ купчая

¹⁾ Ibid., т. II, № 759.

²⁾ Ibid., т. IV, № 1920.

³⁾ Ibid., т. IV, № 1941.

⁴⁾ Ibid., т. IV, №№ 1962, 1997, 2088.

⁵⁾ Ibid., т. VII, № 4266.

на эту землю имѣется въ двухъ видахъ: текстъ обѣихъ грамотъ почти тождественный, — отличіе состоитъ лишь въ томъ, что въ одной послухами являются два лица: „мужъ Матрены Худекъ Ивановъ да Иванъ Клементьевъ Ергина же“; а въ другой, кромѣ того, упомянуть третій: „Максимъ Ѳедоровъ сынъ Галашева“; причемъ первую купчую писалъ „Никольсково монастыря дячекъ Елизарко Семеновъ“, а вторую купчую: „Венедиктецъ Ивановъ Яковлева“ ¹⁾.

2. Бѣловые акты обыкновенно содержатъ окончательную редакцію текста и снабжены, если они оказываются актами съ удостовѣрительнымъ характеромъ, всѣми нужными знаками ихъ удостовѣренія. Впрочемъ, въ бѣловыхъ актахъ также встрѣчаются иногда поправки, внесенныя даже надъ строками, другими чернилами, напимѣръ, въ духовной черноризца Артемія на четверть наволока, завѣщательную имъ Николаевскому Чухченемскому монастырю, XV-го вѣка и т. п. ²⁾

3. Умноженные акты (удвоенные, утроенные и т. п.). Въ случаѣ заключенія обоюдосторонней сдѣлки, каждая изъ сторонъ нуждалась въ соотвѣтствующемъ актѣ; онъ изготовлялся въ соотвѣтствующемъ числѣ экземпляровъ, каждый изъ которыхъ имѣлъ равное съ другими значеніе, т. е. являлся подлиннымъ; такіе акты назывались въ старину „противпями“. Въ „записи“ о полюбовномъ раздѣлѣ земель между Ѳерапонтовымъ монастыремъ и крестьянами Есюпинской волости, 7038 (1530) года мы читаемъ: „А су есмя записъ, написавъ, далъ (староста и во всѣхъ крестьянъ мѣсто) игумену съ братією Ѳерапонъту, а у нихъ есмя записъ взяли такову-же слово въ слово“. Въ „мѣнной“ на часть сугреба разсолу въ варницѣ Глубокой въ Неноксѣ съ варничнымъ „заводомъ“ и угодьями, промѣненную Тимошеемъ Усовымъ Николаевскому Корельскому монастырю на часть сугреба разсолу въ варницѣ Скоморошицѣ тамъ же съ варничнымъ „заводомъ“ и угодьями, 1622 года, значится: „А тѣми росолы помѣнялись мы межъ собою по слову и полюбовно, и мѣнные двѣ написали слово

¹⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № № 494, 495.

²⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 7.

въ слово и розняли по себѣ“. Въ дѣльной Василя Лодыгина, Никиты Шулемина и Никона и Сергія Сидоровыхъ на деревню на Ладинѣ берегу 1627 года встрѣчается слѣдующая клаузула: „да въ томъ мы промежъ собою и дельные пописали три по противнымъ и розняли по себѣ“¹⁾.

Въ „противныхъ“ допускались, впрочемъ, тѣ малозначительныя измѣненія, какія оказывались нужными, при писаніи, напримѣръ, акта отъ лица поряжающаго или порядчика, покупателя и продавца и т. п. Въ крестьянскихъ порядныхъ встрѣчаются, напримѣръ, такія клаузулы: „А записи есмя писали по противнымъ“, „да въ томъ есмя межъ себя и записи написали по противнымъ и розняли“ и т. п. Противни купчихъ, напримѣръ, акты рода Монастыревыхъ соотвѣтственно начинались словами: „се язъ продалъ“, „се язъ купилъ“ и т. п.²⁾ Такіе акты назывались иногда также „грамотами противными“: въ переписной книгѣ домовою казны патріарха Никона, напримѣръ, значитъ: „патріарша мѣновная 165 году, что промѣнилъ въ домъ Пречистые Богородицы сельцо Новое съ деревнями на деревню Посникову въ Московскомъ уѣздѣ; мѣновная противная на деревню Посникову того-жь году“³⁾.

4. Акты возобновленные замѣняли собою подлинныя; они содержали возстановленные тексты утраченныхъ грамотъ, надлежащимъ образомъ удостовѣренные. Такія грамоты, утраченныя по случаю ветхости, пожара, вражескаго нашествія и т. п., возобновлялись по челобитію заинтересованныхъ лицъ послѣ приказнаго сыска.

Акты, которые нельзя признать, на основаніи вышеприведенныхъ признаковъ, подлинными, оказываются неподлинными. Въ составѣ ихъ можно различать: акты списанные и поддѣльные.

1. Акты списанные встрѣчаются или въ видѣ отдѣльныхъ копій или въ цѣлыхъ сборникахъ. а) Копіи съ отдѣльныхъ

¹⁾ А. Ю. № 154. Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, №№ 521, 535.

²⁾ Сводный текстъ крестьянскихъ порядныхъ XVI вѣка, составленный слушателемъ С.-Пб. Высшихъ Женскихъ Курсовъ, С.-Пб. 1910, с. 46. А. Ю. № 31 и Д. Мейчикъ, Ор. сіт., с. 114.

³⁾ Врем. М. О. И. и Др., кн. 15 (1852), с. 75.

актовъ назывались „списками“ или „снимками“, что и обозначалось въ началѣ грамоты и на оборотѣ ея, напримѣръ: „списокъ з данои слово въ слово“ или „снимокъ зъ духовной слово въ слово“, причемъ на оборотѣ послѣдней значитъ: „снять списокъ зъ духовной“ и т. п. Термины „снимокъ“ и „съемъ“, однозначущіе съ терминомъ „списокъ“, рѣже встрѣчаются¹⁾. Копіи могли быть засвидѣтельствованными или простыми. Купчая Антонія Римлянина, писанная, судя по косвеннымъ указаніямъ, до 1147 г. и вызывающая нѣкоторыя сомнѣнія, засвидѣтельствована царемъ Иваномъ Грознымъ 1573 года августа 15. Духовная Владиміра Васильковича (внука Романа Мстиславича), князя Владимірска-Волынскаго (+ 1289 году), извѣстна лишь въ простой копіи, занесенной на границы нашей лѣтописи по Ипатьевскому списку и т. п.²⁾. О значеніи нѣкоторыхъ копій можно судить хотя-бы по тѣмъ актамъ, которые были представлены въ Разрядъ, въ Палату Родословныхъ Дѣлъ, послѣ отмѣны мѣстничества, главнымъ образомъ, въ промежутокъ времени съ 1682 года по 1690 годъ и которые сохранились въ спискахъ: между ними имѣется, напримѣръ, одна рязанская купчая XIV вѣка, подлинникъ которой пахотился въ Солотчинскомъ монастырѣ, „въ казнѣ“; къ „подлинному ея списку“ архимандритъ руку приложилъ; далѣе купчія и заемныя XV вѣка и т. д.³⁾.

Въ позднѣйшихъ грамотахъ, особенно въ правыхъ, часто включались тексты старѣйшихъ актовъ, предъявленныхъ на судѣ. Въ одной правой грамотѣ Николаевскому Корельскому монастырю 1571 года, напримѣръ, внесено нѣсколько частныхъ актовъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) отступная, 2) отступная, 3) отступная, 4) данная, 5) порядная, 6) данная, 7) отступная (названная купчей), 8) отступная, 9) отступная, причемъ вышеуказанная крестьянская порядная—древнѣйшая

¹⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, №№ 119 и 346. Р. И. Б., т. XIV, ст. 847, 851.

²⁾ *Амурсіи*, Исторія Росс. Іерархіи, т. VII, сс. 123-126. Ипатьевская лѣтопись подъ 6795 годомъ (с. 595).

³⁾ Акты Юшкова №№ 32, 44 и др.

изъ извѣстныхъ. Въ дѣлахъ XVIII вѣка, особенно тѣхъ, которыя касаются землевладѣнія, „почти постоянно встрѣчаются въ копіяхъ документы XVI и XVII вѣковъ“ ¹⁾.

б) Сборники актовъ въ копіяхъ имѣютъ существенное значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда могутъ быть признаны картуларіями, въ особенности такими, которые были засвидѣтельствованы въ приказахъ (diplomatoria, paunchartae, chartularia). Наиболѣе извѣстными картуларіями подобнаго рода слѣдуетъ признать извѣстные сборники актовъ Троицкаго Сергіева монастыря. О составленіи ихъ сохранились слѣдующія извѣстія: при архимандритѣ Адріанѣ въ 1642 году, по случаю доносовъ, изъ Москвы были присланы окольничій князь Волконскій и дворянинъ Панинъ съ двумя дьяками и восемью подьячими; они должны были переписать все церковное имущество, деньги, запасы съѣстные и воинскіе, монастырскихъ людей и скотный дворъ, какъ въ Троицкомъ монастырѣ, такъ и во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему монастыряхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ переписаны были и всѣ грамоты на монастырскія вотчины какъ окладныя, такъ и жалованныя великихъ и удѣльныхъ князей и царей Московскихъ. Возникшій такимъ образомъ сборникъ вкладныхъ грамотъ съ присовокупленіемъ прочихъ документовъ на владѣніе вотчинами или „вотчинная книга“ раздѣляется на двѣ части и содержитъ въ себѣ 2375 актовъ разнаго рода. Сборникъ жалованныхъ грамотъ великихъ и удѣльныхъ князей и царей содержитъ въ себѣ 588 грамотъ. Оба сборника скрѣплены по листамъ монастырскими властями и дьяками ²⁾. Въ одномъ изъ сборниковъ Троицкаго Сергіева монастыря смѣшаннаго содержанія записано, между прочимъ, слѣдующее извѣстіе, относящееся, надо думать, ко второй половинѣ XVII вѣка ³⁾:

¹⁾ А. Ю. № 23. Памятн. кн. Моск. Арх. Мин. Юст., с. 149.

²⁾ А. Горскій, *Op. cit.*, сс. 127—128.

³⁾ Троицкой Сергіевой Лавры Главная Библиотека, опись 1906 года, отдѣленіе 13, № 637, лл. 214—216. Предшествующія записи относятся къ 17193 году, послѣдующія упоминаютъ актъ 17160 года.

„По указу государей властей написано с писцовыхъ книгъ списковъ и з государевыхъ жаловальныхъ грамотъ и з даныхъ и з духовныхъ и закладныхъ и купчихъ и з меновныхъ записей на Троицкіе вотчины и на всякіе угодье и тѣ списки справлены на Москвѣ в Помѣстномъ приказе и привезены в монастырь за приписью дьяка Дмитрія Ѳеодорова да за подьяческими справками Максима Данилова, Леонтя Львова, Ооонасыя Герасимова и переплетены в переплетъ и отданы в крѣпостную казну крѣпостному старцу Арону Покровскому.

- 2 книги Московского уѣзду
- 2 книги Дмитровского уѣзду
- 2 книги Переславского уѣзду
- 2 книги Серпѣйского уѣзду
- 2 книги Коломенского уѣзду
- 2 книги Ярославцаго Малаго уѣзду
- 2 книги Оболенского уѣзду
- 2 книги Боровского уѣзду
- 2 книги Новосилского уѣзду
- 2 книги Калужского и Верѣйского уѣзду
- 2 книги Звенигородскаго уѣзду
- 2 книги Серпуховскаго уѣзду
- 2 книги Каширскаго уѣзду
- 1 книга Медынскаго уѣзду
- 1 книга Рязанскаго уѣзду
- 1 книга Можайскаго уѣзду

Принято у слуги Василья Колмакова Галецкаго стола с писцовыхъ и с мѣжевыхъ книгъ и с крепостей списковъ за приписью дьяка Дмитрея Ѳеодорова.

Да книга за рукою крепосные казны старца Арона Покровскаго и тѣ книги отданы въ крепосную казну.

- 2 книги Новгородскаго уѣзду
- 2 книги Ярославскаго и Пошехонскаго уѣзда
- 2 книги Бѣлозерскаго уѣзда
- 4 книги Костромскаго уѣзда
- 2 книги Галецкаго уѣзда

2 книги Колмогорского уѣзда
книга Варзуского уѣзду крепостемъ“.

Такіе-же сборники существовали у Кирилло-Бѣлозерскаго, Соловецкаго и другихъ, по крайней мѣрѣ, крупныхъ монастырей. Такія книги носили иногда специальное названіе: сборникъ актовъ Михайло-Архангельскаго монастыря въ Великомъ Устюгѣ озаглавленъ, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: „Книга, глаголемая Путникъ, Устюга Великаго пречестныя обители Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея введенія въ церковь и соборъ великаго въ чудесѣхъ святаго архистратига Божія Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ, по благословенію архимарита Варлама и по совѣту соборныхъ старцовъ: старца келаря и уставщика Нифонта и казначеевъ старцовъ Исаи и Никиты и порядчиковъ старцовъ Наума и Петра и всея братіи, начата писати лѣта 7126 въ великій постъ на 4 недѣли въ среду съ подлинныхъ путей монастырскіе вотчины и со всякихъ монастырскихъ крѣпостей слово въ слово.—Марта въ 11 день“¹⁾.

Возможно, что нѣкоторые изъ свѣтскихъ лицъ также вели подобнаго рода книги, т. е. своего рода частныя картуларіи. Въ одномъ изъ нашихъ хранилищъ рукописей находится, напримѣръ, сборникъ списковъ съ разнаго рода грамотъ, записей, купчихъ и проч., относящихся къ роду Мещериновыхъ. Извѣстная книга Поганкина, вѣроятно 1670-ыхъ годовъ, тоже, пожалуй, записная книга актовъ; самъ Поганкинъ былъ состоятельнымъ псковскимъ купцомъ, чѣмъ, можетъ быть, и объясняется, что они состоятъ, главнымъ образомъ, изъ купчихъ и т. п.²⁾.

¹⁾ Акты Велико-Устюжскаго Михайло-Архангельскаго монастыря, изданные подъ редакціей В. Шляпина, Великій Устюгъ 1912, часть I, с. 5. Сборникъ копій съ грамотъ на земельныя владѣнія Симонова монастыря, „писанный скорописью большею частью въ 1666 году и не позднѣе самого конца XVII вѣка“, названъ „книгой копійной“; см. Н. Поповъ, Рукописи Московской Синодальной Библіотеки, выпускъ II: Симоновское собраніе, Москва, № LVIII.

²⁾ К. Калайдовичъ и П. Строевъ, Описаніе рукописей графа О. Толстова, отд. II, № 271. Книга Поганкина, хранимая въ Псковскомъ Археологическомъ музеѣ, издана К. Г. Евдентьевымъ, Псковъ. 1870.

Накопецъ, кромѣ цѣльныхъ копій, неподлинные частныя акты извѣстны и въ видѣ пересказовъ (регистровъ), сохранившихся, главнымъ образомъ, въ записныхъ книгахъ крѣпостныхъ актовъ, которыя велись въ Московскихъ приказахъ и съѣзжихъ избахъ, по крайней мѣрѣ, съ конца XVI вѣка. Нѣкоторые изъ нихъ изданы, напримѣръ, записныя книги крѣпостныхъ актовъ—духовныхъ, данныхъ, купчихъ, заемныхъ, полныхъ, служилыхъ кабалъ и т. п., явленныхъ новгородскому дьяку Д. Алибѣеву¹⁾.

2. Акты поддѣльные. Вообще можно признать источникъ поддѣльнымъ, если можно приписать обманщику злое намѣреніе поддѣлать именно историческій источникъ, т. е. совершить поддѣлку самаго факта его существованія, какъ источника, и выдать результатъ своей поддѣлки за дѣйствительно существующій источникъ или за его часть. Въ такомъ смыслѣ нѣкоторые акты, вызывающіе сомнѣніе, можно признать скорѣе поддѣльными, чѣмъ подложными. Болѣе полувѣка тому назадъ, напримѣръ, въ провинціальныхъ нашихъ изданіяхъ появился одинъ актъ, который вызываетъ подозрѣніе о его поддѣлкѣ. „Се азъ, читаемъ мы здѣсь, города Гдова, старыхъ колымажныхъ дѣлъ колымажникъ Савастьянка Севрюковъ, припалъ я, Савастьянка, вышенискаго города Гдова, къ себѣ въ домъ вобья, а на долю ему, вобью, треть живота; а ежели добръ будетъ вобья, то половину ему, вобью; а ежели Богъ по душу (мою) пошлетъ, то и все ему, вобью. А ежели я, Савастьяшка, противъ него попячусь, и мнѣ, попятчику, будетъ стыдно; и ему, вобью, самому мени попятить и взять на мнѣ запячины, что указано будетъ. А на то колода людей. Лѣта 7090 (1582) года. Въ томъ Савастьянка Севрюковъ руку приложилъ“²⁾.

Въ правовомъ смыслѣ можно умышленно выдавать, посредствомъ лжи или обмана, искусственный продуктъ за

¹⁾ Арх. истор.-юрид. свѣдѣній, относящ. до Россіи, издав. Н. Калачовымъ, книга 2, пол. 1, отдѣл. II, сс. 9—70. Р. И. Б., т. XVII, сс. XXX+214+50+4кн.+II.

²⁾ Яросл. Губ. Вѣд. 1850 г. № 25; Владим. Губ. Вѣд. 1860 г. № 43; Олонек. Губ. Вѣд. 1874 г. № 82, а также въ Чтен. М. О. И. и Др. 1863 г., кн. 1, смѣсь, с. 1.

настоящий, если приписывать ему правовое значение, которого онъ, однако, не имѣетъ; дѣяніе подобнаго рода называется подлогомъ въ широкомъ смыслѣ и характеризуется тѣмъ, что оно совершается исключительно благодаря „материализованной лжи“ и направлено къ тому, чтобы, при помощи овеществляющаго ее продукта, посягнуть на пзвѣстные правоохраненные интересы; съ указанной точки зрѣнія рассуждаютъ, напимѣрь, о подлогѣ денежныхъ знаковъ, печатей, документовъ и т. п. Впрочемъ, терминъ „подлогъ“ чаще употребляется въ еще болѣе узкомъ смыслѣ, примѣнительно къ однимъ только „документамъ“, т. е. къ такимъ предметамъ или „писаніямъ“, которые символически удостовѣряютъ юридическія отношенія, права и обязанности, или событія, имѣющія юридическое значение. Съ послѣдней точки зрѣнія подъ подлогомъ документа, преимущественно въ криминалистическомъ смыслѣ, можно разумѣть умышленное искаженіе истины въ „писаніи“ съ цѣлью употребить его подъ видомъ настоящаго документа для посягательства на чьи-либо правоохраненные интересы.

Наши источники, конечно, упоминаютъ о поддѣльныхъ актахъ, которые называютъ иногда „нарядными“ грамотами, крѣпостями, кабалами и т. п.¹⁾; законодательство также предусматривало поддѣлку грамотъ и печатей, а позднѣе и поддѣлку гербовой бумаги, напимѣрь, въ Уложеніи и Уставѣ Воинскомъ²⁾. Нѣкоторые виды документовъ подвергались болѣе частой поддѣлкѣ, чѣмъ другіе, напимѣрь, полныя и служилыя кабалы, вкладныя, купчія, закладныя и т. п. Въ уставной книгѣ казначеевъ записанъ указъ 1558 года ноября 30, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „а которые люди впредь учнутъ наряжати на вольныхъ людей полныя и докладныя, ставаясь съ таможенниками, а въ томъ на нихъ доведутъ, и тѣхъ людей и таможенниковъ казнити смертною

¹⁾ А. Ю. Б., т. I, ст. 201. Уложение, X, 252. Оспоренные акты назывались „живленными“, см., напр., А. Ю. №№ 13, 24 (сс. 27 и 58).

²⁾ Уложение, IV, 1—4. Уставъ Воинскій, II, 23, 201. Опис. докум. и бум. Архива Святѣйшаго Синода, т. II, № 50.

казнью, какъ и головного татя“³⁾. Въ позднѣйшее время акты подобнаго рода, а также служилыя кабалы и т. п. поддѣлывались въ значительномъ количествѣ⁴⁾.

Съ теченіемъ времени поддѣлка вкладныхъ, купчихъ, закладныхъ и т. п. получила довольно значительное развитіе⁵⁾. Древнѣйшая грамота, данная будто-бы великимъ княземъ Дмитріемъ Донскимъ Троицкому Сергіеву монастырю, а также запись во вкладной книгѣ о дачѣ имъ преподобному Сергію двороваго мѣста въ Московскомъ Кремлѣ признаются подложными⁶⁾. Аналогичные случаи извѣстны и изъ южно-русской практики. Такъ, слѣдуетъ считать подложной грамоту великаго князя Китая, во святомъ крещеніи Андрея Юрьевича (Боголюбскаго), якобы данную имъ Кіево-Печерской обители въ 1159 году, но, безъ сомнѣнія, сочиненную Кіево-Печерскимъ архимандритомъ Мелетіемъ Хребтовичемъ-Литоворовичемъ-Богуринскимъ (или по его порученію) съ цѣлью упрочить начинавшее подвергаться колебаніямъ вліяніе Кіево-Печерской обители относительно Пустынно-Никольскаго монастыря; подложной является и грамота, приписываемая князю Роману и будто бы составленная имъ въ XIII вѣкѣ⁷⁾. Происхожденіе двухъ послѣднихъ грамотъ объясняется слѣдующими обстоятельствами. По случаю заключенія вѣчнаго мира 1686 года Московское правительство приступило къ описанію порубежныхъ мѣстностей Кіевского уѣзда и повелѣло владѣльцамъ имѣній въ новоприсоединенномъ краѣ представить свои крѣпостные

³⁾ А. И., т. I, №№ 154 и 221, статья XIV.

⁴⁾ Подложныя грамоты — А. Поповъ, Изборникъ, сс. 448—450; его же, Обзоръ хронографовъ, т. II, сс. 201, 227—229. Ложныя крѣпости — Уложение, X, 124, 259; XX, 20, 23 — 25, 103. Поддѣлка отпусныхъ также практиковалась; см. Памятн. кн. Моск. Арх. Мид. Юст., с. 47.

⁵⁾ П. С. З., т. III, № 1714.

⁶⁾ Гером. Арсеній, О вотчинныхъ владѣніяхъ Троицкаго монастыря при жизни его основателя, преподобнаго Сергія, въ Лѣтоп. зап. Археограф. Комиссіи, вып. VII, сс. 139—175.

⁷⁾ Матеріалы для исторіи западно-русской церкви, изданные подъ редакціей С. Голубева, Кіевъ, 1891 г., вып. I, № IX, с. 71 и слѣд.; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Кіевск. новытѣ кн. 10; ср. Румянц. Муз., собр. И. Д. Бѣльева, № 1626, лл. 1—1 об.

акты въ Киевскую приказную избу, которая должна была снять съ нихъ „списки“ (копіи), а подлинники возвратить владѣльцамъ. Такимъ образомъ возникла „Описная книга Киевскаго ограниченія“, составленная въ 194 (1686) году капитаномъ Ѳеодоромъ Соломѣйнымъ и подъячимъ Киевской приказной избы Ѳеодоромъ Наковальнинымъ. Въ предисловіи къ собранію крѣпостныхъ актовъ киевскихъ монастырей, присоединенномъ къ книгѣ, говорится, что по указу великихъ государей и по грамотѣ изъ Посольскаго приказа, отъ 11 ноября 195 (1686) года, „за приписью“ дьяка Прокофія Возницына, велѣно у архимандрита Печерскаго монастыря и у настоятелей другихъ киевскихъ монастырей взять „списки“ съ „жалованныхъ грамотъ“ Московскихъ царей, королевскихъ „привѣлевъ“ и гетманскихъ „универсаловъ“ и прислать эти списки“ въ Посольскій приказъ (л. 69). Вслѣдъ за этимъ предисловіемъ идутъ самые списки съ актовъ, которые писаны на листахъ обыкновеннаго формата, разными почерками южно-русскаго письма конца XVII вѣка. Они расположены систематически по монастырямъ, представившимъ акты. Въ каждомъ такомъ отдѣлѣ акты расположены безъ системы хронологической или какой-либо иной. Каждый отдѣлъ подписанъ по листамъ настоятелемъ извѣстнаго монастыря, а все собраніе актовъ скрѣплено дьячьею подписью. Во главѣ поставлены акты Киево-Печерской лавры (л. 1—37), по нижнимъ полямъ которыхъ идетъ такая скрѣпа: „къ симъ спискамъ Киево-Печерскаго монастыря архимандритъ Варлаамъ Ясинскій руку свою приложилъ, а подлинныя крѣпости къ себѣ въ монастырь взял“. Здѣсь помѣщено 23 лаврскихъ акта, въ томъ числѣ и вышеупомянутые, надо полагать, подложные акты, а именно: документы „описной книги“ а) № 9 „выпись изъ метрики Іеремѣи Патріарха Константинопольскаго, привѣлею великаго князя Китая (sic) Андрея Юревича, внука Валодимерова, на мѣсто Василковъ зъ его принадлежностями на монастырь Печерскій, и привѣлей Максима патріарха Константинопольскаго на ставропигіонъ тому-жъ монастырови, 6666 (1158) годъ (л. 9—14), б) № 3 „привѣлей князя Романа Галицкаго,

киевского, владимирскаго, луцкаго и иныхъ земель обладателя, который записуетъ землю Забудецкую, и проч.“, 6748 (1240) года (л. 2—3) ¹⁾.

Въ виду усилившейся поддѣлки крѣпостей правительство, указомъ отъ 9 декабря 1699 года, установило порядокъ изслѣдованія подписей на крѣпостныхъ актахъ въ случаѣ возникновенія сомнѣнія или спора о ихъ подлинности: „7208 года декабря въ 9 день, Великій Государь, Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, указалъ и бояре приговорили: которыя крѣпости явлены, или впредь кто явитъ въ Помѣстномъ приказѣ, а писаны до сего Великаго Государя указа, а на тѣ крѣпости споръ и челобитье въ Помѣстномъ приказѣ есть, а въ томъ спорномъ челобитѣ учнутъ писать тѣ крѣпости составными и воровскими, и руки у тѣхъ крѣпостей лживать, и про такія крѣпости разыскивать и руки свидѣтельствовать дьякамъ и подъячимъ, которые сидятъ въ приказахъ, а не площадными подъячими, противъ того какъ по Уложенію и по новоуказнымъ статьямъ велѣно разыскивать по спорному челобитію про купчія и про закладныя и про записи“ ²⁾.

¹⁾ Н. Оглобинъ, Къ вопросу о началѣ Киевской Академіи, въ Киевской Старинѣ 1886 г., т. XIV, сс. 485—487.

²⁾ П. С. З., т. III, № 1732. Ср. И. Желябужскій, Записки, изд. И. Сахарова, сс. 74—76.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Документальное построение частных актовъ.

Документальное построение частных актовъ изучаетъ ихъ, какъ историческія явленія въ жизни народовъ, какъ продукты ихъ культуры, какъ результаты мѣстныхъ и временныхъ бытовыхъ и правовыхъ отношеній, которыя они облачаютъ въ извѣстныя формы, и о которыхъ можно судить по такимъ формамъ. Документальное построение выясняетъ, напримѣръ, какую цѣль, болѣе или менѣе согласную съ пониманіемъ даннаго общества, изучаемый актъ преслѣдуетъ и въ чьемъ интересѣ онъ составленъ; какое именно правоотношеніе или юридическую сдѣлку онъ запечатлѣваетъ или удостоверяетъ, и что онъ содержитъ, простое-ли изложеніе послѣдовательныхъ моментовъ ея осуществленія или строгое логическое раскрытіе образующихъ ее элементовъ; какую типическую форму онъ получаетъ въ обычай или законъ и не развивается-ли она подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ; каковъ его составъ, и насколько его части соотвѣтствуютъ его основной цѣли или уклоняются отъ нея, обнаруживая нѣкоторую устойчивость или измѣнчивость въ зависимости отъ данныхъ условій мѣста и времени; каковы главныя разновидности его типа, обусловленныя колебаніями подобнаго рода и характеризуемыя мѣстными или временными формами нѣкоторыхъ изъ его частей, все же отличающихся отъ побочныхъ, вставныхъ или случайныхъ его статей, и т. п.

Въ сущности, документальное построение исходитъ изъ болѣе или менѣе общаго, хотя и приближеннаго понятія о частномъ актѣ и даже о данномъ его видѣ для того, чтобы путемъ его анализа и синтеза научно конструировать его;

при томъ аналитическіе и синтетическіе приемы его изслѣдованія взаимно дополняютъ другъ друга: нельзя приступить къ анализу, не придерживаясь какой-либо точки зрѣнія на предметъ, уже предполагающій нѣкоторый его синтезъ; и, наоборотъ, нельзя прибѣгнуть къ синтезу, не подвергнувъ предметъ тщательному анализу, безъ котораго взаимоотношеніе его элементовъ останется неяснымъ; тѣмъ не менѣе слѣдуетъ различать, конечно, анализъ и синтезъ частнаго акта, въ качествѣ логически отличныхъ приемовъ его изученія. Обратимся къ разсмотрѣнію каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Анализъ частнаго акта.

При историческомъ анализѣ частнаго акта необходимо прежде всего установить, къ какому мѣсту и времени онъ относится, а затѣмъ уже подвергнуть его соотвѣтственному дипломатическому и юридическому разсмотрѣнію.

Дипломатическій анализъ имѣетъ въ виду выяснить составъ частнаго акта путемъ грамматическаго, графико-статистическаго и символически-аналитическаго метода; благодаря имъ онъ приходитъ къ расчлененію частнаго акта на протокольные части, клаузулы и т. п.

Юридическій анализъ занимается выясненіемъ, посредствомъ юридическихъ категорій, состава той юридической сдѣлки, которая лежитъ въ его основѣ и расчленяетъ его на тѣ составные ея элементы, которые болѣе или менѣе отражаются и въ клаузулахъ акта. Вышеуказанные методы находятся, конечно, въ тѣсной связи между собою: въ извѣстной мѣрѣ дипломатическій анализъ уже опирается на юридическій; въ свою очередь, юридическій анализъ предполагаетъ дипломатическій; тѣмъ не менѣе для большей ясности мы ознакомимся, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности.

§ 1. Предварительный анализъ частнаго акта: мѣсто и время его происхожденія.

Происхожденіе нашихъ частныхъ актовъ до сихъ поръ еще очень мало выяснено: можно думать, что формы, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ слагались подъ визан-

тійскимъ вліяніемъ, на примѣръ, формы духовныхъ, которыя, разумѣется, писались большею частью при участіи духовныхъ лицъ и удостовѣрялись органами духовной власти¹⁾. Слѣды такого вліянія можно замѣтить, на примѣръ, во времена митрополита Кипріяна, болгарина по происхожденію, современника и друга извѣстнаго терновскаго патріарха Евенмія. Митрополитъ Кипріанъ былъ у насъ однимъ изъ проводниковъ того образовательнаго движенія, которое возникло, конечно, подъ вліяніемъ византійскимъ среди южныхъ славянъ; онъ занимался, между прочимъ, переводомъ греческой Кормчей на славянской языкъ и могъ оказать нѣкоторое воздѣйствіе на нашу дипломатику: слѣды его можно усмотрѣть, на примѣръ, въ „прощальной грамотѣ“, читанной при его погребеніи и послужившей образцомъ для позднѣйшихъ актовъ подобнаго рода: „сію грамоту, по словамъ одного изъ старинныхъ нашихъ дипломатистовъ, и прочіе митрополиты русскіе, переписывая своею рукою, завѣщавали также по смерти, при погребеніи своемъ, прочитывать“, что, дѣйствительно, въ значительной мѣрѣ оправдывается хотя бы сличеніемъ „прощальной грамоты“ Кипріяна съ духовной митрополита Іоны 1461 г. и т. п. Митрополиту Кипріану принадлежитъ также „табулярская грамота“ или заемная кабала, которую онъ, вмѣстѣ съ ростовскимъ архіепископомъ Феодоромъ, выдалъ въ Царѣградѣ „Николаву нотарѣ діорминефту“ въ тысячѣ старыхъ рублей новгородскихъ; она вслѣдъ затѣмъ попала, въ копию, въ извѣстный сборникъ грамотъ митрополитовъ всероссійскихъ XVI-го вѣка²⁾. Въ какой мѣрѣ, однако, такое вліяніе распространялось на другіе типы русскихъ частныхъ актовъ, сказать трудно за отсутствіемъ болѣе детальнаго изслѣдованія и сличенія ихъ съ греческими.

Къ какому бы виду актъ ни принадлежалъ, историческое

¹⁾ А. Heisenberg und L. Wenger, Byzantinische Papyri, Leipzig 1914, mit 37 Taf. (VI вѣка). Сборникъ афонскихъ актовъ Миклошича. G. Ferrari, I documenti greci medioevali di diritto privato della Italia meridionale, Leipzig 1910.

²⁾ П. С. Р. Л., т. XXI, с. 441 (Степенная книга подъ 1406 годомъ). „Библиографич. лѣтопись“, вып. III, с. 167. Ср. митр. Евенмія, Словарь, т. I, с. 323. А. И., т. I, № 252.

его изучение требует прежде всего приурочения его къ данному мѣсту и времени, чѣмъ и занимается топологія и хронологія акта: благодаря топологическому и хронологическому опредѣленію акта его можно вставить въ соотвѣтствующія бытовые и правовыя условія, съ точки зрѣнія которыхъ и производится научное его построение, какъ продукта данной культуры ¹⁾).

а) Топологія акта.

Топологія акта устанавливаетъ мѣсто его совершенія на основаніи прямыхъ и косвенныхъ показаній, заключающихся въ его текстѣ. Даже въ томъ случаѣ, когда частный актъ самъ указываетъ на мѣсто его совершенія, такія свѣдѣнія далеко не всегда оказываются достаточными: совершители частного акта, болѣею частью мѣстные жители, нерѣдко подразумѣвали болѣе общія географическія данныя касательно объекта своей сдѣлки и довольствовались болѣе частными ссылками на ближайшія мѣста, названія которыхъ могли съ теченіемъ времени измѣниться или даже исчезнуть. Нѣкоторые изъ частныхъ актовъ не содержатъ, напримѣръ, общихъ указаній на принадлежность ихъ къ данной мѣстности и ограничиваются упоминаніями, въ родѣ слѣдующихъ: рѣка Малая Юра, Кочкомъ-озеро, Наль островъ, Круглица гора, Г'лухой погостъ и т. п.; лишь послѣ детальнаго обслѣдованія можно прийти къ заключенію, что вышеприведенныя названія относятся къ Двинѣ, и разыскать ихъ на картѣ. При такихъ условіяхъ изслѣдователю приходится иногда тратить не мало труда на то, чтобы приурочить старинныя топологическія указанія къ современнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ до сихъ поръ не располагаетъ всѣми нужными для того пособіями: подробными картами даннаго края, обстоятельными историко-географическими словарями, наглядными изображеніями административныхъ дѣленій интересующей его мѣстности и т. п. ²⁾).

¹⁾ Терминъ „топологія“ представляется болѣе удачнымъ, чѣмъ терминъ „топографія“, имѣющій болѣе специальное значеніе, и вполне соотвѣтствуетъ термину „хронологія“, чѣмъ и объясняется принятая ниже терминологія.

²⁾ Карты Россіи по естествознанію: Геологическая карта Европейской Россіи, издаваемая Геологическимъ Комитетомъ въ 1897 году, масштабъ—60 верстъ въ

Между тѣмъ такія приуроченія даютъ возможность усмотрѣть въ общей совокупности актовъ нѣкоторыя ихъ группы, характеризующія мѣстными ихъ особенностями. Благодаря такому приему удалось, напримѣръ, отмѣтить нѣкоторыя своеобразныя черты новгородскихъ частныхъ актовъ XII—XV вѣковъ, обнаружить отличія древнѣйшихъ рязанскихъ служилыхъ кабалъ отъ позднѣйшихъ московскихъ и т. п. ¹⁾).

дюймѣ; Гипсометрическая карта Европейской Россіи, составленная А. А. Тилло въ 1899 году, 60 верстъ въ дюймѣ; карта бассейновъ внутреннихъ подныхъ путей Европейской Россіи, составленная А. А. Тилло, 60 верстъ въ дюймѣ; Гидрографическая карта Европейской Россіи, составленная при Главномъ Управленіи Путей Сообщенія въ 1846 году, 100 верстъ въ вершкѣ; карта желѣзныхъ, водяныхъ и шоссейныхъ путей сообщенія Европейской Россіи, издаваемая Министерствомъ Путей Сообщенія въ 1910 году, 40 верстъ въ дюймѣ; этнографическая карта Европейской Россіи, составленная П. Кеппеномъ и издаваемая Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ въ 1851 году, 3-е изданіе въ 1855 году, 75 верстъ въ дюймѣ; Этнографическая карта Европейской Россіи, составленная А. О. Риттихомъ въ 1875 году; Опытъ діалектологической карты русскаго языка въ Европѣ съ приложеніемъ очерка русскаго діалектологіи, составили Н. П. Дурново, Н. Н. Соколовъ и Д. Н. Ушаковъ въ 1915 г.; карта важнѣйшихъ отраслей производительности Европейской Россіи, составленная при Центральномъ Статистическомъ Комитетѣ въ 1872 году, 60 верстъ въ дюймѣ. Географическій Лексиконъ Россійскаго Государства и проч., собранный О. Полунинъ и изданный Г. Миллеромъ, 1773. Новый и полный географическій словарь Россійскаго Государства и проч., собранный Л. Максимовичемъ и А. Щекатовымъ, 7 частей, М, 1807—1809. Списки населенныхъ мѣстъ, представленные губернаторами въ Статистическій Комитетъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ 1859 и 1860 годахъ (напечатаны не всѣ). Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи, составленный П. Семеновымъ и др., С.Пб. 1863—1875. тт. I—V. Д. Рихтеръ, Географическій словарь Россіи, С.Пб. Дополнительныя свѣдѣнія см. въ слѣдующихъ трудахъ: арх. Амвросій, Исторія Россійской іерархіи, ч. I—VI, 1807—1815 г.г.; Историческое описаніе находящихся въ Россіи епархій, монастырей и переквей и проч., изданіе 2-е, С.Пб. 1825 года; Полное собраніе историческихъ свѣдѣній о... монастыряхъ и примѣчательныхъ церквахъ въ Россіи, составленное А. Ратшинъ, М. 1852 г. Матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской Имперіи, съ библиографическимъ указателемъ, составилъ и издалъ В. В. Запринскій, С.Пб. 1890, части I—III. Ср. еще А. Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ, С.Пб. 1902, и И. Покровскій, Русскія епархіи въ XVI—XIX в.в., т. I—II, Каз. 1897—1913.

¹⁾ К. Неволлинъ, Исторія русскаго гражданскаго законодательства, т. II, сс. 54—55. А. Лаппо-Данилевскій, Служилыя кабалы позднѣйшаго типа, въ Сборникѣ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому, М. 1909, с. 719. Объ „областныхъ особенностяхъ“ бѣлозерскихъ мѣровъ см. С. Шумаковъ, Обзоръ грам. Коллегіи Экон., вып. II, с. 17.

Кромѣ старѣйшаго дѣленія на земли и княжества удѣльно-вѣчевого періода, отъ котораго частныхъ актовъ сохранилось очень мало, слѣдуетъ имѣть въ виду, по крайней мѣрѣ, еще двѣ изъ такихъ группировокъ, главнѣйшія. Болѣе ранняя группировка сложилась въ XVI—XVII вѣкахъ и состояла въ дѣленіи Московскаго государства на слѣдующія области, границы которыхъ, впрочемъ, подвергались болѣе или менѣе частнымъ измѣненіямъ:

- 1) Сѣверо-западные (Новгородъ, Ладога, Тихвинъ, Боровичи, Вышній-Волочокъ, Осташковъ, Старая Русса и др.),
- 2) Поморскіе (Архангельскъ, Холмогоры, Каргополь, Тотьма, Великій Устюгъ, Сольвычегодскъ и другіе, къ которымъ можно причислить также города Вятскіе и Пермскіе),
- 3) Замосковные (Москва, Бѣлозерскъ, Вологда, Солигаличъ, Кологривъ, Нижній-Новгородъ, Арзамасъ, Муромъ, Серпуховъ, Боровскъ, Верея, Старица, Торжокъ, Бѣжецкъ, Устюжна и др.),
- 4) Рязанскіе (Рязань, Зарайскъ, Шацкъ, Епифань, Веневъ и др.),
- 5) Понизовые (Василь, Темниковъ, Алатырь, Казань, Самара, Саратовъ, Астрахань и др.),
- 6) Города отъ Литовской и Нѣмецкой украины (Смоленскъ, Великіе Луки, Рославль, Псковъ, Гдовъ, Себежъ и др.),
- 7) Города Заокіе, Украинные, Сѣверскіе и Польскіе (Калуга, Медынь, Мещовскъ; Тула, Орелъ, Кашира, Кромь; Сѣвскъ, Сѣверскъ, Брянскъ, Путивль; Курскъ, Чернь, Данковъ, Воронежъ, Новый Осколь и др.),
- 8) Города Сибирскіе (Верхотурье, Тобольскъ, Томскъ, Иркутскъ и др.),
- 9) Города Малорусскіе (Кіевъ, Черниговъ и др.).

Болѣе поздняя группировка, отличающаяся болѣе искусственнымъ характеромъ, окончательно установилась со времени Учрежденія о губерніяхъ, 7 ноября 1775 года; о ней можно судить хотя бы по тому атласу Россійской Имперіи, который былъ изданъ въ 1792 году и содержитъ, главнымъ образомъ, карты всѣхъ намѣстничествъ, раздѣленныхъ на уѣзды.

Акты, относящіеся къ разнымъ областямъ, даже позднѣйшаго времени, все же представляютъ нѣкоторыя своеобразныя черты, которыя нельзя упускать изъ виду: поморскіе акты, напримѣръ, продолжаютъ отличаться отъ московскихъ, и въ составѣ ихъ встрѣчаются такіе, которые едва-ли попадаютъ среди другихъ, напримѣръ: отступныя-посильныя, складныя записи и т. п.; внѣ центральной области крестьянскія порядныя продолжаютъ совершаться въ то время, когда въ замосковныхъ городахъ уже явно преобладаютъ ссудныя записи и т. п.

б) Хронологія акта.

Хронологія акта устанавливаетъ время его совершенія, которое слѣдуетъ отличать отъ времени его явки, въ случаѣ таковая производилась¹⁾. Древнѣйшіе частные акты, напримѣръ, двинскіе пергаминные, болѣею частью не снабжены точной датой; въ такомъ случаѣ приходится опредѣлять ее болѣе или менѣе приблизительно по косвеннымъ признакамъ, а именно: по филигранахъ, по почерку, по даннымъ языка, по именамъ князей, должностныхъ лицъ (между прочимъ, игуменовъ, воеводъ и т. п.), по печатямъ, по формулѣ, а также по содержанію. Нѣсколько болѣе поздніе акты обыкновенно снабжены датой: въ старѣйшихъ она болѣею частью проставляется въ концѣ акта, въ XVII вѣкѣ уже замѣтно колебаніе: дата встрѣчается и въ концѣ, и, рѣже, въ началѣ акта; въ XVIII вѣкѣ она уже стоитъ въ началѣ

¹⁾ *E. de Muralt*, Essai de chronographie Byzantine, 2 vol., St.-P. 1855—1871. *П. Хавскій*, Хронологическія таблицы, въ трехъ книгахъ, С.Пб. 1848. *Его-же*, Сокращенныя хронологическія таблицы, М. 1856 г. и др. *Н. Степановъ*, Календарно-хронологическій справочникъ, въ Чтен. М. Общ. Ист. и Древн. 1917, кн. I. сс. 1—310; тамъ-же указаны и другіе весьма полезные труды автора по хронологіи нашихъ лѣтописей. По исторической хронологіи см. *B. v. Wichmann*, Chronologische Uebersicht der russischen Geschichte, Leipzig 1821, Bd. I, Erster Theil (1672—1727); Zweiter Theil (1727—1762). О счетѣ индиктами см. *O. Seeck*, Die Entstehung des Indictionscyklus, in Deutsch. Ztschr. für Geschichtswissenschaft, XII. *F. Rühl*, Die Constantinischen Indictionen, in Jahrber. für klassisch. Philol. 1888. Счетъ индиктами иногда встрѣчается въ нашихъ грамотахъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ „договорныхъ“ князей; см., напр., С. Г. Г. Д., ч. I, №№ 36 (1402 г.), 43, 44 и др.

его текста ¹⁾). При датировкѣ старѣйшихъ грамотъ придерживались, однако, разныхъ лѣтосчисленій, которыя требуютъ перевода на современное: въ древней Россіи счетъ времени, котораго придерживались при датировкѣ актовъ, въ особенности частныхъ, производился, главнымъ образомъ, по византійской или, вѣрнѣе, константинопольской эрѣ отъ сотворенія мира юліанскими годами, сперва по мартовскому, позднѣе по сентябрьскому стилю.

1) Мартовскій стиль представляетъ изъ себя видоизмѣненіе византійской эры и начинается годъ съ 1-го марта; въ такомъ счисленіи 25-ое декабря 1-го года до Рождества Христова (т. е. того года, въ которомъ было Рождество Христово) совпадаетъ съ 25 декабря 5508 года мартовскаго стиля отъ сотворенія міра. 5509-ый годъ этого стиля тянется отъ 1-го марта 1-го года по Р. Х. по 28 февраля (или въ високосный годъ по 29 февраля) 2-го года по Р. Х. Такой счетъ водворился на Руси, вѣроятно, по принятіи христіанства и продолжалъ практиковаться до 1492 года.

2) Сентябрьскій стиль представляетъ изъ себя счетъ времени по византійской эрѣ въ неизмѣнномъ видѣ и начинается годъ съ 1-го сентября. Въ такомъ счисленіи 25-ое декабря 1-го года до Р. Х. христіанской эры (или эры Діонисія) совпадаетъ съ 25 декабремъ 5509 года отъ сотворенія міра по византійской эрѣ. 5509-ый годъ этого стиля тянется отъ 1-го сентября 1-го года до Р. Х. по 31 августа 1-го года по Р. Х. по христіанской эрѣ (или эрѣ Діонисія). Система времясчисленія по сентябрьскому стилю стала входить въ употребленіе, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, съ начала XIV вѣка, но получила болѣе общее признаніе, вѣроятно, съ 1492 года ²⁾).

¹⁾ А. Ю. № 423 (1608 г.); здѣсь дата въ началѣ духовной.

²⁾ И. Степановъ, *Ор. cit.*, сс. 1—2. Впрочемъ, редакторъ вышеназваннаго труда—Д. Лебедевъ признаетъ невѣроятнымъ, что Діонисій (эра котораго и считается христіанской) полагалъ Рождество Христово 25-го декабря 1-го года до Р. Х.=5509 *κατὰ ρωμαίων* (по константинопольской эрѣ), Благовѣщеніе, слѣдовательно, 25-го марта того-же 1-го года до Р. Х., но 5508 *κατὰ ρωμαίων* (по константинопольской эрѣ)—слишкомъ за 9 мѣсяцевъ до начала своей эры отъ „вопло-

Такое лѣтосчисленіе вызывало удивленіе иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ XVII вѣкѣ; „при лѣтосчисленіи, писалъ одинъ изъ нихъ, московиты по сую пору, согласно со счетомъ 70-ти толковниковъ, считаютъ года съ древнѣйшихъ временъ, съ начала мірозданія, и начинаютъ годъ съ сентября мѣсяца. Не такъ давно они еще не имѣли ни малѣйшаго понятія объ астрологахъ и математикахъ и провозгласили Олеарія, знаменитаго составителя исторіи Московской, чародѣемъ, когда онъ, будучи въ Москвѣ, показалъ такъ называемую камеръ-обскуру. Теперь, впрочемъ, и тѣ, и другіе не только терпимы, но даже, по приказанію царя, ежегодно составляютъ на московскомъ нарѣчій подробные календари съ предсказаніями и распространяютъ ихъ въ народѣ посредствомъ печатанія“ ¹⁾).

Старая система лѣтосчисленія отъ сотворенія міра и по сентябрьскому стилю представлялась, однако, произвольной, фиктивной и неудобной: она, въ сущности, произвольно полагала, что міръ созданъ за 5508 лѣтъ до Р. Х.; она фиктивно называла годъ, въ теченіе котораго уже родился Іисусъ Христосъ, первымъ годомъ до Р. Х.; она оказывалась крайне неудобной для дѣловыхъ сношеній съ иностранными державами, между прочимъ, и при совершеніи частныхъ международно-правовыхъ сдѣлокъ, напримѣръ, при выдачѣ и уплатѣ векселей и т. п. Въ виду соображеній подобнаго рода Петръ Великій рѣшилъ измѣнить способъ лѣтосчисленія: въ силу его указа отъ 19-го декабря 1699-го года датировка актовъ стала производиться съ 1-го января 1700 года по лѣтосчисленію

счисленія Господа“. Свѣд. Д. Лебедевъ указываетъ и на другія вѣскія основанія думать, что Діонисій полагалъ Благовѣщеніе 25-го марта 1-го года своей эры=нашего 1-го года по Р. Х.=5507 *κατὰ ρωμαίων* въ день пасхальной XIV-ой луны пасхальнаго полнолунія и Рождество Христово—25 декабря 1-го года по Р. Х.=5508 *κατὰ ρωμαίων*; см. тамъ-же, с. 299. Кромѣ мартовскаго года Н. Степановъ признаетъ еще возможность употребленія въ Россіи „ультра-мартовскаго года“, стиль котораго имѣетъ нумерацію годовъ, превышающую нумерацію годовъ мартовскаго стиля на 1.

¹⁾ Я. Рейтенфельсъ, Сказанія свѣтлѣйшему герцогу Тосканскому Козымъ третьему о Московіи, гл. 17, въ Чтен. Общ. М. Ист. и Древн. 1906 года, кн. 3 отд. III—матеріалы иностранные, с. 159.

отъ Рождества Христова ¹⁾. Впрочемъ, и послѣ такой реформы въ Россіи продолжали считать юліанскими годами, несмотря на то, что грегорианскій календарь уже былъ введенъ въ всеобщее употребленіе и черезъ Польшу сталъ проникать и въ южную Россію. Хотя Стефанъ Баторій, вслѣдъ за обнародованіемъ папою Григоріемъ XIII новаго календаря (буллой отъ 13-го февраля 1582 года), и издалъ указъ, обязывавшій всѣхъ его подданныхъ, не только католиковъ, но и иновѣрцевъ, принять этотъ календарь, но когда православные, поддерживаемые грамотами константинопольскаго патріарха Іереміи, отказались отъ этого, то король сдѣлалъ уступку и двумя новыми грамотами (1584 и 1585 годовъ) предписалъ оставить православныхъ въ покоѣ до тѣхъ поръ, „пока между римскимъ папою и греческими патріархами не будетъ окончательно рѣшенъ споръ объ употребленіи календаря“ ²⁾. Тѣмъ не менѣе римляне всѣми силами старались внушить православнымъ, что перемѣна календаря—дѣло маловажное, и что потому нѣтъ препятствій къ принятію новаго календаря. Православные хорошо знали, что такой или иной календарь не есть членъ вѣры, но знали также, что правила соборовъ и святыхъ отецъ, подъ угрозой анаѣмы, предписали не дѣлать перемѣнъ и прибавокъ къ праздникамъ, особенно къ празднику Пасхи. Для нихъ также подозрительною показалась настойчивость, съ которою латиняне старались убѣдить въ маловажности перемѣны календаря: православные нашли въ этомъ поводъ опасаться за цѣлость вѣры. Видя, съ какимъ усиліемъ и искусствомъ папы распространяютъ свою власть, они и въ введеніи новаго календаря склонны были видѣть средство со стороны папы—заявить о своей власти и упрочить ее, поэтому справедливо боялись, чтобы, разъ подчинившись этой власти, потомъ не быть доведенными до принятія всего римскаго ученія. Руко-

¹⁾ П. С. З., т. III, № 1735.

²⁾ Митроп. Макарій, Исторія Русской церкви, т. IX, сс. 428—433. В. Завитневичъ, Паллиодія Захарія Копыстенскаго, Варшава 1883, LXXV. Всѣ грамоты патріарха Іереміи въ 1584 году были напечатаны въ Острожской типографіи, а недавно вновь изданы при книгѣ Н. И. Малышевскаго, Александр. патр. Мелетій Пигасъ, т. II, приложение III, сс. 84—100.

водясь этими соображеніями, православные отказывались отъ принятія новаго календаря. Тогда въ разныхъ мѣстахъ начались притѣсненія отъ римлянъ. Въ Вильнѣ не позволяли православнымъ отправлять богослуженія и праздновать праздники по старому календарю, наносили укоризны и безчестія, позорили и грабили тѣхъ, которые не держались новонсправленнаго календаря. Узпавъ объ этомъ, король Баторій объявилъ (въ 1584 году) во всеобщее свѣдѣніе, что если онъ распорядился о принятіи новаго календаря, то сдѣлалъ это для порядка гражданскихъ дѣлъ, а не въ видахъ религіознаго насилія, и потому приказывалъ не дѣлать несогласнымъ въ вѣрѣ притѣсненій въ богослуженіи. Королевское повелѣніе нисколько не уменьшило ревности латинянъ. Въ той же Вильнѣ насилія православнымъ продолжались: принуждая ихъ праздновать праздники по новому календарю, латиняне призывали ихъ на судъ и заставляли давать судебную присягу въ дни, на которые по старому календарю приходились главнѣйшіе праздники Восточной церкви. Русскій митрополитъ Описифоръ Дѣвочка, съ православными членами виленской ратуши и нѣкоторыми изъ посольства, принужденъ былъ отправиться (1586 годъ) въ Гродно, съ жалобой къ королю. Удовлетворяя этой жалобѣ, Баторій грамотой, данной на имя чиповниковъ и мѣщанъ города Вильны, подтвердилъ прежнія распоряженія о нечиненіи православнымъ обидъ изъ за календаря ¹⁾. Тѣмъ не менѣе лѣтосчисленіе по грегорианскому календарю стало постепенно утверждаться и въ предѣлахъ юго-западной Руси: здѣсь стало господствовать лѣтосчисленіе гражданское, т. е. велось съ 1-го января. Оно было въ употребленіи какъ въ судахъ, такъ и въ частной жизни, какъ въ сферѣ свѣтской, такъ и въ духовной. Примѣровъ этому бездна, куда бы мы за доказательствами ни обратились. До настоящаго времени издапы тысячи документовъ, относящихся до разсматриваемаго нами періода; миллионы ихъ въ рукописномъ видѣ хранятся въ архивахъ при археогра-

¹⁾ Н. Скабалановичъ, Объ Апокрисѣ Христофора Филалета, СПб. 1873 сс. 151—152.

фических комиссіяхъ. Если возьмемъ любую книгу съ подобными документами, обыкновенно переплетенными погодно, то сразу же убѣдимся, что лѣтосчисленіе ведется въ нихъ гражданское: вездѣ годъ начинается съ 1-го января и оканчивается 31-го декабря. То же самое видимъ и въ письменныхъ памятникахъ (грамотахъ, окружныхъ посланіяхъ и т. п.), принадлежащихъ лицамъ духовнымъ. То же самое лѣтосчисленіе видимъ и въ изданныхъ разными типографіями книгахъ какъ свѣтскаго, такъ и религіозно-богослужебнаго характера, — убѣдиться въ чемъ опять не трудно, такъ какъ издатели нерѣдко въ послѣсловіяхъ къ выпускаемымъ имъ въ свѣтъ книгамъ сообщали, когда онѣ начаты печатаніемъ, сколько времени печатались, когда, наконецъ, отпечатаны. Сопоставленіе всѣхъ этихъ заявленій опять-таки приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что издатели держались лѣтосчисленія гражданского (въ нѣкоторыхъ случаяхъ, — имѣемъ въ виду извѣстные мѣсяцы — сопоставленіе года отъ Рождества Христова съ выставляемымъ весьма часто годомъ отъ сотворенія міра и индиктомъ, — тоже можетъ служить доказательствомъ нашего мнѣнія ¹⁾).

Какъ бы то ни было, но при сопоставленіи хронологическихъ датъ актовъ съ разными стилями: юліанскимъ и грегорианскимъ приходится переводить юліанскій годъ на грегорианскій, учитывая разницу между ними, возросшую съ 10 до 13 дней. Извѣстно, что папа Григорій XIII постановилъ добавить къ 1582 году опущенные въ счетъ по юліанскому счисленію 10 дней къ 5-ому числу мѣсяца октябрю, т. е. 5-ое число октябрю велѣлъ считать 15-мъ. Слѣдовательно, при переводѣ юліанскихъ датъ, относящихся ко времени съ 5-го октябрю 1582 года и до 1700 года, на грегорианскія къ юліанскимъ прибавляли 10 дней; въ XVIII вѣкѣ, до 1800 года (исключительно) — 11 дней; въ XIX вѣкѣ — 12 дней, а въ наше время — 13 дней ²⁾. При совершеніи

¹⁾ Труды Кіевской Духовной Академіи 1884 г. № 3, с. 443.

²⁾ Собраніе трактатовъ и конвенцій, изд. подъ ред. О. Мартенса, т. I, с. 4; т. VI, сс. 249, 277 и др.

такой операціи не слѣдуетъ упускать изъ виду високосные годы, если прибавка касается послѣднихъ чиселъ февраля. Впрочемъ, такой переводъ юліанскаго стиля на грегорианскій находитъ себѣ лишь сравнительно ограниченное приложеніе къ частнымъ актамъ, напримѣръ, къ разнымъ формамъ векселей.

§ 2. Дипломатическій анализъ акта.

Дипломатическій анализъ акта устанавливаетъ типическій формуляръ данной группы актовъ и состоитъ изъ слѣдующихъ операцій: а) расчлененія каждаго изъ нихъ на его составныя части — клаузулы; в) опредѣленія болѣе или менѣе общихъ у него съ другими актами той же группы или болѣе или менѣе частныхъ присущихъ ему клаузулъ ¹⁾; с) выясненія типическаго соотношенія въ сосуществованіи или въ преемствѣ клаузулъ данной группы актовъ. Разсмотримъ каждую изъ вышеуказанныхъ операцій въ отдѣльности.

а) Расчлененіе каждаго акта данной группы на его составныя части — клаузулы.

Вообще, облекая данную юридическую сдѣлку въ письменную форму, каждый актъ отражаетъ въ своемъ составѣ ея элементы въ видѣ отдѣльныхъ мыслей, которыя запечатлѣваются въ соответствующихъ формахъ рѣчи: періодахъ, предложеніяхъ и т. п. Въ болѣе широкомъ смыслѣ каждая такая мысль, выраженная въ актѣ отдѣльно отъ другихъ, называется клаузулой. Впрочемъ, вступительная и заключительная часть акта обыкновенно называются начальнымъ и конечнымъ протоколомъ, въ виду чего терминъ „клаузула“ получаетъ болѣе узкій смыслъ.

Начальный протоколъ въ частныхъ актахъ встрѣчается рѣдко: таковымъ можно признать то „богословіе“, которымъ обыкновенно начинаются духовныя, напримѣръ: „Во имя Отца и Сына и святаго Духа“ (XIV вѣкѣ); или „Во имя Отца

¹⁾ Вар. автора: в) опредѣленіе клаузулъ, болѣе или менѣе общихъ данной группѣ актовъ.

и Сына и святаго Духа, молитвами пречистыя Богоматери Владычицѣ нашѣ Богородицы Приснодѣвы Маріа“ (1472 г.); или „Во имя живоначальные Троицы Отца и Сына и святаго Духа“; или „Во имя Отца и Сына и святаго Духа, святую Троицу единосущную и нераздѣльную“ (1568—1570 гг.); или „Во имя пресвятыя и безначальныя и единосущныя и животворящія и нераздѣлимыя Троицы, Отца и Сына и святаго Духа, аминь“ (1697 г.) и т. п.¹⁾

Въ конечный протоколъ обыкновенно включают „дату“ (т. е. указанія на мѣсто и время совершенія акта) и „одѣночныя“ формулы, въ родѣ, на примѣръ, „feliciter“ или „amen“ и т. п. Въ нашихъ частныхъ актахъ „дата“ ограничивается обыкновенно указаніемъ на время совершенія акта и, въ сущности, можетъ быть отнесена къ ихъ удостовѣрительной части. „Одѣночныя“ формулы также встрѣчаются лишь изрѣдка, да и то не всегда на мѣстѣ; въ духовномъ завѣщаніи Пантелеймона Соловцова отъ 1-го февраля 1627 г., на примѣръ, мы читаемъ: „И повели [Господи] Владыко да отпустятца въ миръ душа рабъ твоихъ, раба твоего Пантелемона, и сына моего Ондрѣя, и жену мою Стефаниду, и сноху мою Марью и внуку мою Ульяну и да почіють души ихъ въ вѣчныхъ жилищахъ твоихъ со святыми твоими и со единомчадымъ (sic) Сыномъ твоимъ, съ нимъ-же благословенъ еси съ пресвятымъ и благимъ и животворящимъ ти Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь“²⁾.

Такимъ образомъ, въ болѣе узкомъ смыслѣ клаузулами можно называть лишь тѣ части акта, которыя входятъ въ его составъ помимо начальнаго и конечнаго его протокола. Впрочемъ, понятіе о клаузулѣ получаетъ еще дальнѣйшее ограниченіе, если различать собственно юридическія клаузулы, нужныя для того, чтобы актъ имѣлъ то именно юридическое значеніе, какое его совершители хотѣли приписать ему, отъ бытовыхъ клаузулъ, содержащихъ указанія на реальныя усло-

¹⁾ А. Ю. №№ 409, 410, 421, 426. А. Ю. Б., т. I, № 84. II. Ср. А. Giry, Manuel, p. 577.

²⁾ А. Ю. Б., т. I, № 86, I.

вія совершенія сдѣлки. Въ духовной Панкрата Чепѣя, явленной въ 1482 году, на примѣръ, мы читаемъ: „Во имя Отца и Сына и святаго Духа. Се язъ рабъ Божій Панъкратъ Чепѣй пишу сію грамоту душевную въ концѣ живота. А билъ мя Михайла Скобелцинь большой съ своими людьми съ Куземькою да съ Ивашкомъ съ Щокотомъ, да брата его челоувѣкъ Михайловъ Меншево Дмитрокъ Зуй; а билъ мя у своего села, а пойти ми съ ихъ рукъ. А долгу ми дать...“ и т. д.¹⁾ Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такими частями, которыя, очевидно, имѣютъ разное значеніе: юридическое („пишу сію грамоту душевную въ концѣ живота“, „А долгу ми взяти...“) и бытовое („А билъ мя Михайла Скобелцинь...“); части съ юридическимъ значеніемъ въ большей мѣрѣ заслуживаютъ названія клаузулъ, чѣмъ части съ бытовымъ содержаниемъ, имѣющія, притомъ, вставочный характеръ.

Въ составѣ каждаго частнаго акта можно различать нѣсколько юридическихъ клаузулъ, отдѣльно обозначавшихъ, на примѣръ: 1) имена, фамиліи и большею частію званія лицъ, совершавшихъ сдѣлку, 2) родъ самой сдѣлки и ея предметъ, положимъ, извѣстную вещь или имущество, часто съ болѣе или менѣе общимъ указаніемъ его границы („что изстари къ той землѣ потягло“, „куда рука моя ходила“, „куда топоръ и плугъ и коса ходили“, „по старымъ межамъ“ и т. п.) или подробнымъ описаніемъ межевыхъ признаковъ, 3) условія о цѣнѣ, уплатѣ и т. п., 4) подписи лицъ, заключавшихъ сдѣлку или, по крайней мѣрѣ, давшихъ актъ, 5) имена послуховъ, присутствовавшихъ при совершеніи сдѣлки или удостовѣрившихъ актъ своими рукоприкладствами, 6) ими лица, писавшаго актъ и 7) время написанія акта²⁾. Само собою разумѣется, что въ зависимости отъ даннаго рода акта вышеприведенная схема подлежала нѣкоторымъ измѣненіямъ въ своемъ наличномъ составѣ и дополнялась соотвѣтствующими новыми клаузулами: вкладныя, укрѣплявшія отдачу имущества.

¹⁾ А. Ю. № 412.

²⁾ С. Пажманъ, О судебныхъ доказательствахъ и проч., сс. 202 — 203. Подныя клаузулы (4—7) образовывали „удостовѣрительную“ часть акта.

по душѣ самого жертвователя или его родныхъ, обыкновенно содержали, на примѣръ, условіе о поминаніи его души, а также часто присоединяли къ нему еще условіе о записи его имени въ „сенаникъ“; купчія и заемныя-закладныя обыкновенно включаютъ клаузулы о родовомъ выкупѣ, объ очисткѣ и т. п.

Входящія въ составъ акта бытовыя клаузулы едва ли поддаются болѣе точной квалификаціи: онѣ зависѣли отъ болѣе или менѣе случайныхъ обстоятельствъ, при которыхъ совершался актъ.

При расчлененіи текста акта на образующія его клаузулы слѣдуетъ, по возможности, сообразовываться съ тѣми моментами, которые сами составители акта стремились различить въ его составѣ, не подвергая его искусственному дробленію или болѣе тонкому разграниченію позднѣйшей юридической мысли: древніе акты нерѣдко выражаютъ въ одной клаузулѣ нѣсколько условій юридической сдѣлки, каждое изъ которыхъ могло бы быть сформулировано въ видѣ отдѣльной клаузулы; въ духовной „раба Божьяго Сидора“, XV вѣка, мы читаемъ, на примѣръ: „приказываю животъ свой и оцщину свою, горную землю Июрмольскую и прикуплю свою, горную землю Июрмольскую и съ грамотами—а та моя купля чиста—женѣ своей Настасѣ, сыновемъ своимъ Остафью и Юрю...“¹⁾. Такой синкретизмъ самъ по себѣ характеризуетъ, однако, старинное правосознаніе и сравнительно малую степень его развитія, а потому и не можетъ быть оставленъ безъ вниманія: въ случаяхъ подобнаго рода лучше сохранять сложную, часто слишкомъ мало раскрытую клаузулу въ цѣлости, различая въ ней составные элементы; каждый изъ нихъ представляетъ болѣе или менѣе устойчивое выраженіе извѣстной мысли, причемъ можетъ совпадать и съ юридическими элементами сдѣлки. Въ поручныхъ, на примѣръ, условія, при которыхъ наступаетъ порука, — часть второй клаузулы—объ отвѣтственности. Въ другихъ случаяхъ, напротивъ, клаузулы не всегда ясно сознавались въ ихъ

¹⁾ А. Ю. № 409, IV.

общемъ юридическомъ значеніи, а представлялись лишь въ видѣ болѣе частныхъ его приложеній: въ поручныхъ, на примѣръ, клаузула, устанавливавшая самое поручительство, могла пониматься не въ смыслѣ поручительства вообще, а въ смыслѣ обезпеченія ряда болѣе частныхъ обязательствъ: 1) жить тамъ то; 2) дѣлать то-то; 3) а живучи—въ зернѣ не играть и т. п.

Простѣйшій приѣмъ расчлененія акта на клаузулы состоитъ въ грамматическомъ анализѣ его текста; такой анализъ долженъ, однако, сообразовываться съ строемъ старинной рѣчи, съ ея грамматикой и синтаксисомъ; нѣкоторые изъ такихъ особенностей (на примѣръ, употребленіе союза „а“ въ началѣ новой фразы) уже были указаны выше.

Впрочемъ, установленіе клаузулъ даннаго акта становится болѣе точнымъ по сравненіи его съ другими актами той-же группы и по выясненіи ихъ соотношенія въ его формулярѣ: лишь по производствѣ такихъ операцій можно различать въ немъ клаузулы, общія у него съ другими актами той-же группы, и болѣе или менѣе частныя, присущія ему въ отличіе отъ другихъ актовъ той-же группы, а также яснѣе представлять себѣ смыслъ каждой изъ нихъ въ цѣлой ихъ совокупности.

б) Опредѣленіе типическихъ клаузулъ данной группы актовъ.

Разложеніе даннаго акта на клаузулы даетъ представленіе о его наличномъ составѣ, но не можетъ дать понятіе о томъ, какія изъ нихъ типичны, т. е. болѣе или менѣе общія нѣсколькимъ группамъ или данной группѣ актовъ, какія, напротивъ, оказываются болѣе или менѣе частными, присущими, быть можетъ, лишь нѣкоторымъ или даже одному изъ актовъ данной группы, тому самому, который подвергся разложенію; для того, чтобы судить объ общемъ или частномъ значеніи данной клаузулы, нужно, очевидно, сопоставить ее съ аналогичными клаузулами другихъ актовъ той же группы. Въ одной рязанской служилой кабалѣ Аксиньи Дьяконовой, 1510 года, мы читаемъ: „Доложь великіе княгини Огрофены

боярина Федора Ивановича Сунбула, се язъ Оксинья Михайлова жена Дьяконова заняла есми, господине, у Ивана у Олтуева сына Кончеива три рубли денегъ отъ Рождества Ивана Предотечи на годъ и тѣ есми денги дала мужу своему Михайлу Дьякону Борисову сыну. А за ростъ мнѣ у Ивана иду вана (sic) работать. А не похочю у него работать до сроку, и мнѣ ему денги его дать всѣ и съ ростомъ по росчету, какъ даютъ на пять шестой. А полагутъ денги по сродѣ, и мнѣ у него за ростъ работать по тому жъ. А не отниматися мнѣ у него отъ сея кабалы ни полѣтною ни изустною. А на докладѣ были Пакратъ Михайловъ сынъ Катовъ да Семенъ Тимофеевъ сынъ Денижниковъ лѣта 7018. А подписалъ великіе княгини дьякъ Федоръ Матвѣевъ. У подлинной печать на черномъ воску¹⁾.

Лишь сравнивъ приведенную служилую кабалу съ другими актами, можно судить о степени общности или частности ея клаузулъ: такъ, на примѣръ, послѣдняя ея клаузула: „А не отниматися мнѣ у него отъ сея кабалы ни полѣтною ни изустною“—встрѣчается также въ заемныхъ кабалахъ и, значитъ, оказывается общей двумъ группамъ актовъ: заемнымъ и служилымъ кабаламъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, та же клаузула содержится далеко не во всѣхъ служилыхъ кабалахъ: она имѣется, на примѣръ, въ рязанскихъ, новгородскихъ и псковскихъ, но отсутствуетъ въ московскихъ. Сравненіе нашего акта съ другими, значитъ, показываетъ, что клаузула „а не отниматися мнѣ...“ можетъ быть признана, въ известномъ смыслѣ, и относительно болѣе общей и относительно болѣе частной, чѣмъ обычныя клаузулы наиболѣе распространеннаго типа служилыхъ кабаль, по крайней мѣрѣ, въ XVI—XVII вѣкахъ²⁾. Аналогичный приемъ, разумѣется, приходится соблюдать и при установленіи большей или меньшей частности или единичности данной клаузулы. Возьмемъ хотя бы, на примѣръ, служилую кабалу Китки Борова, пи-

¹⁾ Акты Юшкова, № 78; ср. № 35 (заемная), №№ 93, 98, 102, 106—108.

²⁾ Акты Юшкова, №№ 35, 78 и др.

санную въ Новгородѣ 19-го декабря 1597 года; здѣсь мы читаемъ: „Се язъ Китко Ильинъ сынъ прозвище Боровъ, [съ] своею з женой съ Анницею съ Никитиною дочерью да съ своими дѣтьми, з Захаркомъ, да съ Федоткомъ, да съ Савкою, заняли есми у государя своего у Василья Тиханова сына Аврамова денегъ три рубли московскихъ. А за ростъ намъ у государя своего у Василья служить по вся дни во дворѣ. А полагутъ денги по сродѣ, и намъ у государя своего, у Василья, за ростъ служить по тому-жъ по вся дни во дворѣ“ и т. д.¹⁾. Въ первой клаузулѣ приведенной кабалы срокъ займа вовсе не указанъ; но по одной этой служилой кабаль мы не можемъ судить, представляется-ли такая клаузула типичной; лишь привлеки къ сравненію остальные служилыя кабалы хотя-бы той-же записной книги, мы легко замѣтимъ, что чуть ли не всѣ онѣ формулируютъ вышеуказанную клаузулу съ точнымъ обозначеніемъ, обыкновенно годового, срока займа, и заключаемъ отсюда, что первая клаузула служилой кабалы Китки Борова вовсе не представляется типичной; напротивъ, она содержитъ индивидуальную особенность, быть можетъ, вызванную небрежностью писца.

Сравненіе случаевъ согласія и различія требуетъ, однако, установленія той группы, въ предѣлахъ которой оно происходитъ, между тѣмъ предѣлы однородной группы частныхъ актовъ, въ особенности древнихъ, текучи; далеко не всѣ акты обладаютъ достаточно ясными признаками, по которымъ ихъ можно было бы отнести къ той, а не иной группѣ. многіе акты называются, на примѣръ, „записями“ или „договорными“, но подъ такими терминами скрываются весьма разнообразныя юридическія сдѣлки. Вообще, болѣе или менѣе однородная по своему составу группа актовъ образуется прежде всего на основаніи болѣе или менѣе специфическихъ показаній самихъ актовъ, подлежащихъ нѣкоторому контролю, производимому при помощи юридическаго анализа. Специ-

¹⁾ Р. И. Б., т. XV, кабалъная книга 7106 года, с. 47.

фическое показаніе самихъ актовъ состоитъ а) или въ томъ, что данный актъ самъ себя причисляетъ къ опредѣленному виду, т.-е. писецъ, писавшій его, или его со-вершители или его послухи называютъ его, положимъ, служилой кабалой или же заемной кабалой и т. п., причемъ наименованіе, данное ей писцомъ, въ особенности площаднымъ подъячимъ, имѣеть, конечно, преимущество передъ наименованіемъ, которое даютъ ей послухи, иногда впадающіе въ разнорѣчіе съ другими показаніями или другъ съ другомъ; б) или въ томъ, что данный актъ причисляется къ опредѣленному виду современными знатоками дѣла: дьяками, судьями и т. п.; съ такой точки зрѣнія, напримѣръ, записныя книги крѣпостныхъ актовъ, явленныхъ приказнымъ или городовымъ дьякамъ, въ которыхъ они заносились подъ соответствующими названіями, представляютъ достаточно прочное основаніе для ихъ квалификаціи; правыя грамоты также содержатъ подобнаго рода свѣдѣнія и т. д.; в) или въ томъ, что данный актъ квалифицируется путемъ соответствующаго обозначенія, напримѣръ, надписи на оборотѣ, какимъ-либо стариннымъ архивистомъ, „крѣпостнымъ старцемъ“ и т. п., при регистраціи его въ томъ архивѣ, въ которомъ онъ издавна хранится: на „затыли“¹⁾ или оборотѣ частныхъ актовъ, хранившихся въ монастыряхъ, попадаютъ, напримѣръ, помѣты XVI—XVII вѣковъ въ родѣ слѣдующихъ: „данная“, „духовная“, „купчая“ и т. п. Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что такія показанія далеко не всегда представляются вполне надежными: а) сами акты иногда колеблются въ своей терминологіи: одна изъ поступныхъ (купчихъ) 1671 года, напримѣръ, называетъ себя то поступной, то отступной, что далеко не одно и то же²⁾; б) въ извѣстной „правой грамотѣ“ 1565—1566 годовъ, выданной по дѣлу С. В. Строилова съ И. М. Чертовымъ, „кабала“ послѣдняго 1561 года о взятіи имъ на срокъ у С. В. Строилова съ сыномъ жалованныхъ грамотъ для

¹⁾ А. Ю. Б., т. II, № 147, XXIV.

²⁾ *И. Сибирцевъ*, Историч. свѣдѣнія изъ церк.-религіознаго быта г. Архангельска, Арханг. 1894, сс. 33—35.

челобитья по своему дѣлу названа „зарядной записью“, надо думать, лишь на томъ основаніи, что судъ придавалъ ей значеніе записи о неустойкѣ, хотя сама грамота называетъ себя „кабалою“, причемъ укрѣпляетъ самую сдѣлку, обезпечиваемую неустойками—зарядомъ; в) позднѣйшіе списки, помѣты и т. п. также далеко не всегда отличаются точностью своей терминологіи: рядная между Евановой женой съ сыномъ и деверемъ Обеканомъ Куровымъ сыномъ, XV вѣка, называется въ одномъ изъ ея списковъ XVII вѣка „мировой грамотой“, въ другомъ, тоже XVII вѣка, ошибочно, „купчей“ и т. п.¹⁾ Показанія самихъ грамотъ о принадлежности ихъ къ данному виду, значить, подлежатъ провѣркѣ: они отчасти контролируются болѣе точнымъ пониманіемъ юридической природы самой сдѣлки, которая укрѣпляется даннымъ актомъ: она даетъ возможность установить болѣе правильную группировку (см. ниже).

Такимъ образомъ, при изученіи данной группы актовъ слѣдуетъ выяснить, всѣ ли они въ подлинныхъ грамотахъ называются одинаково и если нѣтъ, то какое названіе (по совокупности условій того времени) оказывается всего болѣе подходящимъ. Тогда и нужно начинать изученіе съ такой именно подгруппы, вслѣдъ затѣмъ постепенно обращаясь къ подгруппамъ съ менѣе опредѣленными наименованіями. По окончаніи такой работы можно, исходя изъ добытыхъ результатовъ, заключать о принадлежности къ данной группѣ и такихъ актовъ, названіе которыхъ или слишкомъ общее или ошибочное.

Лишь по образованіи группы однородныхъ актовъ можно приступить къ подсчету случаевъ согласія и различія, который, въ виду большаго частью довольно ограниченнаго ихъ количества, можно только условно называть статистическимъ. Клаузулы, явно преобладающія въ составѣ данной группы, и получаютъ значеніе типическихъ, т. е. среднихъ, въ отношеніи къ которымъ можно разсматривать и наблюдаемыя отъ нихъ отклоненія.

¹⁾ А. Ю. № 257, VI. А. Ю. Б., т. II, № 151, III.

Типичность может обнаруживаться не только въ постоянной, но и въ развивающейся формѣ данной клаузулы: основныя клаузулы служилыхъ бабалъ московскаго типа, содержащія условія о займѣ денегъ и службѣ за ростъ, напримѣръ, смѣняются съ 1680-го года чисто формальнымъ условіемъ о добровольномъ челобитьи въ холопство. Въ другихъ случаяхъ можно наблюдать постепенный ростъ клаузулы, происходящій или путемъ механическихъ прибавокъ къ основному тексту, или путемъ внутренней переработки его содержания, отражающагося въ соответственномъ измѣненіи ея формы. Въ томъ случаѣ, если удастся подмѣтить относительное преобладаніе данной клаузулы въ предѣлахъ извѣстной мѣстности или извѣстнаго времени, можно признать ее мѣстнымъ или временнымъ типомъ: въ служилыхъ кабалахъ XVI—XVII вѣковъ, напримѣръ, легко различить нѣсколько мѣстныхъ типовъ—рязанскій, новгородскій и псковскій, московскій съ нѣсколькими разновидностями и т. п., а также нѣсколько временныхъ типовъ, въ особенности: древнѣйшій, еще въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ носящій на себѣ слѣды родства служилой кабалы съ заемной кабалой; старшій (до 1680 года), съ обычными клаузулами о займѣ денегъ и о службѣ за ростъ, и позднѣйшій (съ 1680 года)—съ клаузулой о добровольномъ челобитьи въ холопство и т. п.

Выявленіе типическихъ клаузулъ технически производится при помощи графически-статистическихъ таблицъ, которыя будутъ разсмотрѣны ниже въ связи съ подобнымъ-же обнаруженіемъ типическаго формуляра данной группы актовъ. Впрочемъ, не слѣдуетъ преувеличивать значеніе такого статистическаго подсчета: а) число частныхъ актовъ, а значитъ и отдѣльныхъ клаузулъ, подвергаемыхъ подсчету, въ сущности, весьма ограничено: въ лучшемъ случаѣ, какъ, напримѣръ, относительно купчихъ, мы располагаемъ всего лишь нѣсколькими стами экземпляровъ, что, разумѣется, недостаточно для прочнаго обоснованія статистическаго вывода о „среднемъ“; такіе подсчеты даютъ лишь болѣе наглядную иллюстрацію болѣе или менѣе значительной типичности данной клаузулы;

б) сравнительно рѣдкое появленіе данной клаузулы въ составѣ текста акта еще не даетъ полнаго основанія признать ее исключительной; клаузула, однажды встрѣчающаяся, положимъ, въ одномъ актѣ данной группы, можетъ попасть въ типическій клаузульный составъ, если она отражаетъ обычай, который, однако, самъ собою подразумеваемый, обыкновенно не упоминается въ писанныхъ актахъ, или, наоборотъ, можетъ не попасть въ типическій клаузульный составъ, если она исключительнаго или случайнаго содержанія; напримѣръ, въ извѣстныхъ намъ межевыхъ (чистыхъ), клаузула о преступленіи межи рѣдко встрѣчается, но она все же можетъ быть признана типичной; наоборотъ, клаузула о неотдачѣ земли въ короткому, въ виду исключительнаго характера условія, едва ли попадетъ въ типическій клаузульный составъ межевой. вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что статистическій подсчетъ еще не даетъ объясненія ни повторяемости, ни исключительности данной клаузульной формы: она еще подлежитъ этиологическому изслѣдованію, выясняющему причины и послѣдствія такихъ явленій; неустойка, напримѣръ, юридически не вытекаетъ изъ сдѣлки, но если она имѣется въ актѣ и можно объяснить ее тѣмъ, что въ данной мѣстности и въ данное время приходилось обезпечивать сдѣлку неустойкой, такая клаузула ставится типической.

с) Выясненіе типическаго формуляра данной группы актовъ.

Слѣдуетъ отличать характеризованное выше установленіе типическихъ клаузулъ отъ построенія типическаго формуляра: въ извѣстныхъ случаяхъ можно установить нѣкоторыя типическія клаузулы данной разновидности, и все же приходится отказываться отъ построенія типическаго ея формуляра, еще не сложившагося; вѣдь формуляръ предполагаетъ уже типическое соотношеніе клаузулъ, напримѣръ, типическій порядокъ ихъ расположенія въ составѣ данной группы актовъ, что не всегда бываетъ. Типическій формуляръ устанавливается относительно данной группы актовъ, а не каждаго изъ нихъ

въ отдѣльности: онъ какъ бы вкрапленъ во всю ихъ совокупность; онъ не претендуетъ обнять всѣ клаузулы, дѣйствительно встрѣчающіяся въ актахъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ оказаться слишкомъ широкимъ для другихъ актовъ того же вида; въ него входятъ не всѣ клаузулы каждаго акта, и могутъ оказаться такія, которыя въ данномъ актѣ не встрѣчаются; слѣдовательно, представляя изъ себя какъ бы средній выводъ изъ извѣстнаго числа наблюдений надъ формулами отдѣльныхъ актовъ, онъ можетъ быть представленъ однимъ изъ нихъ, но можетъ и не совпасть ни съ однимъ изъ нихъ въ его цѣлокупности: въ предѣлахъ даннаго вида порядкомъ расположенія отдѣльныхъ клаузулъ можетъ колебаться и, значитъ, не всегда соответствовать тому порядку, который принятъ въ типическомъ формулярѣ; въ купчихъ, напримѣръ, клаузула о цѣнѣ занимаетъ разныя положенія въ текстѣ акта, что можетъ породить вышеуказанное несоответствіе общаго формуляра съ единичными случаями. Положимъ, что намъ дано нѣсколько актовъ $Q_1, Q_2, Q_3, \dots$ и что каждый изъ нихъ соответственно разлагается на клаузулы $a_1, b_1, c_1, \dots; a_2, b_2, c_2, \dots; a_3, b_3, c_3, \dots$, такъ что

$$\begin{aligned} Q_1 &= a_1 + b_1 + c_1 + d_1 + e_1 + f_1 \\ Q_2 &= a_2 + b_2 + c_2 + r_2 + s_2 + e_2 \\ Q_3 &= a_3 + b_3 + d_3 + u_3 + v_3 + e_3 \text{ и т. д.} \end{aligned}$$

При сравненіи клаузульнаго состава Q_1, Q_2, Q_3 и т. д. можно различить три группы клаузулъ.

1) Легко замѣтить, что нѣкоторые изъ вертикальныхъ рядовъ вышеприведенной таблицы обнаруживаютъ значительную устойчивость, а именно:

$$\begin{aligned} a_1 & b_1 \dots e_1 \\ a_2 & b_2 \dots e_2 \\ a_3 & b_3 \dots e_3 \end{aligned}$$

причемъ $a_1, a_2, a_3, \dots$ можетъ быть представлено типомъ a_n , $b_1, b_2, b_3, \dots$ — типомъ b_n ; $e_1, e_2, e_3, \dots$ — типомъ e_n и т. п.

2) Нѣсколько пристальнѣе всматриваясь въ ту же таблицу

можно сверхъ того отмѣтить меньшую устойчивость въ вертикальныхъ рядахъ:

$$\begin{aligned} c_1 & d_1 \\ c_2 & r_2 \\ d_3 & u_3 \end{aligned}$$

съ тѣмъ, однако, отличіемъ: 1) что каждый изъ типовъ c и d — представленъ въ двухъ, а не трехъ случаяхъ, 2) что размѣщеніе ихъ въ соответствующихъ горизонтальныхъ рядахъ (1 и 2; 1 и 3) — разное. Положимъ, что детальное обслѣдованіе такихъ случаевъ относительно меньшей устойчивости все-же признаетъ возможнымъ включить клаузулы типа c_n и d_n въ общій формуляръ акта.

3) Наконецъ, въ клаузулахъ, обозначенныхъ знаками f, g, s, u, v , нельзя усмотрѣть какого либо типическаго характера; положимъ, что и болѣе детальное обслѣдованіе подтвердитъ такой выводъ.

Припимая во вниманіе такія соображенія, можно построить типическій формуляръ, обозначивъ его черезъ Q_n , изъ болѣе или менѣе типическихъ клаузулъ a_n, b_n, c_n, d_n, e_n . Въ виду того, однако, что размѣщеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ колеблется, можно представить себѣ типическій формуляръ Q_n въ видѣ системы типическихъ клаузулъ a_n, b_n, c_n, d_n, e_n , что и даетъ его схематическое выраженіе въ видѣ:

$$Q_n = \Sigma (a_n, b_n, c_n, d_n, e_n).$$

Соответственно раскрывая Σ и подставляя подъ n реальныя его значенія 1, 2, 3... можно обратно получить $Q_1, Q_2, Q_3, \dots$

Общая конструкція, изложенная выше, лежитъ въ основѣ графически-статистическаго метода выявленія типическаго формуляра данной группы частныхъ актовъ и построения его таблицы.

Вышеизложенный анализъ производится, конечно, при помощи извѣстныхъ методовъ согласія и различія, сопутствующихъ измѣненій и остатковъ; они болѣе или менѣе комбинируются и въ тѣхъ приемахъ статистическаго подсчета, который даетъ возможность установить степень частоты или

рѣдкости соотвѣтствующихъ клаузулъ, а значить и тотъ составъ типическаго формуляра, который образуется изъ типическихъ клаузулъ. Типическій формуляръ акта характеризуется, однако, типическимъ порядкомъ расположенія типическихъ клаузулъ, который нельзя вывести изъ каждой изъ нихъ, взятой въ отдѣльности: онъ, разумѣется, обусловленъ прежде всего характеромъ той юридической сдѣлки, которая облекается въ форму письменнаго акта, что уже предполагаетъ юридическій анализъ его содержанія; въ виду того, на примѣръ, что въ основѣ служилой кабалы лежатъ договоръ займа капитала съ службою за ростъ, она должна послѣдовательно включить клаузулы о контрагентахъ, вступающихъ въ отношенія должника къ кредитору, величинѣ занятаго капитала и срокъ займа; о погашеніи процентовъ съ занятаго капитала; о томъ, что произойдетъ въ случаѣ просрочки долга и т. п.; такая послѣдовательность дѣйствительно отражается въ соотвѣтствующемъ типическомъ порядкѣ расположенія типическихъ клаузулъ служилой кабалы. Договоръ купли-продажи, кромѣ обычныхъ условій касательно контрагентовъ сдѣлки и ея объекта, цѣны и т. п., содержитъ еще естественно связанныя съ древнимъ бытомъ клаузулы объ „очищеніи“ отчуждаемаго имущества отъ какихъ бы то ни было притязаній стороннихъ лицъ и о родовомъ выкупѣ, что и наблюдается въ дѣйствительности. Извѣстная связь между нѣкоторыми изъ клаузулъ даннаго типа актовъ также объясняетъ расположеніе соотвѣтствующихъ его частей: въ томъ случаѣ, на примѣръ, если договоръ обезпечивался неустойкой, могла явиться мысль о томъ, сохраняетъ ли онъ силу по уплатѣ таковой, что и подтверждалось особой формулой: „А ся запись и впредь запись“ и т. п. Такіе выводы требуютъ, однако, внимательной провѣрки, а иногда и существеннаго дополненія путемъ наблюденія: господствующій въ предѣлахъ данной группы актовъ порядокъ расположенія клаузулъ, устанавливаемый благодаря статистическому подсчету наблюденныхъ случаевъ, очевидно, и долженъ быть признанъ типическимъ. Впрочемъ, тѣ оговорки, какія были сдѣланы отно-

сительно подсчета отдѣльныхъ клаузулъ, въ еще большей степени относятся къ подсчету ихъ распорядковъ: послѣдніе могутъ оказаться гораздо менѣе устойчивыми, чѣмъ образующія ихъ клаузулы; особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ рѣдко встрѣчающимся видомъ актовъ; таковы, на примѣръ, акты, которые обыкновенно называются общимъ терминомъ „записи“, но не подходятъ подъ болѣе или менѣе сложившіеся типы, на примѣръ, запись жениха Марка Клементьева невѣстѣ Омельфѣ Языковой о передачѣ ему, жениху, въ собственность будущей жены его имущества въ случаѣ его смерти послѣ брака, 1565—1566 г.; или запись Іоакима Калашникова Алексѣю Углецкому о полученіи приданаго и возвращеніи его, въ случаѣ бездѣтной смерти жены, въ ея родѣ, 1665 года; или запись Настасьи Лысковой-Чертовой митрополиту Даніилу о полученіи денегъ за растраченное приданое изъ вотчины мужа, взятой митрополитомъ за долги, 1525—1526 г.; или запись крестьянина Ивана Карпова, данная имъ протопопу Суздальскаго собора Петру съ братьею, о воспитаніи имъ, Иваномъ Карповымъ, пасынка Василія и отдачѣ его въ крестьянство по вотчинѣ его матери, 1678 г.; или запись Никиты Нелидова Григорію Завороткову о соблюденіи условія кортомной, данной прежнимъ владѣльцемъ на промѣненную землю, 1700 г.; или запись Кондратія Расторгуева архимандриту Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря Никанору съ братьею объ уплатѣ монастырю оброчныхъ денегъ долговыми расписками самого монастыря, 1691 г.; или запись вологжанина Петра Григорьева купцу греку Петру Никулаеву, удостоверяющая выкупъ его, Петра Григорьева, изъ плѣна, съ обязательствомъ уплатить Петру Никулаеву выкупную сумму въ 600 левовъ и т. п.¹⁾

Выявленіе типическаго формуляра данной группы актовъ значительно облегчается благодаря графически-статистическому

¹⁾ А. Ю. №№ 394, 397, 398. Врем. М. Общ. Ист. и Древн. т. XV, Чердынскіе памятники, с. 139. А. Ю. Б., т. I, № 119, II. Прославскія Губ. Вѣд. 1857 г. № 37. Чтен. М. Общ. Ист. и Древн. 1875 г., кн. III. с. 742, № XXI. Изв. И. Археолог. Общ., т. IV, с. 372, № 1.

методу расположенія ихъ клаузулъ въ таблицы, которыя наглядно обнаруживаютъ соотношеніе клаузулъ даннаго вида. Вообще, графически-статистическій методъ анализа даннаго типа актовъ есть способъ нагляднаго изображенія болѣе или менѣе устойчиваго распредѣленія или движенія его элементовъ въ предѣлахъ всей группы. При построеніи соответствующей таблицы она разграфляется въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіи, соответственно числу клаузулъ данной группы актовъ и числу самихъ актовъ; каждый актъ въ проанализированномъ составѣ его клаузулъ располагается въ порядкѣ мѣста или времени на таблицѣ, въ одной и той же графѣ, составляющей горизонтальный рядъ, причемъ каждая его клаузула, по возможности, помѣщается вмѣстѣ съ такими же клаузулами другихъ актовъ той же группы въ одной и той же графѣ, составляющей вертикальный рядъ; каждый изъ такихъ рядовъ—горизонтальныхъ и вертикальных—можетъ оказаться болѣе или менѣе непрерывнымъ или прерывчатымъ, что явно обнаружить большую или меньшую устойчивость изучаемаго типа формуляра. Такимъ образомъ, графически-статистическій методъ анализа типа даннаго рода актовъ сводится къ построенію двухъ таблицъ, иллюстрирующихъ измѣненія, происходящія въ формулярѣ актовъ въ зависимости отъ мѣста или отъ времени ихъ составленія; изложеніе техническихъ приемовъ ихъ построенія потребовало бы слишкомъ много времени для того, чтобы останавливаться на немъ здѣсь; можно замѣтить только, что новѣйшія изслѣдованія о служилыхъ кабалахъ, отступныхъ и поступныхъ, рядныхъ и сговорныхъ и т. п. основаны на приложеніи вышеозначенныхъ прициповъ и приемовъ къ изученію данныхъ группъ актовъ ¹⁾).

Въ образованіи типическаго формуляра данной группы

¹⁾ А. Лаппо-Данилевскій, Служилыя кабалы позднѣйшаго типа, въ Сборникѣ статей въ честь В. О. Ключевского, сс. 719—764. Историческое Обозрѣніе. т. XXI, статьи А. Андреева, Отступныя грамоты (сс. 131—181). А. Шилова, Поступныя записи (сс. 262—311), Г. Котлярова, Рядныя—сговорныя записи XVI—XVII вв. (сс. 182—223) и др.

актовъ могутъ дѣйствовать двоякаго рода факторы: обычно правовые и законодательные; общій формуляръ нѣкоторыхъ видовъ актовъ вырабатывался въ средѣ площадныхъ подьячихъ или дѣльцовъ даннаго времени на почвѣ обычнаго права и большею частью лишь въ позднѣйшее время отчасти подвергался законодательной регламентаціи ¹⁾. Такие выводы были сдѣланы, напримѣръ, относительно служилыхъ кабалъ: можно придти къ заключенію, что площадные подьячіе до того времени или не имѣли общаго образца, по которому каждый изъ нихъ долженъ былъ писать служилыя кабалы, или, во всякомъ случаѣ, не пользовались имъ одинаково, такъ какъ не соблюдали одной и той же формы при составленіи акта. Судя по тому, что при внесеніи разнородныхъ формъ въ записныя книги крѣпостныхъ актовъ, дѣла не дѣлали затрудненій и не требовали соблюденія одной и той же формы, можно предполагать, что обязательнаго для всѣхъ образца служилыхъ кабалъ не существовало. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ колебаніяхъ формы служилыхъ кабалъ XVI—XVII вв. можно замѣтить и нѣкоторое единообразіе, если принять во вниманіе, что одинъ и тотъ же подьячій обыкновенно придерживался въ писанныхъ имъ кабалахъ одной и той же формы. Дѣйствительно, наблюдая колебанія въ текстѣ вышеприведенныхъ формулъ о службѣ во дворѣ, можно усмотрѣть, что они въ довольно значительной степени зависятъ отъ личности подьячаго. Въ Новгородскихъ кабалныхъ книгахъ 1597 года, напримѣръ, записано до 9 служилыхъ кабалъ, а въ книгахъ 1599—1600 г. до 14 служилыхъ кабалъ, составленныхъ подьячимъ „Ондрюшкою“ Ѳеодоровымъ: всѣ онѣ содержатъ одну и ту же формулу о службѣ за ростъ. Служилыя кабалы другого подьячаго

¹⁾ На западѣ официальные сборники формуляровъ существуютъ начиная съ VII вѣка; мы имѣемъ сборники VIII, IX—XII, XIII, XIV вѣковъ. См. *Eugène de Rozières*, Recueil général des formules usitées dans l'empire des Francs du V au X siècle, 3 vol. 1859—1871. *K. Zeumer*, Formulae aevi merovingici et karolini, 1882. *Ch. V. Langlois*, Formulaire de lettres du XII, du XIII et du XIV siècle, Par. 1890—1897.

„Третьячка“ Никитина — немногочисленны; ихъ въ тѣхъ же книгахъ записано только двѣ: одна — въ книгѣ 1597 г., другая — въ книгѣ 1599—1600 г., но каждая изъ нихъ содержитъ клаузулу о службѣ безъ роста. Во всякомъ случаѣ, на основаніи выше сдѣланныхъ наблюденій, можно, кажется, придти къ заключенію, что, если площадные подьячіе, при писаніи служилыхъ кабалъ, и послѣ указа 1597 года не соблюдали одной и той же для всѣхъ равно обязательной формы, то все же, по крайней мѣрѣ, каждый изъ нихъ могъ имѣть нѣчто въ родѣ частнаго „образцоваго письма“, которому онъ и слѣдовалъ при писаніи составляемыхъ имъ актовъ, — впрочемъ, и въ такомъ случаѣ онъ не всегда придерживался одной и той же формы.

Въ то же время и частныя лица, совершавшія юридическія сдѣлки, повидимому, располагали такими же „образцовыми письмами“: въ одномъ рукописномъ сборникѣ второй половины XVII вѣка, содержащемъ, между прочимъ, переписку между нѣкимъ Петромъ Игнатьевичемъ и Романомъ Вилимовичемъ, встрѣчаются образчики заключенія разныхъ сдѣлокъ, принятые, вѣроятно, во Псковѣ и, очевидно, представляющіе изъ себя общія формы, такъ какъ они приведены безъ указанія именъ, надо думать, Петромъ Игнатьевичемъ въ назиданіе Роману Вилимовичу; здѣсь имѣются образцы „кабалы“, „записи порядной извоицкой“, „записи порядной, хто порадится льну поставить“, а также „записи объ отдачѣ торговымъ человѣкомъ сына своего иноземцу съ тѣмъ, чтобы онъ кормилъ, одѣвалъ и обувалъ его, а сынъ могъ бы отойти, отдавши платъ и обувь ему, иноземцу“; въ мировыхъ записяхъ, писанныхъ для Архангельскаго монастыря „у города стрелцомъ“ Гаврилкой Курдумовымъ 1630 года, обнаруживается, за исключеніемъ, конечно, именъ контрагентовъ и послуховъ, полное сходство и т. п.¹⁾

Въ Московскій періодъ нашей исторіи официальные формулярники, т. е. сборники образцовъ формуляровъ част-

¹⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экон., т. I. №№ 546, 548.

ныхъ актовъ, врядъ ли существовали; извѣстенъ только одинъ сборникъ митрополичьихъ грамотъ, дошедшій до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ; они хранятся въ Синодальной Библіотекѣ (оригиналъ XV вѣка), а также въ Публичной Библіотекѣ (изъ собранія графа Ѳ. Толстого) и въ собраніи гр. А. С. Уварова (изъ коллекціи И. Н. Царскаго); отрывки такого же сборника помѣщены и въ Четьихъ-Мисеехъ митрополита Макарія¹⁾. Единственная общая мѣра касательно регулированія правительственной властью формуляровъ частныхъ актовъ того времени касается служилыхъ кабалъ и относится къ 1680 году. Указъ, установившій новый формуляръ служилыхъ кабалъ, появился вскорѣ послѣ производства новой переписи и послѣ извѣстнаго указа о томъ, чтобы „всякія дѣла вѣдать однимъ воеводамъ“. Этотъ указъ, надо думать, былъ вызванъ желаніемъ Московскаго правительства ввести, наконецъ, въ формуляръ служилой кабалы условія, соотвѣтствующія измѣнившемуся положенію кабалныхъ холоповъ, а также правиламъ, давно уже высказаннымъ въ прежнихъ узаконеніяхъ, и его стремленіемъ сдѣлать такой формуляръ общеобязательнымъ. Въ царскомъ указѣ Елецкому воеводѣ отъ 15 мая 1680-го года, говорится, что „въ городахъ записывали служилыя кабалы... въ губныхъ избахъ губные старосты, а нынѣ указали мы, великій государь, служилыя кабалы... записывать въ городѣхъ воеводамъ и приказнымъ людямъ по нашему, великаго государя, указу и по Уложенію, спрашивая передъ собою на лицо и въ рожи и въ примѣты, описывать именно, а въ служилыхъ кабалахъ денегъ и росту не писать“. Такимъ образомъ, указъ 1680 г., упразднивъ клаузулу о займѣ, въ то время, вѣроятно, уже имѣвшую скорѣе фиктивное, чѣмъ реальное значеніе, не подкрѣпляетъ этой мѣры ссылками на какой-либо предшествующій указъ. Виѣсѣ съ тѣмъ указъ 1680-года, вводитъ въ устанавливаемую форму служилыхъ кабалъ извѣстное условіе о службѣ „по животъ“ господина, что видно изъ приложен-

¹⁾ Н. Литачевъ, Изъ лекцій по дипломатикѣ, с. 121.

наго къ нему „образцоваго письма“, въ которомъ было указано, „какъ служилые кабалы писать“¹⁾.

Въ эпоху преобразованій общія правила писанія частныхъ актовъ, особенно въ ихъ удостовѣрительной части, начинаютъ формулироваться и въ законодательствѣ. Указомъ 30 января 1701 года, напимѣрь, великій государь повелѣлъ „всякія крѣпости прилучающіяся въ державѣ нашего государства для пополненія въ собраніи нашей Великаго Государя казны, а паче для ослабы всенародныя волокиты и тягости и лучшаго усмотрѣнія писать по прежнему своему Великаго Государя указу, въ палаткѣ Ивановскія площади, особливо на то прибранномъ подъячимъ двадцати четыремъ человекѣмъ; а въ приказѣхъ и въ Ратушѣ никакихъ крѣпостей не писать, и вѣдать тѣ крѣпостные дѣла и подъячихъ во Оружейной палатѣ... А вмѣсто послуховъ писать во всякіе крѣпости по состоятельному своему Великаго Государя указу, прошлаго 208 года декабря 9 дня, свидѣтелей, людей добрыхъ и знатныхъ, усмотря приличества крѣпостей, гдѣ сколько человекъ пристойно, и ручникомъ въ прикладыванѣ рукъ своихъ описывать имянно, что они такіа сдѣлки чинили при тѣхъ знатныхъ свидѣтеляхъ, также и свидѣтелямъ чины свои и сдѣлки въ прикладыванѣ рукъ своихъ описывать имянно жъ, чтобъ въ томъ всякое усмотрительное было укрѣпленіе; а въ большихъ крѣпостныхъ дѣлахъ незнатныхъ и бездомовныхъ людей имянно и въ малыхъ дѣлѣхъ не описавъ чина, ни въ какіе крѣпости во свидѣтельство не писать, и того всего со опаснымъ храненіемъ смотрѣть крѣпостныхъ дѣлъ подъячимъ; а буде ихъ подъяческимъ для какихъ бездѣльныхъ прибытковъ пронырствомъ въ письмѣ крѣпостей явится какое поползновеніе, и такимъ изъ нихъ по розыску чинить смертную казнь; а о собраніи своей Великаго Государя казны за письмо крѣпостей и о пошлинахъ и о прибраніи подъячихъ и о иномъ предложеніи, быть всему по вышеозначеннымъ статьямъ, и записныя всякимъ крѣпостямъ книги изъ всѣхъ

¹⁾ А. Липпо-Данилевскій, Служилыя кабалы позднѣйшаго типа, въ Сборн. статей, посвящ. В. О. Ключевскому, с. 758.

приказовъ и изъ Ратуши, съ состоятельнаго 208 году указу, взять въ Оружейную палату, и о состояніи сего своего Великаго Государя именнаго указу послать памяти и съ статей списки во всѣ приказы и въ Ратушу; а для домовнаго прокормленія тѣхъ крѣпостныхъ дѣлъ подъячимъ давать своего Великаго Государя жалованья изъ сборныхъ денежной казны крѣпостныхъ дѣлъ по усмотрѣнію той казны собранія; и для показанія въ тѣхъ крѣпостныхъ дѣлахъ всякаго усердія и вѣрности, привести тѣхъ подъячихъ къ вѣрѣ, и съ состоятельнаго своего Великаго Государя указу и съ статей дать имъ наказъ за дѣячію приписью, написавъ въ немъ со всякимъ пополненіемъ подъ жестокимъ страхомъ, и сей свой Великаго Государя именной указъ, записавъ въ книгу, держать во Оружейной палатѣ, и во всѣхъ городѣхъ державы Государства своего чинить о всемъ по сему жъ своему Великаго Государя указу. А о письмѣ въ городахъ въ различіи всякихъ крѣпостей и о присылкѣ во Оружейную палату записныхъ крѣпостныхъ книгъ, сколько въ мѣсяцъ и въ какихъ дѣлахъ и отъ кого и кому крѣпости писаны, и кто у тѣхъ крѣпостей свидѣтели, быть по состоятельному своему Великаго Государя 208 году Декабря 9 дня указу“¹⁾. Нѣсколько позднѣе, 6 ноября 1705 года, обнародованъ другой указъ, еще точнѣе регулировавшій писаніе частныхъ актовъ въ ихъ удостовѣрительной части: „всякія крѣпости, читаемъ мы здѣсь, писать подобіемъ вслкихъ приказныхъ дѣлъ, противъ прежде состоявшагося ... именнаго указа на листахъ, а не на столбцахъ; руки прикладывать, кто даетъ на себя крѣпости до тѣхъ словъ (какъ написано будетъ все дѣло по договору въ крѣпости до тѣхъ словъ) какъ писывалось прежде: а у сей купчей или записи или ипой какой крѣпости свидѣтель, и не писавъ того, и не оставливалъ при послѣдней строкѣ мѣста въ рядъ, какъ и выше писано, равными строками; а потомъ въ рядъ же, не оставливалъ, подписываться поручикамъ и свидѣтелямъ, а подъячему, которой крѣпости

¹⁾ П. С. З., т. IV, № 1833.

писалъ, подписываться послѣ всѣхъ свидѣтелей. И подѣ тѣмъ подъяческимъ именемъ, не оставляя жѣ мѣста, о взятьѣ съ числа съ нее денегъ и о записѣ въ книгу подписывать по обыкновенію съ годомъ и съ числомъ и съ именемъ своимъ надсмотрщику, а при началѣ крѣпости именъ поручиковыхъ не писать (а писать въ оныхъ тако отъ лица того, кто на себя крѣпость даетъ: а поручики по мнѣ нижеподписавіиися, и кто подпишется, тотъ и поручикъ). И симъ опредѣленіемъ подписываться съ низу крѣпости велѣно для того, что многіе прежде сего давъ слово, что ручаться готовы, и, по ихъ словамъ, имена ихъ въ записъ напишутъ, а потомъ, хотя одинъ изъ многихъ ручаться не похочетъ или куда отлучится и за тѣмъ переписываются крѣпости вторично, отъ чего чинились лишніи продолженія и убытки¹⁾.

Вышеприведенные указы еще не давали, однако, какихъ либо общеобязательныхъ формъ для писанія частныхъ актовъ. Подѣ вліяніемъ великобританскихъ и голландскихъ порядковъ извѣстный прожекторъ Салтыковъ, правда, уже въ 1714 г. предлагалъ установить ихъ въ виду фискальныхъ цѣлей; въ одной ихъ своихъ пропозицій — о печатныхъ крѣпостяхъ о разныхъ, сирѣчь о заемныхъ кабалахъ, о вотчинныхъ, о помѣстныхъ записяхъ и купчихъ, о духовныхъ, о жалованныхъ грамотахъ на помѣстья и вотчины и на всякіе разные чины и о прочихъ всякихъ записяхъ, — онъ писалъ нижеслѣдующее: „велѣтъ прежде написать образцы всякихъ вышеписанныхъ крѣпостей со всякими окрестностями и осторожностію, что ни есть, чего касается въ дѣлахъ между всякого чина и состоянія людей, а промежки для имянъ и чиновъ ихъ и неустоекъ числа денежнаго, также числа годовыя, мѣсячныя и дневныя; и велѣтъ тѣ крѣпости печатать лите-рами и потому продавать тѣмъ, которые будутъ какихъ требовать, по уреченному числу, въ чемъ будетъ поспѣшность въ дѣлахъ такихъ, также и площаднымъ будетъ не такой

¹⁾ П. С. З., т. IV, № 2080. Нѣкоторыя формы, напримѣръ, рядныя и сговорныя, были въ то время вовсе „отставлены“; см. Письма и бумаги Петра Великаго, т. II, № 615. П. С. З., т. IV, № 1907.

трудъ; а по сочиненіи такихъ крѣпостей, велѣтъ ихъ записывать въ книги по старому указу, для всякихъ впредбудущихъ споровъ“¹⁾.

Предложеніе Салтыкова о введеніи „печатныхъ крѣпостей“ осталось, однако, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій и только позднѣе, въ 1738 г. іюня 8, была обнародована особая инструкція надсмотрщикамъ: она содержитъ рядъ образцовъ для наиболѣе обычныхъ документовъ: формъ прихода-расходныхъ, записныхъ книгъ и счетовъ²⁾. Отсутствіе утвержденныхъ правительствомъ формуляровъ восполнялось по прежнему частными сборниками: старинные „письмовники“ содержали, напримѣръ, образцы разнаго рода писемъ, въ томъ числѣ и купеческихъ; они получили довольно широкое распространеніе въ XVIII вѣкѣ³⁾. Въ приложеніи къ книгѣ „объ актахъ крѣпостныхъ“, вышедшей въ началѣ XIX вѣка, напримѣръ, были напечатаны образцы рядной, отдѣльной и раздѣльной; купчей и запродажной; заемнаго письма и векселя, заемной закладной и закладной, контрактовъ по найму людей и имущества, по отдачѣ въ ученіе и порядку, а также формы „дареной записи“, духовной и отпускнуой⁴⁾.

¹⁾ О. Салтыковъ, Пропозиціи, гл. VIII; см. Н. Павловъ-Сильвинскій, Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго, С.-Иб. 1897 г., прил., сс. 16—17.

²⁾ П. С. З., т. X, № 7594.

³⁾ Н. Кургановъ, Писмовникъ, содержащій въ себѣ науку русскаго языка, со многими присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезно-забавнаго вещесловія, 2-ое изд. Сиб. 1777, 9-ое изд. Сиб. 1818 г. Другой сборникъ подобнаго рода былъ озаглавленъ: „Наставленіе, какъ сочинять и писать всякія письма къ разнымъ особамъ“, 1-ое изд. М. 1765; 3-е изд. 2 чч. М. 1773 г. Третье появилось подъ заглавіемъ: „Кабинетскій и купеческій секретарь“ и заключало въ себѣ „собраніе наилучшихъ и употребительнѣйшихъ писемъ о всякихъ матеріяхъ и на всякій случай“, соч. Ивана Сокольскаго, 1-ое изд., 2 чч., М. 1788 г., 2-ое изд., 3 чч., М. 1795 г.

⁴⁾ Объ актахъ крѣпостныхъ и проч. (ср. выше), ч. I, сс. 79, 86, 90, 94, 97, 99, 102, 110, 118, 119, 120, 122, 125, 127, 137, 138. Такіе же образцы присоединялись и къ болѣе научнымъ руководствамъ по русскому гражданскому праву, напримѣръ, къ „Опыту“ Вельяминова-Зернова, который, въ приложеніи къ своему труду, напечаталъ „образцы“ духовнаго завѣщанія, а также отдѣльной,

§ 3. Юридический анализ.

Въ сущности, безъ предварительнаго понятія объ общемъ характерѣ той юридической сдѣлки, которая облечена въ письменную форму частнаго акта, нельзя уразумѣть его смыслъ: юридическій анализъ уже нуженъ для того, чтобы признать данный документъ частнымъ актомъ, и съ такой точки зрѣнія мы разсматриваемъ, напимѣръ, вышеуказанныя „прощальныя грамоты“ или „завѣты“ духовныхъ лицъ. Прощальныя грамоты митрополита Кипріяна 1406 года, „завѣтное писаніе“ вятскаго и пермскаго архіепископа Іоны 1699 года и т. п. преподаютъ духовно-нравственныя размышленія и наставленія, которыя, по волѣ почившихъ пастырей церкви, читались при погребеніи въ пазиданіе прихожанамъ и, въ сущности, вовсе не содержатъ распоряженій о ихъ имуществѣ на случай смерти. Между тѣмъ, подъ „духовнымъ завѣщаніемъ“ нашъ Сводъ разумѣетъ „законное объявленіе воли владѣльца о его имуществѣ на случай его смерти“. „Прощальныя грамоты“ и „завѣтныя писанія“, очевидно, не подходятъ подъ такое опредѣленіе, да и самими ихъ составителями не назывались духовными завѣщаніями; значитъ, присвоенное имъ позднѣйшими писателями и издателями наименованіе—неправильно: строго говоря, ихъ нельзя причислить къ частнымъ актамъ ¹⁾.

При помощи юридическаго анализа можно также точнѣе провести границы между публичнымъ и частнымъ актомъ, усмотрѣть въ публичномъ актѣ значеніе частнаго, поскольку онъ удостовѣряетъ частныя права, разграничить въ нѣкоторыхъ смѣшанныхъ по своему содержанію актахъ публично-правовые элементы отъ частныхъ, напимѣръ, въ старинныхъ духовныхъ нашихъ князей, въ „выборахъ“ въ священники

поступной и раздѣльной записи. См. В. Вельяминовъ-Зерновъ, Опытъ начертанія Россійскаго частнаго гражданскаго права, С.-Пб. 1821—1823 гг., ч. II, сс. 187—197.

¹⁾ Библиограф. Лѣтоп., в. III, с. 167. А. Ю. № 428. Сводъ Зак. Гражд., ст. 1010.

и т. п. ¹⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь юридическимъ анализомъ, легче установить, въ чемъ именно состоитъ юридическая сдѣлка, о которой говорится въ актѣ, укрѣпляетъ-ли опъ возникновеніе какого-либо правоотношенія, подобно, напимѣръ, древней отводной, или его измѣненіе, подобно, напимѣръ, заемной-закладной, или его прекращеніе, подобно, напимѣръ, одной записи о размѣнѣ складными ²⁾. Между тѣмъ общій характеръ юридической сдѣлки уже обусловливаетъ и порядокъ, въ которомъ расположены клаузулы даннаго формуляра, а значитъ, и его построеніе (см. выше).

Для того, чтобы уразумѣть сущность самихъ частныхъ актовъ, необходимо имѣть въ виду то юридическое значеніе, какое приписывалось имъ въ древности, и, исходя изъ него, выяснять ихъ смыслъ. Въ сборникахъ актовъ встрѣчаются, напимѣръ, акты, которые редакторы называютъ отводными; далеко не всѣ изъ нихъ, однако, дѣйствительно являются таковыми, т. е. памятми о реальномъ отводѣ земли, передаваемой въ силу какого-либо юридическаго титула однимъ лицомъ другому: въ „Актахъ Юридическихъ“ было напечатано 8 „отводныхъ“, по изъ нихъ четыре оказываются разбѣзжими, а не отводными; въ „Актахъ, относящихся до юридическаго быта“ изъ шести „отводныхъ“ лишь одна можетъ быть признана дѣйствительно таковою и т. п. ³⁾.

Юридическій анализъ получаетъ дальнѣйшее приложеніе и при выборѣ того изъ старинныхъ наименованій акта, которое всего точнѣе выражаетъ его юридическое значеніе, а не бытовое содержаніе: недавно, напимѣръ, появилось любопытное изслѣдованіе о будто-бы новомъ видѣ „вымученныхъ“ служилыхъ кабалъ; но такого вида нельзя установить: служилыя кабалы назывались иногда „вымученными“ по реальнымъ условіямъ ихъ возникновенія, такъ какъ выдавались

¹⁾ См. выше, сс. 46—47.

²⁾ П. Сидоровъ, Складныя записи, въ Историч. Обзор., т. XXI, сс. 260—261.

³⁾ А. Ю. №№ 138—145. А. Ю. Б., т. II, № 178. Ср. В. Ельшицевичъ, Очеркъ развитія формъ поземельнаго оборота въ Россіи, въ Извѣстіяхъ С.-Пб. Политехн. Инст. Э. О., т. XVII, с. 225.

насиленно, вымучивались господами у нуждающихся или беззащитных людей и т. п.¹⁾ Старинные наши акты часто сами себя называли не только по роду сделки, но и по конкретному содержанию ее объекта, что и приводило к двойному их наименованию, например: „поемная дѣловая“, „поскотивы дѣльная“ и т. п.²⁾ В таких случаях главный терминъ нельзя замѣнять второстепеннымъ, находящимся въ довольно случайномъ отношеніи къ объекту сделки: при квалификаціи „отступныхъ-посильныхъ“, напримеръ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что акты подобнаго рода, въ сущности, отступныя, вѣроятно, на „княщинныя земли“, которыми они владѣли не на правѣ полной собственности и объектомъ которыхъ служило „посилье“, въ качествѣ того именно, къ чему они приложили свой трудъ и отъ чего они, при заключеніи сделки, „отступаются“ за извѣстное вознагражденіе³⁾. Бывали случаи, когда главный объектъ сделки настолько заслонялся второстепеннымъ, что актъ получалъ свое наименованіе по послѣднему изъ нихъ; актъ, содержащій договоръ найма съ задаткомъ, напримеръ, назывался иногда „задаточной памятью“; актъ, удостовѣрившій взятіе на срокъ однимъ лицомъ у другого жалованныхъ грамотъ для предъявленія ихъ въ судъ и обезпеченный крупной неустойкой, именуется „зарядной записью“ и т. п.⁴⁾

Юридическій анализъ даетъ также возможность проводить различіе между болѣе или менѣе однородными актами, которые иногда смѣшиваются, или между составными элемен-

¹⁾ Н. Новолберскій, Вымученныя кабалы въ Моск. Руси XVII стол., въ Журн. Мин. Юст. 1915 г., май, сс. 288—338, июнь, сс. 192—247.

²⁾ Р. И. В., т. XIV, ст. 219. Труды Археограф. Ком. Моск. Археол. Общ., т. II, в. 2, сс. 275—276.

³⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, №№ 62, 72, 73 и др. Акты Велико-Устюжскаго Михайло-Архангельскаго монастыря, изд. В. Шляпникова, ч. I, №№ 1, 2, 4, 12, 14 и др. А. Андреевъ, Отступныя грамоты, въ Историч. Обзор., т. XXI, сс. 170—171.

⁴⁾ М. Богословскій, Земскія челобитныя въ древней Руси, въ Богословскомъ Вѣстн. 1911 г., январь, с. 143, прим.; его же, Земское самоуправленіе на русск. сѣв. въ XVII в., т. II, М. 1912, с. 62, прим. 1. См. выше правую грамоту по поводу дѣла И. Чергова съ С. Стромпиловымъ, сс. 48—49.

тами одного и того же акта. Въ одномъ изъ лучшихъ сборниковъ частныхъ актовъ, напримеръ, было напечатано нѣсколько актовъ подъ наименованіемъ: „порядныя зарубѣжныхъ выходцевъ“, хотя они сами себя называютъ „ссудными“; въ данномъ случаѣ редакторъ смѣшалъ крестьянскія порядныя съ ссудными записями, что едва-ли могло бы случиться, если бы онъ обратилъ вниманіе на то, что въ основѣ порядныхъ, въ сущности, лежитъ договоръ найма и притомъ въ старѣйшихъ—найма земельного участка, а въ основѣ ссудныхъ—договоръ займа, надо полагать безпроцентнаго, хотя каждый изъ такихъ договоровъ и осложнялся другими условіями; слишкомъ мало различая юридическую природу вышеназванныхъ видовъ, онъ смѣшалъ одинъ изъ нихъ съ другимъ, чѣмъ ввелъ въ заблужденіе даже позднѣйшихъ историковъ права¹⁾. Въ составѣ одного и того же вида актовъ также приходится различать нѣкоторые элементы, разнородность которыхъ ускользаетъ отъ вниманія изслѣдователя, пренебрегающаго юридическими категоріями. Старинныя купчія, напримеръ, часто оказываются вмѣстѣ съ тѣмъ и отводными: „при куплѣ-продажѣ (земли) считалось излишнимъ составлять объ отводѣ особую грамоту: описаніе договора и описаніе отвода (т. е. акта реальной передачи самого земельного участка) соединялось въ одной грамотѣ. Дѣйствительно, въ цѣлой массѣ купчихъ мы находимъ указаніе на актъ отвода, на отводчика и на свидѣтелей отвода“. Въ такихъ случаяхъ сами акты признаютъ себя и купчими и отводными въ извѣстной клаузулѣ: „а ся купчая и отводная на ту землю“²⁾.

Аналогичнаго разсмотрѣнія требуютъ и нѣкоторыя записи, болѣе или менѣе сложныя по своему составу, напримеръ, записи о пожизненномъ владѣніи половиной монастырскаго села и другой половиной того же села, промѣненной вкладчикомъ съ обязательствомъ продать вымѣненныя въ другомъ

¹⁾ А. Ю. № 203.

²⁾ В. Ельшенинъ, Op. cit., ibid., с. 229.

уѣздѣ пустоши и вырученныя деньги дать вкладомъ въ тотъ же монастырь, 1674 г. сентября 28 ¹⁾).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ юридическій анализъ даетъ иное опредѣленіе акта, чѣмъ дипломатическій, а именно въ тѣхъ, когда юридическая сдѣлка, запрещенная или затрудненная закономъ, прикрывалась болѣе пріемлемой формой акта другой разновидности: вкладныя въ монастырь, на примѣръ, прикрывали иногда купчія на земли, заключеніе которыхъ было запрещено извѣстными указами.

Наконецъ, юридическій анализъ облегчаетъ пониманіе и того развитія, которое обнаруживается въ данномъ видѣ актовъ, его типическомъ формулярѣ и т. п.

Выше было уже указано различіе между памятью, въ смыслѣ акта съ освѣдомительнымъ характеромъ, и крѣпостью, въ смыслѣ акта съ удостовѣрительнымъ характеромъ, различіе которыхъ, очевидно, основано на юридическомъ анализѣ ихъ значенія, причемъ оно, можетъ быть, намекаетъ и на то преимущество, въ какомъ указанныя формы слѣдовали во времени, т. е. даетъ нѣкоторое понятіе о развитіи частнаго акта вообще и главнѣйшихъ его періодахъ. Съ такой точки зрѣнія можно разсматривать и исторію отдѣльныхъ видовъ частныхъ актовъ, на примѣръ, купчихъ. Древнѣйшія извѣстныя намъ купчія XIV—XV в.в. писались отъ лица покупателя, а не продавца: въ одной изъ бѣлозерскихъ купчихъ, писанныхъ до 1427 года, притомъ лишенной (судя по печатному ея тексту) удостовѣренія, на примѣръ, мы читаемъ: „Се язь Кирило игуменъ купилъ есмь у Иванъ у Евсѣвиева сына в домъ Прчстыи Бци и чстнаго ея успенія и своея брати и кто будетъ по мнѣ игуменъ землю Захарыинскую со всѣми оучасты, что потянуло къ той земли, и с пожнямы и куды топор ходилъ и куды коса ходила, и с наволокомъ с Зориньскимъ, что на Порозобицѣ на рѣки“ ²⁾. Аналогичный формуляръ часто встрѣчается и въ новгород-

¹⁾ Чтен. въ Общ. любит. духовн. просв. 1880 г., май, отд. ист. матер., сс. 65—68.

²⁾ Д. Мейчикъ, *Op. cit.*, с. 120, № VIII, 1.

скихъ купчихъ XIV—XV в.в.; онъ составленъ по схемѣ: „Се купи“ такой-то у такого-то (дальше слѣдуетъ описаніе земли и ея межи)... „А на то послухи...“ Такая грамота, очевидно, имѣла скорѣе значеніе памяти о происходившей сдѣлкѣ купли-продажи, послухи которой могутъ, въ случаѣ нужды, быть вызваны въ судъ для свидѣтельствованія того, что она (т. е. сдѣлка купли-продажи) дѣйствительно состоялась, чѣмъ значеніе формальнаго доказательства противъ возможныхъ притязаній со стороны прежняго собственника продавца. Послѣдующія купчія съ XVI вѣка, наоборотъ, пишутся отъ лица продавца, причемъ начинаютъ снабжаться его подписью, а также рукоприкладствами послуховъ; такое превращеніе объясняется, надо думать, тѣмъ, что купчая стала формальнымъ актомъ о передачѣ продавцомъ своего права покупателю и уже обладаетъ доказательной силой на судъ ¹⁾. Юридическая конструкция акта, какъ видно, оказывала непосредственное вліяніе на формуляръ акта, дипломатическимъ анализомъ котораго, значитъ, нельзя удовлетвориться.

¹⁾ А. Ю. № 71 (всего 37 купчихъ); впрочемъ, онѣ уже содержатъ моментъ удостовѣренія въ формулѣ: „а у печати стоялъ...“ и присоединенія къ нимъ вислой печати; купчія отъ лица продавца см. въ А. Ю. № 19 (с. 40), 1522 г. и др.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Синтезъ частнаго акта.

Синтезъ акта состоитъ въ выясненіи того, что придаетъ ему нѣкоторое единство: цѣль, въ виду которой актъ составленъ, обуславливаетъ, на примѣръ, то, а не иное соотношеніе его элементовъ; интересъ, удовлетворенію котораго онъ служить, придаетъ ему болѣе или менѣе цѣльный характеръ и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, съ такой именно точки зрѣнія легко понять, почему данный актъ является, положимъ, духовной, а не вкладной, заемной, а не служилой кабалой, закладной, а не купчей и т. п.; почему въ данномъ актѣ понадобились тѣ, а не инныя клаузулы, и, наоборотъ, опущены другія и т. п. Если исходить, на примѣръ, изъ предположенія, что порядныя въ крестьянство писаны преимущественно въ виду интересовъ землевладѣльцевъ, а не самихъ крестьянъ, то станетъ понятнымъ, почему онѣ содержатъ, главнымъ образомъ, обязательства крестьянъ по отношенію къ помѣщикамъ, а не обязательства помѣщиковъ по отношенію къ крестьянамъ; лишь очень немногія изъ нихъ (да и тѣ поморскихъ уѣздовъ) предусматриваютъ тѣ правонарушенія, какія могутъ послѣдовать со стороны землевладѣльцевъ, а не однихъ только поряжающихся въ крестьяне или половники и сопровождають ихъ соотвѣтствующими санкціями¹⁾. Аналогичныя наблюденія можно сдѣлать надъ заемными. Если исходить изъ положенія, что древнерусскій заемъ былъ договоромъ, устанавливавшимъ извѣстныя отношенія къ вещи, а не къ лицу, и что содержаніе договора заключалось въ томъ, что должнику на время давались

деньги или потребляемыя вещи (на примѣръ, рожь), а не въ томъ, что должникъ обязывался возвратить ихъ назадъ въ томъ же количествѣ и качествѣ, то и нѣкоторые пробѣлы и особенности нашихъ древнихъ заемныхъ станутъ понятными. Въ виду того, что нашъ старинный договоръ займа имѣетъ только вещное дѣйствіе, а не обязательственное, и что онъ устанавливаетъ передачу денегъ, а не обязанность заплатить взамѣнъ ихъ равноцѣнную имъ сумму денегъ, такая обязанность, лежащая вѣкъ его и вытекающая не изъ договора, а изъ правила о возвращеніи собственнику взятыхъ у него вещей, часто даже не упоминается въ заемныхъ кабалахъ; на примѣръ: „Се язь Якимъ Перфирьевъ сынъ, да язь Ярыга Дмитріевъ сынъ заявили есмя у старца у Іоны... ржи четыре четверти съ января 11 да до Семена дня безъ пасопъ. А поляжетъ хлѣбъ по сроцѣ, ино дать на пять шестая. А гдѣ ся кабада застанетъ, тутъ по ней и правекъ...“ Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда отдача долга упоминается, она, въ качествѣ не необходимой части договора, все же играетъ въ немъ второстепенную роль и соотвѣтственно оговаривается въ самомъ актѣ, какъ своего рода альтернатива или подробность: пашенный крестьянинъ Исака Марковъ, заявившій 80 рублей у старца Якутскаго Спасскаго монастыря Савватія въ 1678 году, на примѣръ, обязался въ срокъ „Христова Велика дни“ того-же года „за тѣ деньги дать“ своему кредитору полтора ста пудовъ ржи; но тутъ же прибавляетъ: „а буде я Исай на тотъ срокъ ржи не отдамъ .. и отдать мнѣ, Исаю, тѣ деньги назадъ лицомъ“¹⁾.

Соотвѣтственно вышеуказанному различію между актами съ освѣдомительнымъ характеромъ и актами съ удостовѣрительнымъ характеромъ, можно думать, что и единство акта достигалось въ нихъ различнымъ образомъ. Память о происшедшихъ юридическихъ событіяхъ, очевидно, должна была имѣть въ виду „драму“ или дѣло совершенія ихъ

¹⁾ Р. П. В., т. XII, ст. 116; т. XIV, ст. 100—104, 409—412.

¹⁾ А. Ю. МѢ 245, 247, 250, 251, 253, 255. А. Ю. Б., т. II, № 125, III. П. Бѣлсезъ, Древне-русское обязательственное право, въ Юридич. Вѣстн. вл. XVIII (1917 г.), с. 98.

преимущественно въ той послѣдовательности, въ какой они происходили въ дѣйствительности; драматизмъ, состоявшій въ смѣнѣ однихъ дѣйствій другими, частью до возникновенія, частью при совершеніи сдѣлки, соотвѣтственно отражался и въ самомъ актѣ; онъ отличался скорѣе повѣствовательнымъ, чѣмъ собственно юридическимъ характеромъ. Въ одномъ изъ документовъ, названномъ „спискомъ з даные“ и попавшемъ въ извѣстный сборникъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, на-примѣръ, мы читаемъ: „Княжъ Федоровъ Бѣлозерскаго бояринъ былъ Семенъ Баба в Чюровскихъ а тѣ пожни были того боярина Семена и у того Семена женился Иванъ Есиплъ сЫрдомы и тѣ пожни далъ в приданыхъ и на того Ивана ударила бѣда и тотъ Иванъ тѣ пожни продалъ попу Савѣ Ирдомскому и у того попа отрода не было и его попад(ь)я Настас(ь)я велѣла тѣ пожни дати въ Кириловъ монастырь по своихъ душахъ“¹⁾. Трудно сказать, представляетъ-ли изъ себя вышеприведенный документъ настоящую данную, тѣмъ болѣе, что списокъ не указываетъ на его удостовѣреніе; но и въ качествѣ памятной замѣтки о данной попадѣ Настасѣи онъ, очевидно, передаетъ ея содержаніе, послѣднее, однако, явно отличается повѣствовательнымъ характеромъ, единство акта — въ разсказѣ о томъ, какой судьбѣ подверглись пожни бѣлозерскаго боярина Семена Бабы, пожертвованныя попадѣй Настасѣей въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

Къ нарративному элементу примѣшивается иногда элементъ императивный, все еще не переходящій въ юридическую форму. Въ данной чернеца Алексѣя Николаевскому Чухченскому монастырю на земли на Маломъ островѣ, XV вѣка, на-примѣръ, мы читаемъ: „Се далъ Алѣксѣ чернецъ стму Николи і вѣкѣ землю Захаринскую і пожни куплю свою на Маломъ островки в нижномъ концѣ с верхнего конца орамая земля от Степановы земли Федоровича і пожни логъ і куть весь, а очіи своеі оучастокъ весь своі приказалъ

¹⁾ Сборн. актовъ Кирилло-Бѣлозерск. монастыря, рукоп. СПб. Духовной Академіи А¹/₁₆, л. 313. Изъ Бѣлозерскихъ князей съ именемъ Оедора извѣстны: Оедоръ Михайловичъ (1293—1314 гг.) и Оедоръ Романовичъ (1375—1380 гг.).

Василеі братѣи своеі володѣтѣ до моего живота, а по моемъ животѣ отдайт[е] братѣя моя очіу мою отдайте земли і пожни стму Николи і вѣки“¹⁾.

Такой-же драматическій характеръ отчасти сохранился и въ болѣе древнихъ актахъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ, на-примѣръ, въ отводной Кирилло-Бѣлозерскому монастырю на деревню Петроковскую, 1448—1468 гг.; здѣсь мы читаемъ: „Се язъ Григорей Львовъ сынъ, что далъ есмь пустошь, деревенку въ Кивойцѣ Петроковскую въ домъ Пречистой Богородици въ Кириловъ монастырь игумену Касіану съ братѣю, по своихъ родителѣхъ,—а на отводѣ той пустоши далъ есми ключника посельскаго Баткова, чернѣца Оедюка Старого Овтонова. И Оедюкъ чернецъ отвелъ ту землю старцу Игнатію Туру Кирилова монастыря: отъ Кивой рѣки, подлѣ курганъ, по врагъ къ лѣсу, да по лѣсѣ къ великому мху, по великой мохъ къ великому бору, да со мху доломъ прямо черезъ поперекъ бору къ гравовитой соснѣ, отъ гравовитое сосны прямо на долокъ, на мошокъ къ рѣкѣ Кивою внизъ до того-жъ врага, что подлѣ кургана. А на отводѣ были... А сю грамоту отводную писалъ...“²⁾. Такой же характеръ безыскусственного разсказа носитъ на себѣ одна изъ старѣйшихъ мѣновныхъ, изложенная слѣдующимъ образомъ: „Се язъ Іларіонъ, кѣларь Сергѣева монастыря, мѣвилъ есмь с игуменомъ съ Аѳанасѣемъ Стромнынскимъ пустошми: взял есмь оу него пустошь Касьяновскую оу Сольци оу Переяславскій на Хупани, а ему есмь далъ въ Ворѣ пустошь Бѣлавинскую монастырьскую. А на то послуши: Михаилъ Оеопасевичъ да Сергѣи старецъ казначѣи, да Васяпъ старецъ Хихилъ. А грамоту писалъ самъ игуменъ Аѳанасеи Стромнынский“³⁾.

Въ болѣе развитой формѣ актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ, именуемый „крѣпостью“, логически раскрываетъ юридическую идею той сдѣлки, которую онъ удостовѣряетъ:

¹⁾ А. Шахматовъ, Исслѣдов. о двинск. грам. XV в., ч. II, с. 19.

²⁾ А. Ю. № 139; ср. выдержки изъ „отводной“ въ приложеніи къ работѣ Д. Мейчикъ, сс. 110—112.

³⁾ Д. Мейчикъ, Ор. cit., с. 119, № VII, 1.

взаимъ рассказа о томъ, что происходило при совершении ея, онъ заключаетъ въ себѣ совокупность связанныхъ между собою важнѣйшихъ ея условій, проистекающихъ изъ нея юридическихъ послѣдствій и т. п. Въ противоположность той данной (?), которая приведена была выше, возьмемъ, напри- мѣръ, нѣсколько позднѣйшую данную Михаила Дехова Архангельскому монастырю на его „жеребій“ въ Касокурѣ, 1550 года, формулированную слѣдующимъ образомъ: „Се яз Михайло Дементиев сын Дехов дал есми святому архістратигу Михаилу в дом вотчину свою в Касокурѣ свои жеребеніи шестую долю что ми от брата з дѣду досталось на поминане. А поминал бы пожаловал игуменъ Архангилской с крѣпосом Михаила Василя Еуенія. А в очищеніи тем пожним тому жеребю язъ Михайло. А на то послуши Василеніи Михайлов сын Хвостинского да Пахом Ермолинъ сын. А данную грамоту писал Миронец Климентиев сын лѣт 7058-го августа в 7 день“¹⁾. Впрочемъ, синтетическая связь обнаруживается не только между элементами одного и того же акта, но и между нѣсколькими актами, особенно тѣми, которые можно назвать дополнительными или соотносительными другъ къ другу.

Вообще, если изъ двухъ актовъ одинъ формулируетъ реальную или мыслимую часть другого въ болѣе развитомъ ея видѣ, послѣдній называется дополнительнымъ актомъ²⁾.

Положимъ, что актъ А состоитъ изъ частей $a_1, b_1, c_1, d_1, \dots k_1, \dots n_1$ и что, слѣдовательно, $A = a_1 + b_1 + c_1 + d_1 + \dots k_1 + \dots n_1$. Если часть k_1 развилась въ особый актъ К, то послѣдній и оказывается дополнительнымъ къ А актомъ. Впрочемъ, смотря по тому, какая именно часть А выражена

¹⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 130.

²⁾ Слѣдуетъ отличать дополненный актъ отъ дополнительнаго: нижегородская отступная-посильная 7048 года была писана безъ доклада; но вслѣдъ затѣмъ была составлена новая отступная-посильная съ докладомъ; см. Дѣйствія Нижегородской губ. учен. арх. ком., т. XIV, отд. 3, с. 14 (грамоты Коллегіи Экономіи по Нижнему Новгороду № 9). Сборникъ актовъ Лихачева, с. 221.

въ К, послѣдній получаетъ болѣе или менѣе значительный смыслъ. Ясно, что въ качествѣ дополнительнаго акта К не можетъ замѣнить главный актъ—А: вѣдь К не можетъ быть главною частью А, ибо въ такомъ случаѣ выдѣленіе К изъ А равносильно было бы уничтоженію А, что не соответствуетъ условіямъ задачи; слѣдовательно, К должно быть такою частью А, которая имѣетъ болѣе или менѣе второстепенное значеніе, что соответственно отражается и на К. Второстепенное значеніе К выясняется въ отношеніи его къ К: если составныя части А суть клаузулы, и, слѣдовательно, К имѣетъ клаузуальный характеръ, то К получаетъ разный смыслъ въ зависимости отъ того, а) представляетъ ли К раскрытіе того реального содержанія, которое примышляется въ К; в) содержитъ ли К самую клаузулу К въ болѣе развитой ея формѣ, удостовѣряемой имъ.

Въ случаѣ (а) К, въ сущности, имѣетъ скорѣе характеръ прилагаемаго къ А документа, разъясняющаго реальное содержаніе его клаузулы К. Въ рядныхъ, устанавливающихъ условія о приданомъ, напри- мѣръ, перечисленіе его перѣдко выдѣляется въ особый документъ, гдѣ подробно описывается имущество невѣсты. Такую роспись къ рядной едва-ли можно признать, однако, особымъ актомъ: она состоитъ изъ простого перечня различныхъ частей имущества, которыя выдаются за невѣстой; документъ подобнаго рода не получаетъ, однако, вида формальнаго акта, который самъ по себѣ удостовѣрялъ-бы совершеніе какой-либо сдѣлки. Аналогичныя росписи къ раздѣльнымъ, къ духовнымъ и т. п. также извѣстны: къ духовной гостя Г. Оетіева приложено даже нѣсколько такихъ росписей¹⁾.

Въ случаѣ (в) К получаетъ значеніе такого именнаго акта:

¹⁾ Роспись къ рядной—А. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, VII, с. 226; роспись къ раздѣльной—А. Ю. Б. III, № 328, III; къ духовной Г. Оетіева присоединено нѣсколько росписей; см. Отеч. Зап. 1829 г., №№ 106, 107. Позднѣйшую роспись къ рядной названную „рѣстромъ вѣновнымъ“ (соединеніе архаизма съ неологизмомъ) 1774 года см. въ Киевской Старинѣ 1903 г., т. LXXXI, сс. 159—163.

клаузула к выражается въ немъ въ ея юридическомъ значеніи и, обыкновенно, въ болѣе развитомъ, чѣмъ въ А видѣ; документъ надлежащимъ образомъ удостовѣренъ, и т. п. Къ своей духовной, писанной около 1486 года, князь Михаилъ Андреевичъ Верейскій присоединилъ восемь дополнительныхъ актовъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ; каждый изъ нихъ излагаетъ или развиваетъ въ самостоятельной формѣ одну изъ клаузулъ основного акта и содержитъ распоряженія относительно особой части его имущества; въ основномъ актѣ, напримѣръ, князь Михаилъ Андреевичъ приказываетъ „долгъ свой заплатить и все розправити по своему животѣ“ великому князю Ивану Васильевичу, присовокупляя: „а гдѣ ми что долгу дати, ино тому списокъ за моею печатью и за подписью дьяка моего“; а въ дополнительномъ актѣ, который самъ себя называетъ „приписнымъ спискомъ“, онъ подробно излагаетъ свои распоряженія касательно уплаты его долговъ и невзиманія „его денегъ въ его селехъ въ ростѣхъ и въ пашинѣ и на комъ ни буди“, удостовѣряя „сесь списокъ“ приложеніемъ своей печати и подписью его духовника Ивана „печатника“ ¹⁾. Въ порядныхъ, напримѣръ, часто встрѣчается условіе о подмогѣ; такое условіе, правда, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, составляло содержаніе отдѣльнаго акта, именуемаго подможною записью ²⁾. Въ „сдаточныхъ“ на помѣстья вдова, сдававшая свой прожиточный участокъ лицу, которое отбывало съ него государеву службу, обыкновенно выговаривала себѣ право получать отъ него прокормленіе и т. п.; такая клаузула развивалась иногда въ самостоятельный актъ. Данныя, купчія и т. п. обыкновенно содержали клаузулу о родовомъ выкупѣ („а роду нашему не выкупити“ и т. п.), а также клаузулу объ „очисткѣ“ земли отъ притязаній на нее стороннихъ лицъ; встрѣчаются, однако, и особыя „отписи“ объ отказѣ родственниковъ отъ права выкупа отчуждаемаго имущества и еще чаще „очищальныя записи“

¹⁾ С. Г. Г. и Д., ч. I, №№ 121 и 122.

²⁾ Акты Дьяконова, в. I, № 3.

и т. п. ¹⁾. На оборотѣ купчей на село Курьяново Волоцкого уѣзда, проданное Дмитріемъ Оладинымъ князю Ивану Хованскому, 1546 года, продавецъ пишетъ: „по сей купчей грамотѣ (заклютавшей и клаузулу объ очищеніи земли) я Дмитрій свою вотчину и село Курьяново продать и записать въ очищеніѣ далъ...“ Впрочемъ, бывали случаи, когда въ основномъ актѣ одна изъ такихъ клаузулъ отсутствовала и получала выраженіе въ особомъ актѣ. Таковы, напримѣръ, приписанная къ двинской данной чернеца Алексѣя Николаевскому Чухченемскому монастырю на земли на Маломъ островѣ отступная его родственниковъ Игнатія Ларіонова и другихъ лицъ тому же монастырю на его вотчину на Нарѣ и въ другихъ мѣстахъ, XV вѣка; предъявленная Иваномъ Шереметевымъ вмѣстѣ съ заемной-закладной князя Андрея Поздроватаго „очищальная записъ“ 1544 (7052) г., въ которой онъ писалъ: „а явитца на ту отчину мою кабала или иная которая крѣпость ни буди, и мнѣ, князю Овдрѣю, та вотчина очищати, а Ивана убытка не привести“ и т. п. ²⁾.

Такая синтетическая связь еще болѣе замѣтна въ предѣлахъ группы актовъ, облекающихъ какое-либо юридическое цѣлое въ письменную форму, причемъ каждый изъ нихъ соотвѣтствующимъ образомъ отражаетъ въ себѣ одну изъ его частей: акты подобнаго рода можно назвать соотносительными. Соотносительныя акты писались, напримѣръ, по поводу вклада въ монастырь: вкладчикъ выдавалъ монастырю

¹⁾ Матеріалы историч. и юридич. района бывшаго приказа Казанскаго дворца, в. VI, сс. 110, 120—121. Данную съ отказомъ отъ права выкупа — см., напримѣръ, въ „Сотникахъ“ С. Шумакова, в. I, сс. 224—225; купчую съ клаузулой о родовомъ выкупѣ, которая формулировалась иногда съ ограниченіями — см. въ А. Ю. № 86; „Обзоръ грам. Коллегіи Экон.“ С. Шумакова, в. IV, № 870 и др. Отпись объ отказѣ отъ права выкупа — см. въ С. Г. Г. и Д., ч. I, № 173 и др. Клаузулу объ очищеніи земли — см. въ А. Ю. №№ 79, 82 и др. Очищальную записъ 1538 года — см. въ Сборн. грам. Коллегіи Экон., т. I, № 81. С. Шумаковъ указываетъ на сѣверѣ на „закладныя и доимочныя памяти къ нимъ“, а также на „мѣстовныя записи съ разными добавочнымъ къ нимъ другимъ записями“; см. С. Шумаковъ, Обзоръ, в. IV, с. 36.

²⁾ А. Ю. № 82. Сборн. грам. Коллегіи Экон., т. I, № 24. А. Ю. Б., т. I, № 52. ст. 201—203.

вкладную на пожертвованное имъ имѣніе. а монастырь, по крайней мѣрѣ во многихъ извѣстныхъ намъ случаяхъ, въ особой „памяти“ или записи (?) свидѣтельствовалъ о полученіи имъ вклада. Въ „вкладной“ Микулы Кистенева Троице-Сергіеву монастырю 1616 года, напимѣрь, мы читаемъ: „и Троецкимъ властемъ пожаловати на тотъ мой дворъ прислати изъ монастыря мнѣ монастырская казенная вкладная“. Такія вкладныя, выданныя монастыремъ вкладчику, дѣйствительно, сохранились, напимѣрь, важская вкладная, выданная игуменомъ Богословскаго монастыря съ братьею вкладчику Ивану Пышкѣ за его владѣ, съ указаніемъ тѣхъ условій, на которыхъ онъ можетъ быть принять въ монастырь, и т. п. ¹⁾. При заключеніи брака обыкновенно писали два акта—рядную и сговорную: рядная содержала договоръ о приданомъ, сговорная опредѣляла, главнымъ образомъ, срокъ свадьбы ²⁾. При порядѣ въ крестьянство на какой-либо „жеребей“ землевладѣлецъ выдавалъ, правда, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, крестьянину „запись, что ево не изгонити и никакова насилства надъ нимъ не учинить“, соотносительнымъ актомъ которой являлась, конечно, порядная, выдаваемая крестьяниномъ помѣщику ³⁾. При переоброцкѣ земли, впрочемъ, осложненной нѣкоторыми новыми условіями, также составлялись „обмѣнныя письма“, составленные отъ лица каждой изъ сторонъ и излагавшія взаимныя ихъ права и обязанности: такими „письмами“ или „договорными крѣпостями“ обмѣнялись, напимѣрь, архіепископъ Устюжскій Александръ и гость Василій Грудцынъ на деревни Сигово, Кишкоѣдово и Ирхино, въ 1692 году ⁴⁾.

¹⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экон., т. I, № 463. Р. И. Б., т. XIV, ст. 323—324, 964—965. Ср. вышеприведенную память Клоповскаго монастыря, с. 25. Важскіе столбцы, въ Рукописномъ Отдѣленіи Россійской Академіи Наукъ; здѣсь хранится нѣсколько такихъ вкладныхъ [Ср. В. Верюжскій, Афанасій, архіеп. Холмогорскій, Спб. 1908, с. 259—260, пр. 6].

²⁾ Г. Котляровъ, Рядныя-сговорныя записи XVI—XVII в.в., въ Историч. Обзор., т. XXI, с.с. 182—223.

³⁾ Акты Дьяконова, в. I, № 40.

⁴⁾ Р. И. Б., т. XIV, ст. 1038—1043.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ исполненіе юридической сдѣлки или ея юридическія послѣдствія порождали составленіе актовъ, которые можно также причислить къ соотносительнымъ. Въ 1598 году, напимѣрь, Авдѣй Шешенинъ выдалъ Николаевскому Корельскому монастырю данную отписъ, по духовной Семена Колобынина, на половину его пожни въ Заозерьѣ. Въ случаѣ просрочки заемныхъ-закладныхъ писались иногда особыя поступныя на заложенное имущество. Въ одномъ изъ извѣстныхъ случаевъ такой актъ писанъ на оборотѣ просроченной закладной Никиты Некрасова Морсею Копанову, 1612 года, причемъ, вѣроятно, въ виду того, что должникъ поступаетъ въ пользу кредитора своей землей „въ дернь“, самъ актъ называетъ себя „подеренкомъ“. Приведемъ его текстъ: „Се язъ Никита Стафеевъ сынъ Некрасовъ не могль есми на срокъ 35 рублей денегъ поднати и язъ Никита по сей закладной то свое владѣніе, вотчину свою на Шетовѣ горѣ, въ Медвѣдѣвской деревни въ трети два жеребья, и подернилъ за тѣми жъ денгами Мосею Копанову сыну. А подернилъ ту свою землю въ дернь безъ выкупа и безъ пятки; да и дѣла мнѣ Никиты пѣтъ до той до своей земли и до всѣхъ угодей и до двора и до подворной земли. А на то послушн: Тимошей Кириловъ сынъ Павлова да Иванъ Григорьевъ Дубининъ, оба съ Пукшенги. А подеренокъ писалъ Николской діачекъ Пуушенскіе волости Ивашецъ Дементіевъ лѣта 7121 году декабрю въ 30 день“ ¹⁾.

Наконецъ, синтезъ актовъ можно иллюстрировать еще процессомъ ихъ сліянія: въ одномъ и томъ же актѣ, напимѣрь, данной или купчей, въ сущности, соединялись элементы данной и отводной или купчей и отводной. Въ одной данной Матвѣя Иванова, писанной по приказу отца своего и „въ брата мѣсто“ на отцовскую вотчину, послѣ описанія ея мѣстоположенія на Вагинѣ островѣ да на островѣ на рѣкѣ

¹⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 363. Р. И. Б., т. XIV, ст. 219—222. Терминъ „подеренокъ“, какъ видно изъ контекста нѣкоторыхъ купчихъ, употреблялся и для обозначенія „пополюшка“; см. Р. И. Б., т. XIV, ст. 53. Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 84.

Большой Двиѣ, мы читаемъ: „А сяданная грамота и отводная на ту нашу вотчину...“ Гораздо чаще такая связь обнаруживается между купчими и отводными: въ повгородской купчей Кипріяна Павлова на вотчину Павла Григорьева, на Ижмѣ, XV вѣка, мы, напримѣръ, читаемъ: „...А на то послухи: Василей Григорьевичъ, Тимоѣей Яковличъ, Иванъ Васильевичъ. А на отводѣ земли былъ: Василій Филимоновичъ, да Иванъ Ѳедоровичъ да Степанъ Омосовичъ...“. Наличие разныхъ свидѣтелей, присутствовавшихъ при совершеніи сдѣлки купли-продажи и отвода, ясно показываетъ, что онѣ различались другъ отъ друга; но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ вышеприведеннаго примѣра, подкрѣпляемаго многими другими, видно, что описаніе договора и описаніе отвода соединялось въ одной и той же грамотѣ. Такое сочетаніе, надо думать, оказывало вліяніе и на формуляръ купчихъ, представлявшихъ изъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ и отводныя „пату землю“: извѣстны, напримѣръ, купчія, въ которыхъ указываются лишь послухи сдѣлки, а не послухи отвода, причемъ отводчикъ земли („а землю завелъ“, т. е. самъ продавецъ) иногда упоминается, а иногда не значится; и наоборотъ, встрѣчаются купчія, въ которыхъ нѣтъ именъ послуховъ, бывшихъ при заключеніи сдѣлки, и приведены имена послуховъ при отводѣ; такіе пробѣлы, можетъ быть объясняются тѣмъ, что, въ случаяхъ подобнаго рода, послухи сдѣлки и послухи отвода были одни и тѣ же и что имена ихъ соотвѣтственно подразумѣвались¹⁾.

Въ связи съ вышеуказанными принципами и методами синтеза частныхъ актовъ нельзя не указать еще на слѣдующій: подобно всякому другому проявленію социальной жизни, частный актъ вообще является продуктомъ данной культуры и, значить, получаетъ въ своихъ элементахъ или въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ актамъ болѣе или менѣе выдержанное единство въ зависимости отъ большей или меньшей цѣльности той культуры, которая обусловила его строеніе и

¹⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 128. А. Ю. № 71, X и XX. Ср. В. Ельшиновичъ, *Op. cit.*, *ibid.*, сс. 228—230.

развитіе. Съ такой точки зрѣнія наши древнѣйшіе частные акты отражаютъ на себѣ, напримѣръ, разнообразіе тѣхъ культурныхъ областей, къ которымъ они принадлежали, и постепенно отливаются въ единообразныя условныя формы, по мѣрѣ политическаго объединенія отдѣльныхъ культурныхъ центровъ подъ политическимъ главенствомъ Московскихъ государей. До возвышенія Москвы можно различить, напримѣръ, особые типы актовъ новгородскихъ, традиціонныя черты которыхъ отражаются въ поморскихъ, а также московскихъ и т. п. По водвореніи Московскаго самодержавія мѣстныя особенности все болѣе подчиняются общимъ нормамъ, и московскіе типы получаютъ преобладаніе надъ остальными. Въ частности, такой процессъ легко замѣтить, напримѣръ, относительно служилыхъ кабалъ: древнѣйшія изъ извѣстныхъ намъ служилыхъ кабалъ—рязанскія отличаются нѣкоторыми чертами отъ позднѣйшихъ московскихъ, напримѣръ, клаузулами, родственными съ тѣми, какія встрѣчаются въ заемныхъ (см. выше); но рязанскій типъ вслѣдъ затѣмъ вытѣсняется московскимъ. Между служилыми кабалами Новгородско-Псковской области нельзя не замѣтить нѣкотораго сходства. Въ отличіе отъ „московскаго“ типа, напримѣръ, основной ихъ текстъ состоитъ обыкновенно только изъ двухъ клаузулъ: вторая и третья клаузулы сливаются здѣсь воедино, благодаря чему и смыслъ ихъ нѣсколько измѣняется. Тѣмъ не менѣе между обѣими группами нѣтъ полного сходства: въ новгородскихъ актахъ выраженіе „за ростъ“ часто встрѣчается, въ псковскихъ—оно, кажется, вытѣсняется другимъ, а именно: „за деньги“; такое предположеніе подтверждается еще тѣмъ, что псковскія формы (а именно тѣ, въ которыхъ имѣются пояснительныя указанія на „истину и ростъ“) соотвѣтствуютъ формамъ съ выраженіемъ „за деньги“. Московскія формы служилыхъ кабалъ постепенно проникаютъ, однако, и въ Новгородско-Псковскую область: при просмотрѣ служилыхъ кабалъ XVII вѣка легко убѣдиться, что форма М₂ пользовалась значительнымъ распространеніемъ: она встрѣчается и въ новгородскихъ кабалныхъ книгахъ

1597—1600 г.г. и 1646—1650 г.г. и, нѣсколько позднѣе, въ псковскихъ книгахъ; въ книгѣ 7127 года въ которой, мнѣ не попадалось служилыхъ кабалъ формы М₁, можно, напримѣръ, указать цѣлый рядъ актовъ, или подходящихъ къ формѣ М₂, или близкихъ къ ней по формулировкѣ третьей клаузулы; такая же форма часто встрѣчается въ псковскихъ книгахъ 7134—7136 г.г. и другихъ годовъ, въ томъ числѣ и въ нѣсколько позднѣйшихъ, напримѣръ, 7151—7152 г.г.; судя по отдѣльнымъ экземплярамъ, можно указать сходныя формы и среди служилыхъ кабалъ: московскихъ, коломенскихъ, костромскихъ, ярославскихъ, кашинскихъ, хлыновскихъ, каширскихъ, тульскихъ, бѣльскихъ, зарайскихъ, арзамасскихъ и астраханскихъ. Наконецъ, со времени введенія Московскимъ правительствомъ въ 1680 году общеобязательнаго формуляра для писанія служилыхъ кабалъ онѣ пишутся большею частью по одному и тому же образцу. Въ самомъ дѣлѣ, можно указать, напримѣръ, на служилыя кабалы, писанныя по такой формѣ и на Ивановской площади въ Москвѣ и въ замосковныхъ городахъ: Переяславлѣ Залѣскомъ, Суздаль, Угличѣ, Кашинѣ, Галичѣ, Костромѣ и Луцѣ;

въ многихъ южныхъ, преимущественно украинскихъ городахъ: Тулѣ, Каширѣ, Алексинѣ, Бѣлевѣ, Болховѣ, Перемышлѣ, Козельскѣ и Землянскѣ; и въ рязанскихъ и низовыхъ городахъ: Переяславлѣ Рязанскомъ и Зарайскѣ, а также въ Нижнемъ Новгородѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ легко замѣтить, что подьячіе одного и того же поселенія въ теченіе разсматриваемаго времени почти не уклонялись отъ формы, изложенной въ указѣ 1680 года. Можно привести, напримѣръ, цѣлый рядъ служилыхъ кабалъ, писанныхъ разными подьячими Ивановской площади въ 1680—1685, 1687, 1690—1694 и 1698 г.г. и не обнаруживающихъ существенныхъ уклоненій отъ официальнаго образца; то же единообразіе и въ служилыхъ кабалахъ, писанныхъ, напримѣръ, въ Кашинѣ въ 1682 и 1689 г.г., въ Суздаль въ 1687 и 1693 г.г., въ Болховѣ въ 1684 и 1688 г.г. и въ Бѣлевѣ въ 1689 и 1697 г.г. Подьячіе нижегородской площади:

„Оедька“ Андреевъ, „Родька“ Гавриловъ, Николай Колмаковъ, „Ивашко“ Кроминъ и „Андрюшка“ Павловъ въ 1686—1687 г.г., видимо, придерживались одного и того же образца. Такимъ образомъ, по мѣрѣ политическаго объединенія Московскаго государства водворяется и большее единообразіе въ формѣ служилыхъ кабалъ, свидѣтельствующее о господствѣ позднѣйшаго московскаго типа надъ всѣми остальными ¹⁾).

Аналогичная зависимость типа частнаго акта, въ его цѣлостности, отъ данной культуры обнаруживается и при изученіи двухъ видовъ крестьянскихъ договоровъ съ землевладѣльцами—порядныхъ и ссудныхъ: въ то время, какъ порядныя продолжаютъ господствовать въ Новгородско-Псковской и Поморской области, онѣ уже уступили мѣсто въ Замосковныхъ городахъ ссуднымъ. Впрочемъ, являясь продуктами культуры, данные типы актовъ могли зависѣть не только отъ мѣстныхъ, но и отъ временныхъ ея образований, что видно, напримѣръ, кромѣ вышеприведенныхъ примѣровъ, изъ сопоставленія древнѣйшихъ новгородскихъ или московскихъ купчихъ съ позднѣйшими и т. п. ²⁾).

¹⁾ А. Лаппо-Данилевскій, *Op. cit.*, отд. отт., сс. 12—13, 16, 45—46.

²⁾ А. Ю. №№ 71, 75, 82, 85, 91 и др. А. Ю. Б., т. II, № 147.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Краткій очеркъ русской дипломатики частных актовъ, изложенный выше, намѣчаетъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ ея содержаніе и объемъ: можно было бы, на примѣръ, войти въ гораздо болѣе подробное разсмотрѣніе составныхъ частей частнаго акта и тѣхъ измѣненій, какимъ онѣ подвергались по мѣрѣ его развитія; остановиться на подробномъ анализѣ формуляровъ важнѣйшихъ разновидностей частных актовъ и прослѣдить вліяніе, оказанное на нихъ законодательными мѣрами; выяснить въ всестороннемъ синтезѣ связь, въ какой они находились съ бытомъ и правомъ даннаго времени, а также ихъ эволюцію и т. п. Впрочемъ, сдѣланныхъ выше наблюденій и выводовъ, быть можетъ, достаточно для того, чтобы въ заключеніе высказать нѣсколько замѣчаній касательно общаго значенія русскихъ частных актовъ для пониманія нашей исторической дѣйствительности.

Въ виду слабости государственной власти частные акты въ древности являлись въ значительной мѣрѣ продуктами народнаго творчества: отражая въ себѣ потребности и интересы обыденной жизни общества, они возникали изъ ея нѣдръ; государственная власть, постепенно получавшая самодержавный характеръ, все-же оставалась на ея поверхности, была не въ силахъ проникнуть въ ея глубь и подчинить себѣ ея теченіе; она мало заботилась даже о выработкѣ формуляровъ частных актовъ; въ теченіе Московскаго періода нашей исторіи, на примѣръ, правительство установило чуть-ли не одинъ только официальный формуляръ служилыхъ кабалъ, да и то лишь

позднѣйшимъ указомъ 1680 года; остальные оставались почти нерегулированными даже въ послѣдующемъ періодѣ: они складывались скорѣе на почвѣ обычнаго народнаго права, хотя, разумѣется, должны были сообразоваться съ текущимъ законодательствомъ.

По своему назначенію и происхожденію тѣсно связанные съ народною жизнью частные акты содержатъ много цѣнныхъ свѣдѣній о народной жизни: матеріальной и даже духовной.

Старинные наши частные акты имѣютъ большое значеніе для исторіи хозяйственнаго быта. Духовныя князей и частныхъ лицъ содержатъ, на примѣръ, подробныя свѣдѣнія о движимомъ и недвижимомъ имуществѣ завѣщателей, о тѣхъ имущественныхъ отношеніяхъ, какія существовали между ними и другими членами семьи, а также зависимыми отъ нихъ „людьми“ и сторонними лицами, объ устройствѣ ихъ хозяйства и т. п. Таковы, на примѣръ, духовныя великаго князя Ивана Калиты 1328 года, Александра Белеутова 1472 года и др. ¹⁾ Вкладныя и данныя, купчія и заемныя-закладныя и т. п. даютъ наглядное понятіе объ обращеніи поземельной собственности, о концентраціи ея въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ и т. п. Сборники Троице-Сергіева и Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, акты Шереметевыхъ и Дехтеревыхъ, а также многихъ другихъ лицъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о такихъ операціяхъ. Полныя и служилыя кабалы, жилыя, порядныя и ссудныя даютъ понятіе о развитіи крѣпостнаго права, на почвѣ котораго стало складываться капиталистическое производство. Въ старинныхъ записныхъ книгахъ сохранилось много актовъ подобнаго рода: одинъ изъ Новгородскихъ земле-владѣльцевъ—Воинъ Аѳанасьевичъ Новокщеновъ, на примѣръ, предъявилъ дьяку Д. Алябьеву 15 полныхъ и докладныхъ, а также 12 служилыхъ кабалъ XV-XVI вв., по которымъ можно судить о его рабовладѣльческомъ хозяйствѣ и т. п. ²⁾ Въ свою очередь складныя и позднѣйшіе договоры объ образо-

¹⁾ С. Г. Г. и Д., ч. I, № 21. А. Ю. № 410 и др.

²⁾ Р. И. Б., т. XVII, сс. 125, 181—184, 183.

ваніи компаній указываютъ на ростъ промышленнаго капитала, напимѣръ, складная записъ Максима Боковикова и Сергѣя Губина на торговлю въ Сибирскихъ городахъ 1700 года, договоръ Апраксина, Толстого и Шафирова объ образованіи ими компаніи и т. п. ¹⁾ Менѣе значительными, конечно, оказываются тѣ же старинные наши частные акты для исторіи духовнаго быта. Въ духовныхъ, напимѣръ, имѣются распоряженія касательно образовъ и книгъ завѣщателя, которые иногда тутъ же перечисляются; таковы, напимѣръ, духовная Мясоѣда Вислаго 1568—1570 гг., духовная Ѳедосьи Ивановны Воложской 1652 (7160) г. и др. ²⁾ Свѣдѣнія о грамотности попадаются иногда и въ другихъ актахъ: въ одной данной Чудову монастырю братьевъ Саввы, Ѳедора и Ивана Семеновичей Мухановыхъ мы читаемъ: „А у себѣ данные моей Савиновой Тороповой и моей братии Ѳедоровой и Ивановой рукъ нѣту, потому что язь Торопъ грамотѣ учился да не доучился и писати не умѣю, а братья моя Ѳедоръ и Иванъ оба грамотѣ не умѣютъ же; а впередъ, будетъ братья моя грамотѣ и писати научатся, и имъ руки свои къ сей данной приложить и въ мое въ Савиново въ Торопово мѣсто“ ³⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ частные акты вскрываютъ намъ и болѣе глубокія нравственныя переживанія русскаго человѣка: въ одной изъ дополнительныхъ духовныхъ князя Михаила Андреевича Верейскаго, писанной около 1486 года, мы читаемъ: „А что мои люди, кого буду чѣмъ пожаловалъ, жалованьемъ и деревнями,—и государь бы мой князь великій после живота моего жалованья не порушилъ, чтобъ мои люди после моего живота не заплакали“ ⁴⁾. Можно указать и на такіе частные акты, которые, подобно, напимѣръ, казенной вкладной (см. выше) Тихвинской обители вкладчику Ивану Ѳеоктистову,

¹⁾ Н. Сидоровъ, *Ор. cit.*, въ *Историч. Обзорѣнн*, т. XXI, сс. 259—261. А. Липто-Данилевскій, *Русскія промышленныя и торговыя компаніи въ первой половинѣ XVIII стол.*, Спб. 1899. сс. 27, 29, 34—35 и др.

²⁾ А. Ю. № 421.

³⁾ А. Ю. Б., т. I, № 63, XIX.

⁴⁾ С. Р. Г. и Д., ч. I, № 122, 1.

давшему ей вкладомъ три короба стеколъ въ 1679 году, явно претендуютъ на достоинства тогдашняго литературнаго стиля.

„При даваніи же томъ своемъ усердномъ, благоговѣйшій той мужъ Іоанъ, усердаѣйшу вѣру къ Богу и къ добродѣтелямъ желаніе неуклонное простираючи, просилъ тоя святыхъ обители настоятеля и братіи, да соблаговолятъ ему подѣ пастырствомъ своимъ въ той святой богоспасаемой оградѣ, егда время его призоветъ и святость ихъ благоволятъ, жити: и да будетъ ему нетокмо тѣлесное, но и душевное благодѣтельное спасительное пристанище отъ волнъ многмятежныхъ міра сего святая та обитель; и аще усмотрятъ благоразсудѣ въ немъ удостоющее его смиренномудрое послушаніе, съ терпѣніемъ, и беззлобивую кротость и прочая яже монахомъ приличествующая, да облекутъ его во святыи ангелскій чинъ монашескаго образа, или да пребываетъ яко смотрѣливымъ своимъ разсужденіемъ они богодохновенніи повелѣять отцы во всякомъ послушаніи и служеніи монастырскомъ, съ терпѣніемъ, безлѣностно и безронтивно, питаютъ тѣло свое крупницы избывающими отъ святыхъ ихъ трапезы, гдѣ ихъ преподобное разсужденіе повелитъ. Разрѣшшей же ся отъ тѣлесе душѣ его, да сотворятъ память яко волитъ святость ихъ и да впишется имя его въ литію и въ синодидъ въ той святой обители, во еже бы святыми церковными молитвами и поминаніи умилоствляющи Бога о душахъ отшедшихъ, душѣ его отъ узъ незрѣнія лица Божія чрезъ грѣхи сплетенныхъ ослабу приобрѣсти, тѣло же его да предасться сроднѣй земли при святѣй церкви въ той же святѣй обители, да и отъ сихъ нѣкую приметь утѣху душа, якоже держитъ святая церковь. И къ сему его усердному и богоугодному со смиреніемъ прошенію, духовный настоятель святыхъ сего обители преподобный отецъ священноархимандритъ Варсонофей съ братьею пеинако быти судиша, яко и самъ Спаситель рода человѣча Господь Іисусъ Христосъ Богъ нашъ, глаголая „грядущаго ко мнѣ не иждену вонъ“, сего благоговѣйна

мужа Іоана даєніє пріяти и по предваршимъ его прошепіямъ въ животѣ къ душеполезнымъ подвигомъ управлять, а по смерти душу его во святѣй сей обители поминати; живу жъ ему сущу, егда волишь во святой той обители во всякомъ послушаніи и благопокореніи терпѣливо и въ службахъ монастырскихъ люботрудно безъ прекословія ко всѣмъ жителствовати, благоволиша“ ¹⁾).

Въ частныхъ актахъ встрѣчаются иногда весьма характерныя данныя, касающіяся соціальныхъ отношеній. Въ свою духовную 1627 г. Паптелеймонъ Соловцовъ, пожертвовавшій много вкладовъ въ Нижегородскія церкви и монастыри, счелъ нужнымъ внести слѣдующія строки:

„также и сиротъ моихъ, которые мнѣ служили, мужей ихъ и женъ и вдовъ и дѣтей, чѣмъ будетъ оскорбилъ во своей кручинѣ, боемъ, по винѣ и не по винѣ, и къ женамъ ихъ и ко вдовамъ насилствомъ, дѣвственнымъ растленіемъ, а иныхъ есми грѣхомъ своимъ и смерти предаль, согрѣшилъ во всемъ и передъ ними виновать: простите меня грѣшного и благословите и разрѣшите мою грѣшную душу въ семь вѣцѣ и въ будущемъ, а васъ, государей моихъ, во всемъ Богъ проститъ и благословитъ въ семь вѣцѣ и въ будущемъ; также крестьянъ моихъ и крестьянокъ, чѣмъ кого оскорбилъ въ своей кручинѣ, лаею и ударомъ и продажею, по винѣ и не по винѣ, во всемъ передъ ними виновать: простите меня и благословите и разрѣшите мою грѣшную душу въ семь вѣцѣ и въ будущемъ, а васъ, государей моихъ, во всемъ Богъ проститъ и благословитъ въ семь вѣцѣ и въ будущемъ“ ²⁾).

Въ данной посадника Новгородскаго Василя Степановича въ домъ святаго Іоанна Богослова XV вѣка имѣется слѣдующая клаузула:

¹⁾ А. Ю. № 130, с. 154—155.

²⁾ А. Ю. Б., т. I, ст. 558.

„Да еще есми придалъ островъ Онтропьевъ весь, что есми у Обакума купилъ; а то церквѣ святому Іоанну Богослову во обитель общежительство игумену, кто ни будетъ у святаго Іоанна Богослова и вѣки. А игумень, кто ни будетъ у святаго Іоанна Богослова, держати ему общее житіе; а чернцовъ игумену держати, какъ его сила иметь; а чернцовъ игумену держати въ монастырѣ, кто игумену любъ; а игумену и чернцемъ, живущи въ монастырѣ святаго Іоанна Богослова, собинъ имъ не держати; а пойдетъ игумень процъ изъ монастыря, ино ему дати уцетъ чернцамъ“ ¹⁾.

Вообще, находясь въ ближайшемъ соприкосновеніи съ жизнью, частные акты заключаютъ въ себѣ иногда любопытныя бытовыя подробности. Въ записи объ образованіи одной артели для сбора таможенныхъ и проѣзжихъ пошлинъ въ Арзамасѣ и двухъ уѣздныхъ селахъ, 1654 года, мы читаемъ:

„А буде какія стороннія и тутошнія Арзамасцы и уѣздныя люди всякихъ чиновъ люди учнутъ платить государевы пошлины или намъ въ почестъ ударить челомъ какимъ таваромъ нибудъ, и одному тѣмъ изъ насъ трехъ таварыщевъ не покарыстоватца, опятай артели украдомъ тихонка не свозить, и сторонними людьми не посылать; а которыя Арзамасцы и Арзамаского уѣзду всякія стороннія тарговыя люди съ своихъ таваровъ учнутъ платить государеву пошлину, и таму нашему таварыщу имать таможенну пошлину въ правду, другу не дружить, а недругу не мститъ и въ томъ хитрости никакія не чинить, за щеку и въ мощну артелныхъ денегъ намъ траимъ таварыщамъ: мнѣ Якову, и мнѣ Потѣхѣ, и мнѣ Тамилѣ, и нашимъ пріемнымъ таварыщамъ Акинѣю, да Григорью, да Филиппу не класть, и хитрости въ денежномъ сборѣ никакія не учинить“ ²⁾).

¹⁾ А. Ю. № 110, VI.

²⁾ А. Ю. Б., т. I, ст. 689.

Въ договорной памяти въ трапезники Николаевской церкви Кодлаской волости Василя Болтинскихъ 1696 года въ числѣ его обязанностей, между прочимъ, значится и слѣдующая:

„да мнѣ же трапезнику по всякой годъ трапеза мить по дважды, ко Христову Рождеству да на святую Пасху“ и т. п.¹⁾

Помимо быта, изъ частныхъ актовъ мы, разумѣется, черпаемъ свѣдѣнія о правѣ и прежде всего о томъ, что сами стороны при заключеніи сдѣлки считали важнымъ и занесли въ соотвѣтствующій актъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ частные акты даютъ нѣкоторое понятіе о системѣ и эволюціи права.

а) Въ сущности, частные акты уже предполагаютъ нѣкую систему сравнительно точныхъ понятій. Вообще, частное право возникаетъ подъ вліяніемъ потребностей гражданского оборота, который каждымъ членомъ общежитія чувствуются острѣе и чаще тѣхъ, какія связаны съ его политической жизнью. Частныя права возникаютъ, главнымъ образомъ, на почвѣ имущественныхъ отношеній, и каждый членъ общежитія имѣетъ болѣе или менѣе близкое, лично его интересующее касательство къ нимъ. Правда, при установленіи имущественныхъ правъ въ древности вообще и у насъ въ частности исходили скорѣе изъ периферіи такихъ отношеній, чѣмъ изъ ихъ центра: они возникали въ виду огражденія имущественныхъ интересовъ данныхъ лицъ въ буквальномъ смыслѣ (закуп при захватномъ землепользованіи, межи, изгороди—жерди и т. п.) или въ переносномъ смыслѣ (путемъ предупрежденія правонарушенія въ видѣ неустойки, посредствомъ судебной защиты и т. п.) и въ гораздо меньшей степени опредѣлялись въ качествѣ извѣстныхъ юридическихъ сдѣлокъ и т. п.; тѣмъ не менѣе и въ нашемъ старинномъ бытѣ, по крайней мѣрѣ, въ болѣе или менѣе нормальномъ его состояніи, интересъ къ такимъ отношеніямъ острѣе и чаще чувствовался, чѣмъ, положимъ, обязанность уплатить какой-либо государственный налогъ или отбывать какую-либо государственную повинность,

¹⁾ Р. Н. Б., т. XII, ст. 1329.

чѣмъ сношеніе съ земскою или съѣзжей пзбой и т. п. Благодаря такимъ условіямъ частно-правовыя понятія становятся сравнительно болѣе точными и тоньше отдѣляютъ правовую мысль, чѣмъ публичныя, что и предполагаетъ уже наличность нѣкоторой ихъ системы, хотя бы она и не была опознаваема въ полной мѣрѣ.

Различіе между полнымъ и неполнымъ правомъ собственности, напримѣръ, отражалось въ существованіи двухъ различныхъ видовъ актовъ: купчихъ и отступныхъ (посильныхъ); способы приобрѣтенія права собственности также удостоверялись различными актами: жалованными вотчинными грамотами, купчими, мѣновными, вкладными, данными и т. п. Въ числѣ договоровъ и обязательствъ различали, напримѣръ, записи о запродажѣ имущества отъ другихъ ихъ разновидностей, заемъ съ уплатой роста отъ займа съ отработкой роста, что соотвѣтственно отражалось въ заемныхъ и служилыхъ кабалахъ, наемъ имущества, укрѣпленный оброчными, кортомными, мытными, празговыми и другими, отъ его „сдачи“ по „сдаточной“ или „сдавчей“, личный наемъ по жилой записи отъ подряда по „подрядной“ и отъ довѣрительнаго порученія, совершаемаго, напримѣръ, по договорной записи между тяглымъ міромъ и „мірскимъ посыльщикомъ“, наслѣдованіе по духовному завѣщанію отъ права на приданое по рядной записи и т. п.

б) Частные акты даютъ понятіе о естественномъ ростѣ правовыхъ понятій, т. е. о непрерывности эволюціи права. Такая *Naturwüchsigkeit* даетъ возможность изучать развитіе частныхъ актовъ въ реальной обстановкѣ гражданского оборота, выяснять условія мѣста и времени, отразившіяся на юридическихъ формахъ, и ихъ взаимозависимость и т. п., а также устанавливать непрерывно слѣдующія другъ за другомъ стадіи развитія такихъ формъ. Весьма поучительно, напримѣръ, наблюдать постепенное превращеніе служилой кабалы изъ обязательства должника служить за ростъ въ самопродажу, а затѣмъ и простую отдачу себя въ рабство, или слѣдить за процессомъ вытѣсненія крестьянской порядной

(арендного контракта) ссудной (долговымъ обязательствомъ) переходящей въ отдачу себя въ крестьянство вѣчно.

с) Частные акты даютъ также понятіе о процессѣ правообразования: роль судей въ нашемъ древнемъ гражданскомъ процессѣ все еще очень мало выяснена; подобно судьямъ въ древнемъ уголовномъ процессѣ, которые являлись скорѣе официальными свидѣтелями судебного поединка или поля, происходившаго между сторонами, они и въ гражданскомъ процессѣ врядъ-ли выступали дѣятельными творцами юридическихъ формъ; помимо судей можно указать и на другіе органы творчества въ области частнаго права: судя по нѣкоторымъ даннымъ, площадные подьячіе, составлявшіе частные акты, принимали нѣкоторое участіе въ выработкѣ ихъ формъ и такимъ образомъ, въ извѣстной степени, творили частное право; не будучи, конечно, равными по своему значенію древне-римскимъ преторамъ или позднѣйшимъ англійскимъ „justice'амъ“, создававшимъ англійское „common law“, площадные подьячіе все-же играли нѣкоторую роль въ процессѣ правообразования, до сихъ поръ почти никѣмъ не отмѣченную, пока не смѣнились въ XVIII в. нотаріусами; наконецъ, сами стороны, надо думать, не оставались пассивными въ такомъ процессѣ: ихъ участіемъ объясняются нѣкоторые изъ клаузулъ разныхъ видовъ актовъ.

Впрочемъ, древне-русскіе частные акты свидѣлствуютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и о недостаточномъ развитіи русскаго правосознанія и его юридическихъ формъ: оно еще не выработало системы частно-правовыхъ понятій, которая способна была бы къ органическому развитію.

а) Въ самомъ дѣлѣ, древне-русскія грамоты, касающіяся гражданскаго права, не всегда можно признать настоящими актами: нѣкоторые изъ нихъ скорѣе запечатлѣваютъ въ памяти совершеніе извѣстной сдѣлки и имена присутствовавшихъ при ней свидѣтелей, чѣмъ утверждаютъ ее въ юридическомъ смыслѣ въ качествѣ актовъ, имѣющихъ, сами по себѣ, доказательную силу на судѣ; слѣдовательно, такіе документы еще не обладаютъ полнотою юридическаго значенія.

б) Нѣкоторые изъ древне-русскихъ частныхъ актовъ составлены еще настолько неясно, что представляютъ большія затрудненія для правильной ихъ интерпретаціи: извѣстная „рядная“ Тѣшаты XIII вѣка вызвала, напримѣръ, самыя разнообразные толкованія, взаимно исключаютъ другъ друга, но до сихъ поръ все-же остается по природѣ укрѣпляемой ею сдѣлки довольно загадочной.

с) Многіе древне-русскіе частные акты далеко не включаютъ всѣхъ условій сдѣлки, что отражается и на ихъ формулахъ: полагаясь на обычное право, дѣйствовавшее въ данной мѣстности и въ данное время, они въ нѣкоторыхъ случаяхъ ограничиваются глухою ссылкой на обычай или даже просто подразумеваютъ его. Въ одной записи помѣщика своему крестьянину, 1647 года, мы читаемъ: „и держати ево мнѣ Ивану во крестьянехъ, какъ протчіе дворяне крестьянъ у себя держатъ“ и т. п.¹⁾

д) При одновременномъ заключеніи нѣсколькихъ сдѣлокъ, болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ между собою, ихъ укрѣпляли иногда однимъ актомъ, въ которомъ онѣ иногда переплетались безъ надлежащаго ихъ разграниченія. Такое совмѣщеніе иногда чрезвычайно затрудняетъ квалификацію самого акта, а, значить, и составленіе его заголовка.

Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что частные акты даютъ иногда весьма наглядное представленіе о той границѣ, которая въ данномъ мѣстѣ и въ данное время проводилась между частнымъ правомъ и публичнымъ правомъ; они показываютъ, что въ древности область частнаго права часто бывала шире послѣдующаго его объема и включала въ себя такія нормы, которыя вслѣдъ затѣмъ перешли въ область публичнаго права. Достаточно припомнить, что крѣпостное право превращало свободныхъ лицъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, въ объектовъ имущественныхъ правъ и дѣлало ихъ предметами сдѣлокъ, укрѣпляемыхъ купчими, закладными и т. п.; или обратить вниманіе на то, что проѣзжія или отпускныя

¹⁾ Акты Дьяконова, в. I. № 40.

на работу, выдаваемых господами своимъ крѣпостнымъ, замѣняли паспорта и т. п. Духовныя московскихъ князей, Іоанна Калиты и другихъ, на примѣръ, содержатъ наряду съ волеизъявленіями касательно движимаго и недвижимаго имущества завѣщатели такіа распоряженія, которыя относятся къ публичному праву, и наоборотъ, акты публичные, на примѣръ, мѣстнаго самоуправленія иногда настолько богаты элементами частноправнаго характера, что невольно возникаетъ сомнѣніе, къ какой области права они дѣйствительно относятся; выборы въ священники содержатъ, на примѣръ, много условій касательно платы за ихъ услуги мірской общинѣ.

Вышеуказанныя особенности древне-русскихъ частныхъ актовъ обнаруживаютъ все еще слабое развитіе русскаго правосознанія и его юридическихъ формъ.

Быстротечное время, отмѣренное намъ для совмѣстныхъ нашихъ занятій,—на исходѣ и не позволяетъ мнѣ расширить тотъ небольшой кругъ чтеній, который былъ посвященъ мною краткому очерку русской дипломатики частныхъ актовъ. Я заканчиваю его не безъ чувства нѣкотораго смущенія: меня волнуетъ и тревожитъ сознаніе, что я не далъ Вамъ всего того, что хотѣлъ и долженъ былъ-бы дать Вамъ; но меня утѣшаетъ мысль, что мнѣ довелось, вмѣстѣ съ Вами, принять участіе въ крупномъ культурномъ начинаніи: въ дѣлѣ архивнаго строительства русской исторіи. Я не могу не оцѣнить значеніе нашихъ занятій и съ еще болѣе общей точки зрѣнія: мнѣ кажется, что они, въ извѣстной мѣрѣ, способствовали созданію прочной основы для духовнаго общенія между нами, а такое общеніе, особенно въ наше время, имѣетъ громадное значеніе: оно вводитъ насъ въ высокую область единенія мысли и работы духа, безъ которыхъ не можетъ наступить и настоящее обновленіе нашей соціальной и политической жизни.

13 ноября 1918 г.

О г л а в л е н і е.

	Стр.
Отъ редактора	1
Предисловіе	3
Отдѣлъ первый. Общее понятіе о дипломатикѣ и ея положеніи въ русской исторической наукѣ	5
Глава первая. Предметъ дипломатики: изученіе документовъ и актовъ.	
§ 1. Понятіе о документѣ и объ актѣ	5
§ 2. Акты съ освѣдительнымъ и акты съ удостовѣрительнымъ характеромъ	13
§ 3. Акты публичные и частныя	30
§ 4. Основные задачи дипломатическаго изученія публичныхъ и частныхъ актовъ	49
Глава вторая. Дипломатическое изученіе въ русской археографіи и исторіографіи	82
§ 1. Важнѣйшія собранія и хранилища актовъ	52
§ 2. Развитиe русской дипломатики и ея литература	69
Отдѣлъ второй. Документальное источниковѣдѣніе частныхъ актовъ.	
Глава первая. Интерпретація частныхъ актовъ	82
Глава вторая. Критика актовъ, преимущественно частныхъ	91
Отдѣлъ третій. Документальное построеніе частныхъ актовъ	122
Глава первая. Анализъ частнаго акта	124
§ 1. Предварительный анализъ частнаго акта: мѣсто и время его происхожденія	124
§ 2. Дипломатическій анализъ акта	135
§ 3. Юридическій анализъ	158
Глава вторая. Синтезъ частнаго акта	164
Заключеніе	178